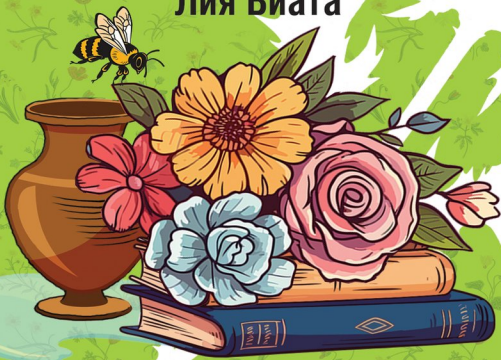
ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

Цветочный детектив

Татьяна Устинова
Людмила Мартова
Галина Романова
Елена Дорош
Артур Гедеон
Елена Бриолле
Лия Виата



Цветочный детектив

Елена Бриолле, Людмила Мартова, Артур Гедеон, Лия Виата, Татьяна Витальевна Устинова, Елена Дорош, Галина Владимировна Романова

Аннотация
Татьяна Устинова, Людмила Мартова, Галина Романова, Елена Дорош, Артур Гедеон, Елена Бриолле, Лия Виата. Цветочный детектив
Артур Гедеон. Проклятие безумного императора
1
2
3
4
5
6
7
Татьяна Устинова. Если выпало в империи родиться
Людмила Мартова. А роза упала на лапу Азора
Елена Дорош. Цветочный рай
Галина Романова. «Загадка белой орхидеи»

Глава 1
Глава 2
Глава 3
Елена Бриолле. Ирис в болотной мгле
Жители болота
Кровавые маки
Новый сержант
Болотная ведьма
Любитель травы
Ботаник
Старые архивы
Король болота
Лия Виата. Мой тайный (не)доброжелатель
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9

Аннотация

В сборнике «Цветочный детектив» вас ждет удивительное переплетение грациозной красоты цветов и захватывающих тайн! Отечественные мастера остросюжетной прозы приглашают читателей в чарующий мир, где цветочные композиции становятся ключевыми уликами, а загадочные сады и оранжереи – местом, где разворачиваются увлекательные события. Эти истории соединяют нежность и великолепие флоры с напряжением и интригами детективного жанра. Предлагаем разгадать сложные ребусы вместе с харизматичными сыщиками, каждый из которых обладает уникальным талантом смотреть на привычные вещи под новым углом!

Татьяна Устинова, Людмила Мартова, Галина Романова, Елена Дорош, Артур Гедеон, Елена Бриолле, Лия Виата
Цветочный детектив

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Артур Гедеон
Проклятие безумного императора

1

Трагедия случилась в первую июньскую субботу в полдень. Позже об этом напишут все газеты, по всем каналам будут передавать, как мэр города Царева многоуважаемый Кирилл Владимирович Расторгуев решил лично открыть ярмарку цветов на главной городской площади над Волгой. И он ее открыл с первыми своими приближенными, даже успел недолго посидеть в «Розовом дворце» на роскошном пластиковом троне. Пока не стал задыхаться, не схватился за шею и сердце и не рухнул со своего невысокого, в три ступени, олимпа. А следом попадали и его присные, и только один местный вельможа, начальник департамента канализационных сетей, господин Сумской, оказавшийся крепким малым, сумел выползти по-пластунски на свежий воздух и, хрипя и протягивая руки к гуляющей толпе, отключился уже на пороге. Его голова с пунцовым лицом и выпученными глазами, в окружении нежных белых роз и попала в объективы многих репортерских камер.

Увидев все это в новостях, частный сыщик Андрей Крымов мрачно усмехнулся, затем вышел на

балкон и закурил свое неизменное «Мальборо». Вот это смерть! Ну Расторгуев! Мог ли подумать этот прожженный деляга, что розы убьют его? В лихие девяностые от пуль уворачивался! Сам строчил наугад. Когда-то ведь был крутым бизнесменом с бригадой головорезов, приватизировал заводы. Потом пошел в политику, прославился жилищной реформой, которую, правда, не довел до конца, так и оставив остовы многоэтажек в одном из отдаленных микрорайонов города. Говорят, срубил на этом еще одно состояние; и вот — такая смерть. А ведь в губернаторы метил!

Не успел Крымов докурить сигарету, как зазвонил его сотовый. Это был Антон Антонович Долгополов.

— Читали, видели?

— И читал, и видел, — ответил Крымов.

— Обдумали?

— Пока еще нет. В процессе.

— Мне дела нет до этого Расторгуева, если честно, — сказал Антон Антонович, — а вот до цветочного фестиваля — есть. У меня на этот счет самые серьезные подозрения. Я должен сделать экспертизу.

— Какую экспертизу?

— Узнаете. Я собираюсь в город, поэтому, если

не возражаете, встретимся у вас, а потом уже на площадь. Надеюсь, там еще ничего не убрали. А если и убрали, то что-то осталось. Позвоните своим, узнайте, разнюхайте. Я заеду за вами.

— Позвоню и разнюхаю, — сказал Крымов, сделал последнюю затяжку и раздавил окурок в консервной банке на перилах. — До встречи.

Он сразу набрал бывшего коллегу, ученика и подчиненного капитана Константина Яшина.

— Костя, здорово, — сказал Андрей, — я понимаю, тайна следствия и все дела, но скажи мне, что это было с Расторгуевым и цветочным дворцом?

— Хотите узнать, случайность или предумышленное?

— Именно.

— Второе, конечно. Доказательств пока нет, но от запаха роз еще никто не умирал. Убийство такое изощренное, какого мы не знали прежде. Массовое отравление райскими ароматами.

— Сумской выжил, как я понимаю?

— Откачали в больнице.

— И что говорит главный канализатор города?

— Мистика, вот что. Не по телефону.

— А ты сейчас где? Я бы заехал.

— Да тут, на площади. Дело ведет полковник

Макаров лично, я у него на побегушках.

— Так я заеду?

— Заезжайте. Здесь толпа — не разгонишь.

— Буду через час.

Крымов стал потихоньку собираться. И вновь — звонок. На этот раз — Кассандра.

— Привет, Андрей. Уже слышал?

— И слышал, и видел. Антон Антонович едет ко мне.

— И потом на площадь?

— Да.

— Я еду с вами!

— Давай, девочка, — согласился Крымов. — Там увидимся.

Будет радостно увидеть их рыжую красотку, соратницу по опасным приключениям.

Через сорок пять минут Долгополов вновь позвонил и сказал:

— Выходите, подъезжаю.

Антон Антонович приехал на своем легендарном черном «Жуке», который разгонялся по трассе так, будто был гоночной машиной, а не городской «божьей коровкой». Крымов не удивился бы, если бы эта машина и летала, из нее выезжали бы крылья, а из капота вырывался реактивный огонь. Сам старик-коротышка с

пушистыми седыми волосами и баками, вечно ворчливый и язвительный, был «волшебным». Убеждаться в этом приходилось много раз. Так чего бы его маленькому «Жуку» не перевоплощаться в конька-горбунка, как в фильме про роботов-трансформеров?

Они рванули через город.

— К нам примкнет Кассандра.

— Прекрасно — лишние острые глаза и чуткие уши нам не помешают.

— И хорошо развитая фантазия.

— Кстати, да, — согласился Долгополов. — Что разнюхали?

— Дело и впрямь с огоньком.

— С мистическим?

— Ага.

— Я так и знал.

— Товарищ капитан, Константин Яшин сейчас все расскажет.

— Ох, какие нехорошие у меня догадки, Андрей Петрович…

— И что за догадки?

— Чуть позже, чуть позже.

— Как скажете.

Минут через десять они были на площади. Место преступления оцепили широко по диа-

метру. Ротозеев было не счесть. Тут и там стояли полицейские.

Ярмарок в Цареве на центральной площади проводили много: хлебную, кондитерскую, мясную и рыбную, ярмарку ремесел, квасную, пивную, медовую, народных инструментов, минеральной воды. Но цветочную — впервые! И какими только красками не расцвела она! Взялся за ее проведение Клуб любителей цветов. Ярмарку приурочили ко Дню города. Всю площадь отдали под нее. Среди этого карнавала цветов стоял небольшой дворец, сложенный из букетов с розами, почти игрушечный, способный впустить в себя лишь с десяток человек. Но был и парадный вход, и миниатюрная зала, и даже небольшой трон в глубине. Конечно, из цветов можно сложить букеты, но никак не здание. Местные жители из окон высотных домом видели, как рабочие усердно сбивали его каркас из легких досок и панелей. А потом он начинал обрастать роскошными цветами — розами алыми, белыми, розовыми и прочих оттенков.

И вот теперь в границах зловещего цветочного дворца бродили специалисты-криминалисты в халатах химзащиты и противогазах.

Кассандра приехала почти одновременно с

ними на моторе, выскочила, оглядывая площадь, увидела мужчин, просияла и подлетела к ним. Копна огненно-рыжих волос и ее очаровательное лицо, густо усыпанное веснушками, так и горели золотом на солнце.

— Привет, Андрей, привет, Антон Антонович. — Она чмокнула Крымова в щеку и Долгополова в седое темечко.

— Как трогательно, — буркнул тот. — Хорошо не в лоб, как покойника.

— Вы маленький, поэтому мне вас удобно целовать в темя, — пояснила свои действия Кассандра.

— Маленький! — возмутился бодрый старичок. — Я — компактный.

— Что я пропустила, мужчины?

— Да пока ничего, — ответил Андрей. — То же, что и мы.

— А какие соображения?

— Сейчас поговорю с Яшиным и будут соображения.

— Пока что только догадки, — пояснил Антон Антонович. — Нужна химическая экспертиза.

— Экспертиза чего? — спросила девушка.

— Лепестков роз, конечно.

— Вижу Яшина, — сказал Крымов.

— Андрей Петрович, как хотите, но выпросите у него хотя бы несколько лепестков тех роз, что убили мэра. Уверен, они еще не все увезли.

— Ладно, постараюсь.

— Не «ладно, постараюсь», а возьмите. Силой, хитростью. Как угодно. От этого зависит успех нашего дела. Ясно?

— Ясно, ясно.

— Мы с Кассандрой посидим в машине, — сказал Долгополов. — А то помешаем вашему откровенному разговору.

— Резонно, — согласился Андрей.

Долгополов и Кассандра укрылись в «Жуке». Крымов позвонил коллеге, и вот уже через площадь к нему двинулся Яшин, по дороге давая указания младшим по званию сотрудникам. Он пропустил бывшего шефа через заслон.

Они крепко, по-дружески пожали друг другу руки. Крымов был достойным наставником когда-то еще лейтенанта Яшина — по тем временам оба работали в убойном — и многому его научил.

— Как вы, Андрей Петрович?

Перебросились парой слов, кто как поживает.

— Ну, теперь говори, в чем секрет дела, — попросил Крымов.

— Отойдем, — мотнул головой Яшин. — Отчего

такой интерес? — когда они шли мимо ограждений с той стороны, подальше от публики, спросил он. — Стойте, сам отвечу: слово «мистика» задело?

— Именно, Костя, именно.

— Во-первых, тут ведь какой-то массовый гипноз. Никто не может вспомнить, как воплотилась идея этой ярмарки. Клуб любителей цветов в панике. Им предложил идею и свой кошелек некий цветочный король Питер Маузер, сам взялся устроить праздник.

— Цветочного короля звали Питер Маузер? Как того самого Маузера?

— Именно так.

— Родственник?

— Понятия не имею.

— И никого это не напрягло?

— Ни единой души. Бесплатный праздник, Андрей Петрович, да еще цветов, — кому надо волноваться? Вот если бы товарищ Маузер решил устроить выставку оружия, тогда другое дело. Секретарь якобы принес бумагу на подпись мэру, где была заявлена огромная благотворительная сумма. Гарантировалось обеспечение торжества, что, конечно же, понравилось мэру. И День города рядом. Одним словом, за все платил товарищ

Маузер. Его видели только один раз. Проект реализовывал главный архитектор города Сукачев, племянник мэра, кстати.

— Кто бы сомневался.

— Чертежи, строительные материалы — все было. Собралась бригада архитекторов из своих, и дело пошло. Но самое главное — стеклянный потолок в так называемой тронной зале. Он должен был открываться, и оттуда высыпались бы розы.

— И как он открывался?

— Нажимаешь на кнопку пульта, и готово.

— Кто отвечал за нажатие этой кнопки?

— Да неизвестно кто. Цветы же! Андрей Петрович! Не динамит. Архитекторы сделали свое дело и разошлись по домам. Цветы должны были подвезти накануне ночью, а то бы они завяли. Праздник на одни выходные, не более того.

— Ну, это понятно.

— Распорядитель праздника Ерофеев — он сейчас дает показания — рассказал, что ночью, то есть позавчера, приехали два трейлера с цветами и небольшая бригада. Им помогали наши деятели из цветочного клуба. Полиция за всеми смотрела. Конечно, наши все проверили. На взрывчатые вещества в том числе. Даже овчарку Раду притащили. Все обнюхала, села, вывалила язык. Что

скажешь? Розы, и все дела.

— Ясно, ясно.

— И только розы на стеклянный потолок уложили эти специалисты. Благотворитель Маузер лично распоряжался последними штрихами. Уже утром было дело. Хотели у него взять интервью, но он сказал: «Позже».

— О чем же вам поведал этот спасшийся Сумской?

— Он рассказал интересную подробность. Распорядитель праздника Ерофеев уже в полдень сам повел их в чудесный Розовый дворец. Мэрия заходит — там благоухание. Райское!

— А кнопка у кого? Волшебная кнопка, Костя?

— Да никто не знает! Говорю же: массовый гипноз.

— Ладно.

— Расторгуев говорит: ну все, теперь я сам, дайте, мол, помедитирую. А благоухание такое, что голова кружится. Понимаете? И тянет идти дальше. С каждым шагом аромат роз все сильнее. И все дурманнее. А в глубине этого мини-дворца — трон на возвышении. Прямо как будто для Расторгуева сделанный. У его чиновников голова кругом, но они вида не подают. Только покачиваются. Один говорит, мол: Кирилл Владимирович,

может, хватит? Мы сейчас попадаем. А он: куда там! Терпите, наслаждайтесь. Вы же в раю, дураки. Где же еще такое унюхаете?

Крымов усмехнулся:

— От рая до ада два шага?

— Именно так. Расторгуев сел на трон, говорит: заберу-ка я потом этот дворец себе за город, внучат порадую. И тут Сумской услышал слова, как будто идущие от самих стен: «Усните вечным сном, мои рабы!» Все завертели головами: что? кто? Какие рабы? Вдруг потолок открылся — и на них высыпались тысячи лепестков роз. Вот от этого дурмана они и стали падать, как груши с дерева. Задыхались и умирали. Пять человек из администрации, включая господина Расторгуева, с концами. Только шестой и выполз — этот Сумской. Никого из них заподозрить было нельзя, это ясно.

— А распорядитель?

— Он бы тоже отдал концы, если бы с ними остался.

— Тоже понятно. Но он знал о том, что от этого розового дурмана люди ошалеть могут? А если дети, не дай бог?

— В том-то все и дело, что он заходил прежде, хорошо пахло, говорит, но не так сильно. Сам

еще на троне посидел, порадовался. Вот, говорит, красотища! Мэр будет в восторге.

— А что он знал об открывающемся потолке?

— Толком ничего не знал. Маузер сказал: конструкция, мол, с сюрпризом. Цветы упадут с неба. Будет рай на земле.

— И где он теперь, этот Маузер?

— Да будто сквозь землю провалился. Как и все остальные, в этом замешанные. Клуб любителей цветов крайним и оказался. Кто мог подумать, что розы станут смертельными? Это пока все, что мы узнали.

— Ты вот что, Костя: дай мне с пяток тех розовых лепестков, что с потолка слетели. Хочу свою экспертизу провести.

— Мы уже сделали.

— И что?

— Ничего. Розы как розы.

— Так вот теперь я сделаю.

— Какую-то особую экспертизу?

— Ага.

— Ладно, сделаем. У меня два полиэтиленовых мешка, — показав рукой на уровне пояса, усмехнулся он. — Их ребята лопатами сгребали. Прямо сейчас надо?

— Лучше так.

— За оградой подождите. Вынесу, как смогу.

— Идет.

Яшин вернулся минут через десять, протянул пакетик с розовыми лепестками. Крымов спрятал их в карман.

— Только вот что, Андрей Петрович: мои ребята эту отраву в противогазах и химкомбинезонах собирали. Так что вы поосторожнее с этими розочками будьте.

— Спасибо, Костя. — Андрей поднял указательный палец: — Кстати…

— Да?

— Я понимаю: Расторгуева полгорода ненавидело. А как насчет настоящих врагов?

— О коренных?

— Точно.

— О ком сами-то подумали?

— О губере, конечно. О Самохвалове.

— Да, с ним они точно враждовали. Терпеть друг друга не могли. — Яшин огляделся по сторонам, нет ли лишних ушей, понизил голос: — Но еще больше Расторгуева ненавидела жена Самохвалова, бывшая модель. Так люди говорят. Какое-то у них было темное прошлое. Но чтобы устраивать на площади такое представление с отравлением? Было или нет, еще поди докажи…

2

Втроем они ехали в загородной поселок Яблоневый, где жил Долгополов.

— Ты еще не была у нашего Антона Антоновича? — спросил Крымов. — В его замке?

— Не-а, — ответила Кассандра. — Это дом с призраками, конечно?

Андрей усмехнулся:

— А то!

— Так и рыщут по залам и галереям, — накручивая баранку, подхватил Долгополов.

— А какой там сад, Касси! — продолжал детектив. — Чай с вареньем и наливкой на любой вкус тебе обеспечены. Верно, Антон Антонович?

— Несомненно, — ответил маленький шустрый водитель с пышной седой, полупрозрачной шевелюрой и бакенбардами. — Сегодня презентую вам свою «Антоновку». Восемнадцать градусов, прозрачная, как слеза, аромат и вкус — райские.

— Короче, сейчас все увидишь и попробуешь сама.

— Но вначале дело, — бросил через плечо бодрый старик.

— Кстати, а в какой лаборатории вы намерева-

етесь проводить экспертизу?

— В частной, — ответил Долгополов. — Нам бы еще на этого товарища Маузера посмотреть.

— Могу это устроить, — сказала Кассандра и достала телефон. — Мы статью готовили о празднике цветов. Наш проныра репортер Колосков, который везде лазейку найдет, проник утром на площадь, все обошел и всех сфоткал, кстати. Притом тайком.

— И даже самого Маузера?

— Ага. — Она протянула телефон Андрею. — Вот эти фотки.

За строительством Цветочного дворца смотрел светловолосый мужчина неопределенного возраста в темных очках, в светлом фланелевом костюме, высокий и худой, бледный. Кадров на него фотограф Колосков не пожалел — нащелкал с горкой. Вот Маузер отдает указания, обходит конструкцию, усыпанную розами, говорит с председателем цветочного общества. А вот его лицо в кадре — непроницаемо-бледное, равнодушное, отчасти кукольное, словно его поразила временная анемия.

— На покойника похож, — заметил Крымов. — Ожившего.

— Покажите, — на светофоре попросил Антон

Антонович.

— Будьте так любезны. — Крымов повернул к нему экран.

— Да-с! Одно слово: иностранец.

— И как Расторгуев поверил человеку с такой физиономией? — риторически спросил Крымов.

— Можно подумать, что рожа вашего Расторгуева лучше, — усмехнулся Долгополов. — Этот прямо заморский принц в сравнении с ним. У Расторгуева-то ряха динозавра.

— Тоже верно, — согласился детектив.

— Но где я видел эту физиономию? — задумался Антон Антонович. — Этого принца? Шутника Маузера?

Они оказались на краю города, перелетели по бетонному мосту речку Полушку и ворвались в пределы дачного поселка Яблоневый. Скоро Антон Антонович, открыв ворота, загонял черного «Жука» в свой гараж.

Кассандра с восхищением оглядывала чистенький белый дом с яркими цветными наличниками и благоухающий сад с плодовыми деревьями.

— Как тут у вас чудесно! — воскликнула девушка.

— Не расслабляйтесь, — отозвался Долгополов. — Романтика будет позже.

Крымов напрасно думал, что хорошо знает дом старшего коллеги. Антон Антонович открыл небольшую узкую дверь, ведущую в подвал, включил свет и сказал:

— За мной.

Они гуськом потопали вслед за ним.

— Как бомбоубежище, — заметил Крымов.

— Бункер для мудреца, — поправил его Долгополов.

Подвал оказался очень глубоким. За первой комнатой с тесными стеллажами, уставленными запыленными банками с вареньем и наливками, он открыл другую дверь и уже там зажег свет.

— Смелее, — сказал Антон Антонович.

Крымов и Кассандра с любопытством переступили порог.

— Ого! — воскликнул Андрей.

Это была химическая лаборатория! Тут тоже вдоль стен шли стеллажи, но на них стояли колбы и реторты, ящики с разнокалиберной посудой и химикатами. Долгополов сбросил курточку, надел халат, висевший в углу, подошел к большому столу с хитрым аппаратом и стал готовиться к эксперименту, ставя и укрепляя колбы и реторты. Крымов и Лопухина переглянулись. Детектив заговорщицки подмигнул девушке. С их стариком

в эти минуты даже заговорить было страшно, с таким усердием и скрупулезностью он работал.

— Как у средневекового алхимика, — прошептала Кассандра. — Правда?

Бодрый старик услышал ее. Оглянулся на Крымова, хитро и заговорщицки подмигнул ему.

— Устами младенца! Четыреста пятьдесят лет назад, девушка, — обратился он к Кассандре, — один рыцарь, которого звали Агриппа Неттесгейм, известный в империи экзорцист, посетил в Мюнхене дом не менее известного мага и алхимика Антония Августина Баденского. Тот жил на улице Оружейников. У них оказалось общее дело и общий объект для розыска. Припоминаете, Андрей Петрович?

О да, Крымов припоминал! С Антоном Антоновичем Долгополовым можно было многое что припомнить! Чего, казалось бы, и на свете не могло существовать. Но ведь было, было!

— У того мага в подвале дома была точно такая же лаборатория, — не дождавшись ответа, продолжал Долгополов. — Попроще, поскромнее, но тоже неплохая. Ну так что, Андрей Петрович, помните?

— Помню, Антон Антонович, — кивнул Крымов. — Я все помню.

— Это хорошо! В той истории, милая Кассандра, двое воинов света охотились на неуловимого и зловещего доктора Фауста! Вот это был противник! Любого мог вокруг пальца обвести.

— Еще одна ваша сказка? — беззаботно спросила Кассандра. — Только на этот раз на двоих?

— Еще одна наша быль, — как бы между прочим откликнулся Долгополов. — Ну что, детки, готовы?

Он вытащил из ящика стола огромные очки, в каких ездили по городам Европы первые автомобилисты и пугали невинных прохожих, доводя их до сердечного приступа, надел их и стал похож на старого злоумышленника-жука. Вот-вот взмахнет ручками-крылышками, взовьется, зажужжит и станет парить под потолком своей подземной лаборатории, натыкаясь и сшибая предметы.

— Не укусите? — спросил Крымов.

Кассандра хохотнула в кулачок.

— Посмотрим на ваше поведение, — ответил Антон Антонович. — А вы следить будете за экспериментом?

— Будем, — кивнула девушка.

— Тогда надевайте такие же, — сказал Долгополов и достал из старого шкафа пару точно таких же кошмарных очков на пол-лица, только

новых.

Втроем они стояли перед хитрым аппаратом, в котором все булькало и шипело, немного разбрызгивая в стороны пенистую синеватую жидкость. Уже были брошены один за другим три лепестка убийственной розы, — они то и дело меняли цвет, когда новая жидкость или порошок попадали к ним в колбу. А Долгополов все что-то подливал, подсыпал, бормотал, ругался, удивлялся самому себе. И твердил: «Ох, как плохо! Ох, как плохо-то! Совсем плохо!»

— Он точно знает, что делает? — шепотом спросила Кассандра.

— Он точно знает, — ответил за Крымова хозяин лаборатории и всыпал еще один порошок в колбу. — Ох, как нехорошо-то, дети мои!

— Можешь не сомневаться, Дмитрий Менделеев отдал бы год жизни за то, чтобы увидеть такое, — кивнул Андрей. — Или два.

— Три года отдал бы Дима, — поправил его Антон Антонович, — а то и пять. Но я ему пару фокусов забесплатно показал.

Кассандра вопросительно взглянула на Крымова.

— А еще говорил я ему тогда: куда вы, уважаемый профессор, черную материю в своей таблице

денете? Куда засунете? Где приспособите?

— Он говорил с Менделеевым? — сморщилась Кассандра. — В каком, интересно, году?

Но Андрей Крымов только пожал плечами: мол, слушай и не задавай лишние вопросы. Девушка хотела спросить еще что-то, но не успела.

Химическая реакция опередила ее: большая колба, в которой рождалось это варево, как будто вспыхнула — ее содержимое превратилось в кроваво-золотистую жидкость. Кажется, колба вот-вот расколется, но нет, обошлось. А когда пена улеглась, остался только пронзительного червонного цвета прозрачный раствор, в котором торопились вверх пузырьки. На дне колбы лежали скрюченными три черных лепестка. Они словно обуглились и окаменели в этом растворе.

— Да, я так и думал, — мрачно сказал Долгополов. — Я так и знал, друзья мои, так и знал… Эта чертова белена!

Он снял огромные смешные очки, его примеру последовали и Крымов с Кассандрой.

— В каком смысле «чертова белена»? — спросил детектив.

— В самом необычном.

— То есть? Антон Антонович, что вы все загадками говорите? — возмутился Крымов. — Будьте

серьезнее.

— Я очень серьезен, Андрей Петрович. Предельно серьезен. Вот почему экспертиза в полиции не дала никаких результатов. И ничего не обнаружила. Лепестки были отравлены, но не простой отравой.

— Что может быть проще белены?

— Я же говорю: это не простая отрава. «Чертова белена». Самый редкий вид, который водится только в одном месте — на Дьявольских полях.

— И где эти поля? — спросила Кассандра. — В каком они месте?

— А вы как думаете, девушка? — поинтересовался Долгополов.

— Понятия не имею. На Урале? — Она вопросительно взглянула на Крымова. — Там много всяких трав. Я читала.

— Меня не спрашивай, — покачал головой Андрей. — Я не специалист по травам. Ты больше всякой всячиной занималась.

— Или за Уралом? — продолжала рыжеволосая Кассандра. — У каких-нибудь хантов и мансов?

— Идемте наверх, в мою библиотеку, — сказал Антон Антонович, снял халат и прихватил куртку. — Идемте!

— Сейчас увидишь сокровищницу челове-

ческой мысли, — по пути сообщил Крымов их спутнице.

— Даже не сомневаюсь в этом, — откликнулась Кассандра.

3

Через пару минут они вошли в святая святых этого дома, и Долгополов пафосно сказал:

— Видите, Кассандра? Вот оно, мое сердце!

— Ваше сердце? — не поняла девушка.

— Библиотека! Сердце моей скромной обители, разумеется. Андрей Петрович тут уже бывал много раз, теперь и ваша очередь познакомиться с шедеврами самых выдающихся умов прошлого.

В библиотеке, где в застекленных шкафах по периметру хранились книги, Антон Антонович усадил двух гостей за круглый стол, а сам двинулся на поиски нужного экземпляра, цепко поглядывая через стекло на корешки.

— Ага, вот она! — сказал он, открыл стеклянную створку и вытащил старинный фолиант. — «Дьявольские причуды римских императоров», автор Марко Донателло Сфорца, Флоренция, год издания 1883-й. Итальянского вы все равно не знаете, потому читать буду я.

— А вы знаете итальянский? — удивилась Кассандра.

— Я много чего знаю, девушка, но кричать об этом не в моих правилах. — Он уселся на стул

напротив них, поерзав, устроился как можно удобнее, как лектор перед своей аудиторией. Открыл книгу, забрался в содержание, провел пальцем по строчке, сказал: «Ага», нашел в середине тома нужную страницу и прочитал: «Двадцать шестой император Рима, Цезарь Марк Аврелий Антонин Пий Феликс Август из династии Северов, или Гелиогабал, правивший с 218 по 222 год новой эры». — Долгополов погрозил им пальцем: — Читаю, а вы слушайте предельно внимательно.

— Мы слушаем, — кивнула Кассандра. — И очень внимательно.

— Итак, читаю: «Такие правители приходят как проклятие своим народам за их грехи. И часто они являются в образе ангелов. Не рождалось еще на свет более развращенного, капризного, самовлюбленного, почитавшего чувственность во всех ее проявлениях, но жестокого и беспощадного одновременно человека, чем император Гелиогабал. Юнец, предавший римских богов и насадивший пантеон Рима чужеземными. Император цветов, как его назвали позже, или Император роз. Он прожил на белом свете коротких восемнадцать лет и всего пять из них занимал трон императора Рима. Но и этого хватило, чтобы

оставить по себе такую ненавистную память, что сразу после его смерти Сенат запретил жителям всей империи называть мальчиков именем Антонин, — главным именем Гелиогабала.

Его мать Юлия Соэмия, племянница римского императора Септимия Севера, была наполовину сирийка, и это она внушила мальчику фанатичную любовь и почитание чужих богов. Его отец Секст Варий Марцелл, римский политик и военачальник, как выяснилось позднее, родным ему не был. Настоящим отцом Гелиогабала был император Каракалла, двоюродный брат его матери и тоже почитавший иноплеменных богов, в первую очередь египетскую Изиду. И когда Каракалла, который законных наследников не оставил, оказался убит вследствие заговора, то полководцы Третьего Галльского легиона провозгласили своим императором малолетнего Гелиогабала. Сторонники юноши в ряде сражений разбили его противников и привели Гелиогабала в Рим, где признали сыном Каракаллы. Но никто не ждал от тринадцатилетнего мальчика такого сокрушительного вреда, как и от его матери, ставшей регентшей при своем сыне».

Антон Антонович прервал чтение и взглянул на слушателей:

— Каково начало истории?

— Вдохновляет, — кивнул Андрей.

— Супер, — подхватила Кассандра. — Что дальше?

— Дальше: «Тогда при попустительстве Юлии Соэмии, а может быть, и по ее наущению честолюбивый и тщеславный Гелиогабал, исполненный дьявольской гордыни юнец, и начал свою «религиозную реформу», месяц за месяцем приводившую в шок и ужас всех жителей империи, особенно тех, кто придерживался консервативных взглядов и почитал древних римских богов. Во-первых, он провозгласил нового, самого главного верховного бога Рима — Элагабала, бога солнца, а себя — его верховным жрецом и понтификом. Рим ужаснулся. Во-вторых, он объединил всех римских богинь в одно лицо — в шумерскую Астарту, которой они с матерью поклонялись еще в Сирии. Рим был оскорблен. В-третьих, не знавший берегов уже пятнадцатилетней юноша взял себе в жены знаменитую красавицу-весталку Юлию Аквилию. Взрыв недовольства перерастал в бурю возмущения и праведного гнева: по древним законам Рима божественные жрицы не могли вступать в брак и должны были сохранять девственность, а нарушивших этот обет живьем

зарывали в землю. Император Гелиогабал сказал на это, что она родит ему и всему Риму богоподобных детей. Он построил храм, посвященный Элагабалу, и в тунике жреца каждый год в день солнцестояния совершал ритуальный танец на глазах у первых лиц Рима. А потом приказал соорудить золотую колесницу, запрячь шестеркой белоснежных коней, и в ней по улицам Рима сам провозил золотую статую бога Элагабала. Ему мало было женитьбы на весталке, он нашел и для своего бога жену — привез из Карфагена знаменитую статую финикийской богини-девственницы Танит и лично совершил обряд бракосочетания.

Его чудачества давно стали преступлением перед Римом, но впереди были новые женитьбы, развратные церемонии и жестокие жертвы иноземным богам. А потом наступило возмездие. Всем известно, что человек, не знающий границ своей воли, ставший над любым законом, презревший всех, с диким аппетитом пожирает все пространство вокруг и гармонию приводит в хаос. Гелиогабал окружил себя гаремом, сам из мужчины перевоплощался в женщину, ездил в праздники по улицам Рима обнаженным, покрытым ярким макияжем, на высоченной колеснице, а десятки голых римских блудниц были запря-

жены в эту колесницу вместо лошадей. Наконец, сказал, что земля недостойна его божественных ног, и когда он шел, то перед ним улицы Рима посыпались золотым песком. Но недаром Гелиогабала называли Императором цветов! Он любил пиры, на которых собирались сотни знатных людей. А над ними были расписные матерчатые потолки. От многих приглашенных он хотел избавиться навсегда, и вот их усаживал вместе. В разгар пира потолок открывался, и на гостей высыпались сотни тысяч лепестков роз. Приглашенные задыхались от этого аромата, а возможно, и от того, что лепестки были пропитаны отравой, предположительно ядом белены. Десятки только что веселившихся людей в корчах умирали на глазах императора, сидевшего высоко над ними и наблюдавшего за их агонией».

Долгополов кивнул своим слушателям:

— Хорош император?

— С фантазией паренек, — согласился Крымов. — Известный изувер. Я уже почти забыл о его выкрутасах, но в свете недавних событий знаменитые «пиры Гелиогабала» со смертельным исходом приобретают новое звучание.

— Вот именно! — согласился Антон Антонович. — Дальше в двух словах. — Он положил руку

на раскрытую книгу. — Возмущение безумным императором достигло точки кипения. Преторианская гвардия потребовала, чтобы Гелиогабал взял себе в соправители благочестивого двоюродного брата Александра и с ним прибыл в лагерь гвардейцев. Гелиогабал, его мать Юлия Соэмия и Александр прибыли к преторианцам, и император потребовал, чтобы те убили Александра у него на глазах. Вместо этого преторианцы убили самого Гелиогабала и его мать. Но перед смертью паренек успел выкрикнуть, — Антон Антонович скосил глаза на книгу, — что «проклинает всех и будет до скончания веков мстить всем своим обидчикам даже в царстве Аида и просто будет мстить всем людям, которые были недостойны даже смотреть на него, единственного и неповторимого, божественного императора, жреца верховного бога Элагабала»… — Палец Долгополова заскользил по строчкам. — Так-так… «Тела императора и его матери были разрублены на куски, их долго таскали по улицам Рима, а потом утопили в Тибре». Подождите… Вот: «Существует более поздняя легенда, времен раннего Средневековья, что после своей страшной смерти юноша-император стал демоном и теперь мстит всем людям за то, что его недостаточно любили».

Такая, понимаешь, драматическая античная история, — заключил Долгополов. — Что скажете, дорогие коллеги?

— Сильно, особенно про демона-мстителя, — заметил Крымов.

— Так наш господин Маузер имитатор? — предположила Кассандра. — Повторяет шутки Гелиогабала?

— Даже не тепло — холодно, — покачал головой Антон Антонович. — Думайте, золотая вы наша. Думайте лучше.

Телефон Крымова отозвался пришедшим смс. Он взглянул на экран.

— А вот и сообщение от капитана Яшина: он сфоткал все стены Цветочного дворца и главной залы, где дали дуба мэр и его команда. Смотрите-ка, потолок, из которого высыпались розы, — не отрывая взгляда от экрана, проговорил Крымов. — И в открытом состоянии потолок, и в закрытом. — Андрей взглянул на Долгополова: — Но в закрытом, я вам скажу, это шедевр.

— Ну давайте, давайте! — махнул ручкой Долгополов. — Чего дразнитесь?

Но Кассандра, задержав руку Андрея, первой заглянула в экран и не смогла удержаться:

— Ух ты!

— Ну что, что? — вопросил хозяин дома. — Хотя у меня уже есть догадки…

— Наслаждайтесь, Антон Антонович, — Крымов протянул старику телефон. — Вам это понравится.

Тот перехватил трубку и уставился на дисплей.

— Чтоб меня…

На закрытом потолке была сцена на тему античности — она упрощенно повторяла одну из множества картин, написанных в разные века и посвященных этой теме — пирам Гелиогабала! Юный император на возвышении, уложив руки на подлокотники трона, смотрит вниз, как его подданные, только что пировавшие, корчатся, утопая и задыхаясь в море смертоносных роз.

— И книжка в тему, и картина тоже, — заметил Крымов.

— Да-да, — подтвердил Долгополов. — Ну что, золотая наша девочка, все думаете, что это таинственный имитатор?

— А кто же еще?

— Может быть, это таинственный мститель?

— В каком смысле?

— В самом прямом. Подобные пиры разыгрывались в разные века разными коронованными особами. Может быть, без античного размаха,

но было! Приглашали врагов, а потом на тебе — отраву с неба. В этой книжке и приложение есть, как один герцог, живший в восемнадцатом веке, отправил на тот свет своего дядю-конкурента со всем его семейством. Камерный такой обед на шесть персон, а итог все тот же. Муки, корчи, агония.

— Вы хотите сказать, что это сам Гелиогабал странствует по временам и народам и совершает по заказу такие вот преступления? Очень смешно, Антон Антонович, — поморщилась Кассандра.

— Что, невероятно?

— Совсем.

— А по-моему, очень вероятно! — возмутился Долгополов. — Вот если бы всех этих умников из мэрии отравили цианидом, мышьяком или ипритом, я бы сам первый сказал: да чего тут гадать? Ловкачи! Но вы забыли, что яд, которым отравили Расторгуева, из чертовой белены с «Дьявольских полей». Из потустороннего мира. Кстати, насчет этих самых полей: найду-ка я еще одну книгу.

Антон Антонович вернул один фолиант на место и стал искать другой.

За его спиной Кассандра опустила глаза.

— Андрей…

— Что? — отозвался Крымов.

— Такое и вправду может быть?

— Хе! — вырвалось у бодрого старичка, рыщущего по полкам. — Фома неверующий. Вот! Вот! — он достал другой фолиант и тоже выложил его перед своими гостями. Тут у него была закладка на том самом месте. — Посмотрите, гравюра Дюрера «Дьявольские поля».

Гравюра была хороша. Поле уходило к самому горизонту, где закатывалось солнце. И всюду цвела белена. Но головки цветов на первом плане были с устрашающими лицами демонов, а листья стали их когтистыми лапами.

— Вот что такое, Кассандра, «Дьявольские поля», — ткнул в репродукцию пальцем Антон Антонович, — вот откуда была собрана белена, убившая мэра Расторгуева.

— Я хотела спросить о другом, — сказала Кассандра. — Нежели этот безумный Гелиогабал может странствовать уже две тысячи лет между мирами и устраивать такие представления? Если без шуток, иносказаний и аллегорий. Неужели у него может быть такая способность?

Крымов перехватил взгляд Долгополова:

— Антон Антонович, ответите даме на этот вопрос?

— Отвечу, — кивнул тот. — Если он демон, то,

конечно, может. И тот, кто попросит у него хорошенько о помощи, посулит ему награду, к тому он может и заявиться. Чтобы в очередной раз пошутить и отомстить!

Кассандра уже что-то активно искала в телефоне.

— Нет, не он. Не он!

— Ты о ком? — поинтересовался Андрей.

— Портретов Гелиогабала, Антон Антонович, очень много, но он никак не похож на благотворителя Маузера. И еще, мне кажется, ваш юный император был просто капризным сумасбродом, а «убийца с цветами» — хитрейший злодей. Что вы на это скажете, Антон Антонович?

— Скажу, что за две тысячи лет и повзрослеть можно, слоняясь в аду. Как думаете? — Но ответа он не ждал. — Предлагаю смастерить обед. — Хозяин дома сполз со стула. — Вскипятить чайник, порезать сырку и колбаски, хлебушка, достать варенья разного, наливочки, как я вам обещал, и пройти в сад. — Он задумался, теребя правую бакенбарду. — Андрей Петрович…

— Да?

— Я поручаю хозяйничать вам, а сам я пройду в свой кабинет и займусь делами. Сделаю парутройку звонков. Какая наливка в буфетах, вы

знаете. Мне нужно полчаса, не более того. А Кассандра вам в помощь. Хорошо?

Крымов пожал плечами:

— Мы все сделаем и будем ждать вас.

— Вот именно, и тогда потрапезничаем от всей души. Мне же нужен ключ от очередной двери. Маленький золотой ключик!

Антону Антоновичу Долгополову хватило именно получаса. Кассандра никак не могла надышаться благоуханием яблонь. Когда стол был собран, хозяин вышел из дома с папочкой и направился к ним. Тут уже было все приготовлено для трапезы: чайник выпускал пар, сыр и колбаса были нарезаны, хлеб и фрукты грудились в огромной миске, варенье наполняло вазочки, стояли две бутылки с наливкой, стопки, так хорошо знакомые Крымову, ждали, когда же их наполнят.

Кассандра не удержалась, прихватила с блюдца ломтик сыра и быстро отправила в рот.

— М-м, нежный какой!

— Из местного магазина «Сыры и колбасы по-домашнему», — пояснил Крымов.

— Ну, чего смотрите? — спросил хозяин дома, опускаясь в плетеное кресло. — Наливайте, Андрей Петрович! Думаете, я не проголодался?

После мозгового штурма голоден, как волк.

Крымов с улыбкой наполнил стопарики золотистой наливкой.

— Сдвиги есть, стало быть?

— Еще какие, — ответил Долгополов. — Выпьем по первой — расскажу.

Они чокнулись и выпили. Кассандра только пригубила напиток.

— Сладкий какой и ароматный! — зажмурилась она.

— Конечно! — усмехнулся бодрый старик. — Какими ручками-то сделано! — Он показал свои старые, немного скрюченные, но цепкие лапки. — У-у! А с какой душой и каким сердцем. — Антон Антонович с гордостью похлопал себя по груди. — Понимать надо. Теперь о деле. — Тон его сразу переменился. — Звонок «наверх», — он ткнул пальцем в летнее небо, — и три звонка моим агентам решили половину дела.

— Наверх — это в Небесную канцелярию? — спросил Крымов.

— Разумеется.

— А что такое Небесная канцелярия? — спросила Кассандра.

Мужчины переглянулись.

— Об этом позже, — ответил Долгополов. — Так

вот, звонки сделали свое дело. Стали золотым ключиком и приоткрыли двери в чужие тайны. А именно в тайны господина Самохвалова и господина Расторгуева, в секреты Яны Самохваловой. У нее есть подруга, Эльвира Леонардовна Графф, тоже модель на пенсии. Вот она-то все знает про Яну. Все ее секреты.

— А с чего она будет с нами делиться?

Долгополов усмехнулся:

— А вы ей покажете это, Андрей Петрович, — старик выудил из большой серой папки черную пластмассовую, положил перед собой и похлопал по ней. — Черную папочку.

— Я?

— Именно вы. Данные я только что получил по почте и распечатал. Если вы джентльмен, а вы именно такой, то никогда и никому не покажете и сами забудете про ее содержимое. Но она, эта дама, вам расскажет все, что знает, уж поверьте.

— Так это будет шантаж?

— Самый беспардонный. Но это единственный путь добраться до правды. Завтра ровно в полдень Эльвира Графф, как обычно, будет сидеть в парикмахерской «Афродита» на Некрасовской улице. Третье кресло от входа. Кресло справа останется за вами. Ну а там действуйте по обсто-

ятельствам.

— Ладно. Чем это мне грозит? К чему быть готовым? Драки, перестрелки?

— Ни к чему. Просто наденьте темные очки. Эльвира Графф отдаст все, чтобы эта информация осталась между вами. А теперь давайте пить, есть и веселиться от всей души, как мы и запланировали вначале.

— Как-то мне уже невесело, — вздохнула рыжая журналистка. — Испортили вы мне настроение вашими секретами, монстрами, шантажом…

Она снова потянулась за ломтиком сыра и, сердито глядя в сторону, безучастно положила его в рот.

— А вы через силу, девочка, — мрачно посоветовал Долгополов. — Вот как с этим сырочком. Соберитесь, возьмите волю в кулак, опрокиньте стопарик наливки и закусите вон тем анисом. И сразу полегчает.

Кассандра вопросительно взглянула на Крымова:

— Антон Антонович, как всегда, издевается?

— Ни в коем случае — сейчас это совет мудреца.

Детектив потянулся за бутылкой с наливкой и стал разливать янтарное содержимое по гране-

ным стопкам.

4

В полдень следующего дня Андрей Крымов притормозил на Некрасовской улице у парикмахерской «Афродита», прихватил папку, надел темные очки, вышел, сделал двадцать шагов и целеустремленно потянул на себя дверь дорогой цирюльни. Звякнули над головой колокольчики. Из семи кресел занято было только одно — третье.

Крымов обошел его и сел на четвертое, справа от крупной стройной блондинки лет пятидесяти. Модный парикмахер с выжженными волосами, возившийся у шкафчика, сказал:

— Это женское заведение, мужчина.

Но мужчина был очень собран и уверен в себе. Поэтому коротко бросил:

— Оставьте нас на пять минут, молодой человек, будьте так любезны.

Дама повернула голову и взглянула на незнакомца. Ее губы были явно перекачаны силиконом.

— Мы знакомы, мужчина?

— Нет, и не будем знакомиться. Мне нужна информация о Яне Самохваловой и Кирилле

Расторгуеве, ныне покойном. Что их связывало, к примеру? Велика ли была их взаимная ненависть?

— Идите к черту, — усмехнулась дама.

— Простите, но я должен был спросить, — сказал мужчина.

Он открыл черную папку, достал документы и протянул их даме.

— Ознакомьтесь, пожалуйста. И тогда поговорим.

Дама взяла документы, стала листать, судорожно вчитываться. Краем глаза шантажист увидел, как задрожали ее руки. Она пыталась справиться с этой дрожью, но не находила в себе сил.

— Кто вы? — тихо спросила она.

— Эльвира Леонардовна, все хорошо? — осторожно спросил парикмахер.

— Сёмочка, запри, пожалуйста, входную дверь и выйди во дворик, выпей колы. Посиди там. Я очень тебя прошу.

— Вы в безопасности? — еще осторожнее спросил цирюльник с выжженными волосами.

— Эльвира Леонардовна в безопасности, — ответил за нее незваный крепыш. — Идите, Семочка, выпейте колы во дворике. Взрослым нужно обсудить одно дело.

— Хорошо, — кивнул тот и исчез.

— Вы же не из органов? — спросила она. — Иначе с этими документами вы бы говорили со мной по-другому и в другом месте.

— Все верно. Мне нужна информация, получив ее, я тотчас уйду. Даю вам слово.

— Что вас интересует?

— Меня интересуют отношения между губернатором Самохваловым, мэром Расторгуевым и Яной Самохваловой.

— Но почему именно я?

— Вы были лучшей подругой Яны Самохваловой тогда и остаетесь теперь. Вместе ходили по подиуму, вместе знакомились с мужчинами. Все вместе, вся жизнь. Только ей повезло чуть больше. А вы оказались на обочине.

— Я так не считаю.

— И тем не менее. Выкладывайте: мне нужна суть конфликта.

— Но тут замешана мистика, и если вы в нее не верите…

— Вы говорите, а я уже решу, во что мне верить.

— Хорошо, пусть будет по-вашему. — Она внутренне собралась; как видно, ей предстояло заглянуть туда, куда она совсем не хотела. —

Самохвалов и Расторгуев были знакомы еще с начала девяностых, занимались одними делами. Только первый был мозгом, а второй — кулаками. Расторгуев всегда завидовал Самохвалову и положил глаз на его невесту. Даже хотел отбить, но она отказала ему. А Яна могла свести с ума кого угодно, так была хороша. Длинноногая, белокожая, с длинными белыми волосами, улыбчивая, радушная. Однажды Расторгуев, гори он в аду, повез их в свой новый загородный дом. Думаю, он что-то подсыпал Самохвалову, а когда тот вырубился, просто взял Яну силой. Еще сказал ей: удавлю твоего мужа подушкой, если будешь кусаться и царапаться. Обо всем эти двое решили забыть раз и навсегда. Только мне она рассказала об этом. Мы сидели, выпивали у них на даче, и она взяла с меня слово молчать. Потом жизнь развела бывших друзей. Самохвалов ушел в депутаты, уехал в Москву, вернулся, стал губернатором. Он был прирожденным лидером. Но и Расторгуев на месте не сидел. Выбился в мэры. Но с какой ненавистью к нему жила все эти долгие годы Яна, можете только догадываться.

— Даже представить страшно — такое не забыть.

— Вот именно. С ненавистью и желанием

отомстить. А потом она мне сказала, что ей присоветовали одну старуху, настоящую гадалку и ведьму, которая знала тайну, как связаться с потусторонним миром и попросить у него помощи. Ведь молния небесная не брала Расторгуева, и пули облетали его стороной. Яна рассказала мне, что общается с некой сущностью, путем заклинаний вызвала ее и контактирует через зеркало…

— И что же это за зеркало? Обычное?

— Нет, конечно, — усмехнулась Эльвира. — Это старинное зеркало находится в краеведческом музее, в бывшем особняке купцов Караваевых.

— В нашей знаменитой городской усадьбе?

— Именно в ней. Тайну ее вы знаете, конечно?

— Разумеется. В подвале, в Гражданскую, вначале расстреливали белогвардейцы большевиков, а потом, когда власть переменилась, большевики белогвардейцев. Потом там заседали чекисты. Переехали только потому, что в подвале все время слышались голоса людей и выстрелы, а на чердаке по ночам раздавались шаги.

— Вы отлично знаете историю города для шантажиста.

— Не отвлекайтесь, Эльвира Леонардовна.

— Потом там сделали краеведческий музей, и все эти полтергейсты как будто стихли. Но сла-

ва за домом тянулись очень плохая. В спальне купчихи Караваевой, прославившейся тем, что она сошла с ума и ее там держали годами, за решетками, пока она не умерла, и стоит то самое старинное зеркало, выцветшее, в кошмарных пятнах, но в красивой раме. Яна мне как-то показала его и рассказала, что в этом зеркале и появляется та самая сущность. На правах жены губернатора она, понятно, могла заходить в музей, как к себе домой. Даже придумала спонсорство для музея и с тех пор проводила там долгие часы. Кто бы ей что сказал?

— И вы поверили ей? Про сущность?

— Как вам сказать? И да, и нет. Пока однажды не увидела, как она говорит с этим самым зеркалом. Мы были там ночью. Я отправилась гулять по музею, а она задержалась в спальне. Я вернулась, но Яна не услышала меня. Она стояла ко мне в профиль, и зеркало было ко мне ребром, так что я ничего увидеть не могла. Но Яна как будто сделала заказ.

— Заказ?

— Да. Она сказала зеркалу: «Убейте его любым способом». Я отступила и вернулась позже. Мы с ней столкнулись уже в одном из залов. Я умолчала о том, что увидела и услышала, и она мне не

сказала того, как говорила со своим отражением. Или с той самой сущностью.

— Когда же это было?

— Три месяца назад, в самом начале весны.

— Ясно. И вы думаете, что она просила у этой сущности…

— Даже не сомневаюсь — особенно теперь. Она просила убить Кирюшу Расторгуева. Но было кое-что еще, — Эльвира покачала головой, — и тут я уверена, что вы сочтете меня сумасшедшей.

— Постараюсь избежать этого.

— Вам придется очень сильно постараться, любопытный незнакомец.

— Говорите же. От вас мне нужна только правда.

— Я не сразу отошла — любопытство было сильнее. Я смотрела в щелку между дверью и косяком. Это могло мне показаться, понимаете? Чего нам только не кажется порой…

— Да говорите уже, Эльвира Леонардовна.

— Я увидела, как из зеркала медленно вылилась мужская рука, знаете, с черным рукавом от камзола и с такой черной кружевной манжетой, на которой сверкала золотая запонка с изумрудом. На безымянном пальце я разглядела перстень, — в платиновой оправе в форме розы огромный

бриллиант, — только он мог так сверкнуть, даже ослепить, потом длиннопалая рука призывно повернулась ладонью вверх, и Яна положила на нее свою. Мужская рука сжала ее пальцы и отпустила — они как будто договорились о чем-то. Этого же не могло быть, правда? Я просто не раз представляла себе эту загадочную личность, с которой Яна говорила из этого мира, у которой просила помощи. Она сама поверила в нее, представила себе так ярко, как будто видела на самом деле. Потом мужской голос сказал: «Я все сделаю, как ты просишь, поверь, мне доставит это удовольствие». — «Но как это будет?» — спросила Яна. «Ты все узнаешь, когда придет время», — ответил ее визави. Только после этого я отступила, сорвалась и побежала прочь по коридорам музея. Бежала и думала: я схожу с ума! В этом доме сошла с ума несчастная купчиха, в этом доме бушевали призраки расстрелянных, а теперь с ума сойду я.

— Да, серьезное видение, Эльвира Леонардовна.

Дама нервно пожала плечами:

— Как хотите, можете считать меня сумасшедшей. Только позавчера Кирюши Расторгуева не стало.

Незнакомец кивнул:

— Документы оставьте себе. Они никогда не будут преданы огласке. Что касается меня, то я даю вам слово. За других не скажу.

— Благодарю, — ответила Эльвира. — Но с какой легкостью вы выслушали мою фантастическую историю и даже в лице не переменились! Будто поверили каждому слову.

Он усмехнулся:

— Иногда самое невероятное объяснение — самое убедительное. У меня будет к вам последняя просьба. Это не дело вот так запросто вступать в диалог с другим миром. Я сейчас предельно искренен с вами. Поэтому попытайтесь узнать, когда ваша подруга вновь захочет посетить музей купцов Караваевых. Если она вам дорога, конечно. И позвоните вот по этому телефону. — Он вытащил из кармана визитку и протянул ее даме.

— Но тут один лишь телефон и никакого имени? — удивилась она.

Спортивный мужчина поднялся с кресла.

— Все верно. Вы просто назовете день и час. Мы попытаемся спасти вашу подругу. Пожалуйста, сделайте так, как я вас прошу.

— Хорошо, — пообещала Эльвира Графф. — А если этого не случится?

— Что-то мне подсказывает: случится и уже

очень скоро. Возможно, счет идет на часы.

— А скажите еще, загадочный незнакомец…

— Да?

— Если переступить порог того мира, есть возможность не вернуться назад?

— И очень большая.

— Вы меня специально пугаете?

— Ни в коем случае. Но вы же не собираетесь переступать его?

— О господи, нет, конечно! Просто интересно.

— Вот и хорошо. Поэтому ничего не бойтесь. И доброго дня, — сказал незнакомец и направился к дверям цирюльни.

— Доброго, — пробормотала она.

Взыграли мелодично колокольчики над входной дверью, и когда Эльвира Леонардовна оглянулась, то увидела только исчезающий за большим окном силуэт.

5

— Я сойду с ума, если не вспомню это лицо! Где я видел его? Где? Понимаете, сойду с ума! — ярился Антон Антонович, торопливо расхаживая по саду недалеко от накрытого стола, где они только что обедали, чтобы в порыве не налететь на кого-нибудь.

Час назад Андрей и Кассандра приехали к нему домой. Крымов должен был как можно скорее рассказать своему куратору о встрече в цирюльне с Эльвирой Графф. Познакомить с реальной драматической историей из жизни власть предержащих и ее фантастическим продолжением. Рыжеволосая Кассандра, все услышавшая по дороге, уже ни о чем другом и думать не могла.

— Невероятно, Андрей! И как интересно! — твердила она, сидя рядом с ним в автомобиле. — Значит, это зеркало — портал в потусторонний мир? Давай сегодня ночью прокрадемся в музей, а? Андрюша! — Она даже схватила его за руку. — Давай!

— С ума сошла? — холодно рыкнул он. — Руку убери. Хочешь аварию устроить?

— Прости, прости!

Дожидаясь коллег и друзей, Антон Антонович отварил пельменей, порезал вареной колбаски, порубил зелень, порезал хлеб. Они устроят знатную трапезу! Но едва Андрей и Кассандра приехали, Долгополов отказался от роли гостеприимного хозяина и вцепился в своего помощника, как клещ:

— Рассказывайте, Андрей Петрович!

В тарелке Крымова остывали пельмени, а он все говорил и говорил. Не с набитым же ртом пересказывать такие увлекательные подробности, тут и подавиться недолго.

Рассказ детектива так взволновал Долгополова, что Андрей и Кассандра даже стали переживать за старика. Тот мрачнел на глазах, рычал, ерзал в своем плетеном кресле, повторял:

— Манжеты, черные кружевные манжеты, золотые запонки! — потом вскочил и стал ходить.

— Отойдите на два шага, вы нас собьете, — предупредил его Крымов.

— Не дерзите, — огрызнулся Долгополов. Но на два шага отошел и, расхаживая стареньким хромым тигром по клетке, повторял: — И платиновый перстень в форме розы с алмазом на безымянном пальце правой руки! Да где же я все это видел и совсем недавно?! Где?

— Стоп! — воскликнула Кассандра. Она вытащила из кармашка джинсовой куртки телефон, нашла фотографию и показала ее мужчинам:

— Вот где вы ее видели, Антон Антонович.

Это была одна из фотографий, тайком сделанных репортером Колосковым на площади. Она запечатлела товарища Маузера, смотревшего на строившийся Цветочный дворец и сложившего руки на груди. На безымянном пальце его правой руки горел платиновый перстень в форме розы с роскошным бриллиантом.

Крымов усмехнулся:

— Говорили же мы, что твой глаз — алмаз. Так и есть, Касси. Даже звонить в Небесную канцелярию не пришлось — ты все увидела сама.

Антон Антонович долго смотрел на фото, тяжело сопел, но потом уверенно сказал:

— Нет, не здесь.

— Нет? — воскликнула Кассандра.

— Представьте себе, нет. Но где, где?

— Да, — кивал самому себе Крымов. — Теперь уже почти ясно…

— Что ясно? — спросила девушка. — Что тебя ясно, Андрей? От такого «ясно» можно и умом двинуться.

— Пожалуй, пожалуй, — потирая твердый под-

бородок, бормотал Андрей.

Даже тон его изменился. Теперь он буквально настораживал.

— Да скажи уже! — взорвалась Кассандра.

Но ответить Крымов не успел.

— Знаю! — возопил Антон Антонович так, как кричат только одно слово: «Пожар!» — Знаю, где видел его!

Он сорвался и кривенько, но очень живо побежал по тропинке в сторону дома. Крымов и Кассандра притихли — сейчас должно что-то случиться. Очень важное! И может быть, очень страшное.

Долгополова не было пять минут, десять…

— Нашего чудесного Антона Антоновича там удар не хватит? — спросила Кассандра.

— Вряд ли, он бессмертен, — заметил Андрей.

— Шутишь?

— Нет, правду говорю. Последние лет пятьсот он точно не менялся.

— Значит, шутишь. Ладно, припомню.

Стукнула-хлопнула дверь — из дома выскочил как ошпаренный Антон Антонович и побежал к своим коллегам. В руках он сжимал альбом.

— Видишь, я же говорил: живой, — кивнул на старика Крымов.

— Вижу, вы издеваетесь надо мной самым бессовестным образом, — заметила девушка. — Один про Небесную канцелярию, другой про бессмертие. Ладно-ладно.

Хозяин дома бросил:

— Нашел! Вон посуду! — и плюхнулся в свое кресло.

Крымов и Кассандра немедленно переставили все на один край стола, освободив место.

Долгополов аккуратно положил альбом и, глядя на обложку, сказал:

— «Преступления в зените славы. Загадочные истории аристократических семейств Европы XVIII века». Где он тут у нас? — листая альбом, ласково бормотал Антон Антонович, как будто и не было только что бешеного взрыва эмоций и беготни по саду. — Смотрите, вот он, голубчик, герцог Август Леонид Ганноверский, вот он, убивец, а ведь известный интеллектуал своего века. — Старик так и тыкал кривым пальцем в мундир царственной особы. — Посмотрите на эту физиономию, а? Вот и кафтан, и кружевной черный манжет с золотой запонкой, и платиновый перстень в форме розы с прозрачным белым бриллиантом. Каково?

— Господи, одно лицо, — пробормотала Кас-

сандра.

— Если бы я не знал, что их с благотворителем Маузером разделяет почти триста лет, — вторил ей Крымов, — сказал бы, что это один и тот же человек.

— А знаете, в чем его тайна? — лукаво и заговорщицки спросил Долгополов. — Это же он пригласил собственного дядю в гости на обед, а затем, когда вышел сам, осыпал дядю, его жену и трех их детей, мальчика и двух девочек, розами. И все они умерли от удушья. А герцог занял свой трон. Но ненадолго, вот в чем все дело. Слух об отравлении дошел до императора, и за герцогом пожаловали, чтобы взять его под стражу. Но он все понял и предусмотрительно исчез. Тогда поползли слухи, что герцог Август сдружился с нечистой силой. Да-да! Некий демон, злой дух пообещал герцогу трон, устранить его дядю, нужно было только соединиться в одном теле. Один из слуг рассказал, что видел, как герцог Август проходил через зеркало и возвращался назад как ни в чем не бывало. Ему не поверили, но предположили, что злой дух вошел в герцога и стал действовать на свое усмотрение.

— А злому духу, как я понимаю, хотелось вырваться на свободу? — спросил Крымов. — Из

вечной тьмы попасть в мир солнца и живых людей? Все как обычно. Вернуться с огромной силой и не менее огромными знаниями?

Долгополов с хитрой улыбкой кивал.

— А теперь представьте, циничный интеллектуал герцог Август и безумный император Гелиогабал с его жестокостью, тщеславием, гордыней, бродивший полторы тысячи лет в запредельном мире, истосковавшийся в аду, — и оба в одном сосуде, а? Каково?

— Ужас, — горячо прошептала Кассандра.

— Именно! — подтвердил Долгополов. — Клубок ужасов. Вот откуда и белена с Дьявольских полей…

Он не договорил: в кармашке Крымова зазвонил телефон — это была вторая трубка. Детектив поспешно отозвался:

— Алло?

— Господин незнакомец, это я, Эльвира Графф.

— Я уже понял.

— Пришла пора действовать: все случится сегодня ночью.

Крымов перехватил взгляд Кассандры и ответил:

— Что ж, Эльвира Леонардовна, я знал, что мы прощаемся ненадолго. Рассказывайте все по

порядку...

6

Они стояли у одной из стен в крепко спящем музее, лишь их дыхание и цокот старинных часов на дальней стене нарушали тишину. Эльвире Графф удалось выведать планы подруги, куда та направится этой ночью. Они всей компанией проникли в краеведческий музей через черный ход. Помогли сноровка и отмычки Крымова.

— Вы точно не воры? — спросила заходившая за ним Эльвира Графф. — Может, развели меня?

Ради такого экстравагантного ночного выхода бывшая модель облачилась в обтягивающий спортивный костюм. Долгополов то и дело неодобрительно пялился на ее выступающие формы.

— Какой нам смысл разводить вас? — спросил Крымов. — И на что?

— Не знаю.

— Мы герои национальной безопасности, дамочка, — ответил за всех Антон Антонович. — Пока вы, обыватели, мирно хрюкаете в своих постелях, мы стоим у края черного леса и сражаемся с демонами, вурдалаками и оборотнями, которые так и лезут, чтобы напиться крови.

Бывшая модель раздражала и привлекала Долгополова одновременно. Тем более дама была выше старичка на добрые полторы головы.

— Во-первых, я во сне не хрюкаю.

— Ну сопите.

— А во-вторых, прямо вот так, с демонами? — спросила та.

— Представьте себе!

— Тсс! — строго прервал обоих Андрей.

Раздраженный голос Долгополова все нарастал, и пора было прекращать этот диалог.

— Не бойтесь, Эльвира, — сказала Кассандра. — Вы в компании настоящих рыцарей. Поверьте на слово.

Отставной пожилой майор, проспавший подполковничьи погоны, дрых сейчас в застекленной будке на стареньком диване и, может быть, видел генеральские сны. Четверо заговорщиков неслышно прошли мимо, открыли еще одну дверь и устремились вверх по большой мраморной лестнице с ковровой дорожкой и роскошными перилами. Теперь они стояли у стены в большой зале с этнографической экспозицией и ждали шагов. Свет луны падал из больших окон и янтарными косыми прямоугольниками сверкал на паркете, как в ночной озерной глади,

и освещал витрины экспозиции.

Долгополов оглядел ближнюю стеклянную витрину и, постучав по ней ногтем, шепнул Крымову:

— Откройте ее.

— Зачем?

— Не спрашивайте.

У Крымова и для стеклянной витрины нашлась отмычка. Антон Антонович вытащил оттуда длинный деревянный посох с набалдашником и вооружился им.

— Вы на кроманьонца похожи, Антон Антонович, — оценил старшего товарища Крымов. — На пенсии.

— Если бы вы сказали «неандертальца», я бы обиделся. А так стерплю.

Где-то внизу хлопнула дверь, и долгожданные шаги стали приближаться к ним…

Все четверо буквально замерли, вжались в стену. А затем мимо открытых дверей их залы проплыл женский силуэт. Он двигался в сторону спальни купчихи Караваевой. Оставалось последовать за ночной гостьей — ради этого они были тут.

— Двинули, — кивнул Крымов на входную дверь.

Они также гуськом потянулись друг за другом: детектив, Антон Антонович Долгополов, Кассандра, и замыкала строй Эльвира Графф.

— Господи, во что же вы меня втянули? — шепотом спросила она.

— В уголовно наказуемое приключение, дамочка, — ответил Долгополов. — Давать заднюю уже поздно.

Они вышли в коридор и двинулись к дверям, за которыми была спальня купчихи. Там уже что-то горячо шептали.

— Приди же ко мне, — услышали они женский голос. — Приди скорее!

Он не взывал, не просил — умолял!

— Господи, это Яна, — шепнула Эльвира, — но почему она стала такой? Я едва узнаю ее голос…

— Потому что она уже одержима, — мрачно ответил Крымов.

— Одержима?

— Тсс!

Они могли смотреть только в щелку между открытой дверью и косяком. Долгополов — из-под руки Кассандры, она из-под руки Крымова. Свет луны очень ясно освещал комнату. Яна Самохвалова в длинном вечернем платье с глубоким декольте неподвижно стояла у зеркала спиной к

окну. Ее наряд явно говорил о том, что она очень хочет понравиться тому, ради кого пришла. Зеркальное пространство в старой раме было едва видно им. Но и этого хватило, чтобы затрепетать. Вслед за нарастающим легким шепотом, в котором можно было разобрать слова: «Я иду к тебе!» — они увидели, как зеркальная гладь, покрытая порчей, испещренная трещинами, стала меняться, по ней словно пролетали тени, одна пелена сменяла другую. «Я пришел, милая», — услышали они совсем рядом вкрадчивый голос. Наконец зеркало ожило — вся порча разом исчезла, его поверхность стала живой. И за этой поверхностью кто-то стоял.

— Я счастлива, что вижу тебя вновь, — сказала Яна Самохвалова.

Голос ее и впрямь был таким, каким говорят лунатики.

— А как счастлив я, — ответил тот, кто сейчас был у порога двух миров. — Как же ты прекрасна!

— Благодарю.

— Я сделал все, как ты просила. Ты довольна, любимая?

— Да, отмщение свершилось. Я всем довольна.

— А тот человек, которого ты называешь му-

жем?

— Он тоже рад, но он думает, что это случай, рок, судьба.

— Пусть думает так, как пожелает. Люди почти всегда все списывают на судьбу, понятия не имея, что за этой судьбой стоит некая сущность, управляющая дорогами этого мира. Но почему мы только говорим? Пора нам выбирать, тебе пора выбирать…

— Да, пора, — согласилась Яна.

— Ты больше не любишь мужа. — Он говорил так, будто убеждал ее. — Не любишь давно.

— Я разлюбила его, когда узнала, что ему известно все обо мне и этом проклятом уроде, но мой муж ничего не сделал, чтобы поквитаться за меня. Он просто жалкий трус. Пустое место. Ничтожество.

Компания сыщиков переглянулась. Кажется, начиналось!

— Тогда что тебе терять? Я вновь сделаю тебя юной, милая Яна. — Вкрадчивый голос обволакивал и убеждал ее. — Когда-то ты была прекрасной, как Афродита, я любовался тобой из того мира, и ты вновь будешь такой же… Ты же хочешь стать такой вновь? Вернуть юность?

— Хочу.

— Скажи мне со всей искренностью. Скажи сердцем!

— Хочу! — словно все закричало в ней. — Очень хочу!

— Так сделай это, сделай шаг!

Вдруг гладь зеркала дрогнула, как поверхность воды от брошенного в нее камушка, и сюда, в этот мир, в лунный свет, в ночь стала выходить длиннопалая мужская рука — черный рукав камзола, черные кружева, золотая запонка с изумрудом. И сверкающий бриллиант в платиновой оправе в форме розы на правой руке.

— Ну что же ты? Тебе осталось только сделать шаг мне навстречу!..

— Хорошо, милый, — ответила она, протянула руку и вложила пальцы в его ладонь.

Тот, кто скрывался в зазеркалье, с легким усилием потянул ее к себе. Яне Самохваловой оставалось поддаться, сделать только один шаг, и она приготовилась к нему.

Но тут Антон Антонович, вынырнув из-под руки Кассандры, с палкой наперевес бросился в спальню купчихи.

— Хрен тебе, проклятый, мать твою, Август! — завопил он. — Хрен тебе, а не эта женщина! Чертов мертвяк! — и со всей силой саданул посо-

хом по предплечью фантома.

Крымов бросился за стариком, чтобы помочь ему. Туда же рванула и отважная Кассандра, зная, что два опытных борца с нечистью знают свое дело, но вдруг им понадобится помощь? Только Эльвира Графф, обезоруженная происходящим, стояла на пороге комнаты и в ужасе смотрела, как живые борются с призраком.

То, что случилось вслед за ударом Долгополова, заставило бы оторопеть любого. Это был пронзительный тонкий звук, каким отгоняют мышей или крыс. Он буквально резанул по ушам — это вопил монстр. Там, в зазеркалье! Потому что посох прошел через руку, рассек ее! Но не как нож рассекает кусок мяса. Рука монстра, что прошла через зеркало в этот мир, оказалась будто слеплена из крепчайшего тумана и стала распадаться. Обрывки этой руки, что рассыпалась на части и теряла цвет, еще оставались в ладони Яны Самохваловой. Несчастная женщина, конечно же, не поверила своим глазам. Потом она истошно завопила, отступила назад и рухнула без сознания, благо дело — на старый купеческий ковер. А Крымов, Долгополов и Кассандра остались стоять как раз напротив зеркала. Оттуда на них смотрел с ненавистью и бешенством герцог Август

Ганноверский. Его рука была отсечена по самый локоть. Вдруг его лицо исказилось и покрылось трещинами; образ распадался, будто был старой коростой. Он облетел быстро — и теперь там, в зазеркалье, стоял юный император Гелиогабал в белоснежной тоге, с набеленным лицом, золотым лавровым венцом на голове, с целехонькими руками. Гнев исказил его лицо. Он поднял правую руку, указал пальцем на троих живых людей, и Крымов понял, что сейчас будет. Но, возможно, это понял и Антон Антонович Долгополов. Он шагнул к зеркалу, замахнулся и нанес удар по золотистой поверхности — зеркало треснуло и через секунду обвалилось осколками, открывая заднюю стенку. И все исчезло — золотистый свет из мира вечного обмана и безудержных фантазий, сам император, который, как успели увидеть все, захлебнулся криком, пропало все нереальное. Остались только музей, ночь и осколки разбитого зеркала на ковре в спальне когда-то спятившей купчихи. Но в этих осколках еще таяли отблески того запредельного мира.

— Теперь хотя бы ясно, почему Караваева сошла с ума, — заметил Крымов. — И от кого ей досталось такое зеркало?

— Сын привез после балканских войн, — скром-

но ответила Кассандра сиплым от волнения голоском. — Так вроде источники говорят…

Напротив дверей стояла, привалившись к стене, Эльвира Графф. Говорить у нее явно не было сил, она просто потеряла дар речи. Но все пришли в себя после того, как за их спиной на полу послышались возня и стон. Это приходила в себя и садилась, потирая ушибленный затылок, Яна Самохвалова.

Она оглядела трех незнакомых людей, смотревших на нее, разбитое зеркало и слабым голосом спросила:

— Простите, но как я тут оказалась? И кто вы такие?

Перехватив взгляд детектива, Антон Антонович мрачно хмыкнул:

— Пусть подруга с ней объясняется. — Он повысил голос: — Эльвира Леонардовна, ваш выход! Просим! — И вновь обратился к своим: — Я умываю руки…

7

Уже в полдень они сидели в саду Антона Антоновичи и пили чай с баранками. Как чудесно грело солнце! Под таким июньским солнцем особенно чувствуешь себя живым. Но всем было грустно, даже тоскливо. Мужчины еще ночью прикончили бутылку рябиновой настойки, самой крепкой из полного собрания сочинений хозяина дома. Теперь они медленно уничтожали сливовую. Кассандра баловалась морсом. Она решила поехать к Антону Антоновичу, потому что оставаться одна после пережитого не хотела. Кассандра еще по дороге сказала:

— Я теперь неделю к зеркалу не подойду. Мне эта физиономия месяц будет сниться.

— Какая из них? — спросил Крымов.

— Мерзкого мальчишки, — ответила девушка, — «Императора роз».

— Резонно, — согласился детектив.

Да, рассеченная тростью рука, Август Ганноверский, который вдруг стал облетать, как скорлупа с вареного яйца, и этот юный развратник в тоге, с золотым венцом на голове, с набеленным, как у римской шлюхи, лицом, искаженным гневом

и ненавистью, что-то крикнувший им вслед… От таких воспоминаний в два счета не избавишься. Это еще пережить надо. Поэтому и рябиновая пошла особенно хорошо, даже Кассандра пригубила основательно. «Чтобы крепче спалось», — оправдалась она. Ее уложили в небольшой гостевой комнатке. Крымов лег в гостиной на диване. Дом был небольшой, но всем хватило места. Антон Антонович храпел в своей стариковской спаленке так, что эхо неслось по всему дому. Андрей уже и забыл, какой рык и посвист у этого маленького на вид человечка. Как будто Соловей-разбойник забрел случайно в поселок Яблоневый, в домишко на Дачной улице и свалился в дальней комнатке.

А в полдень они пили чай в саду под благоухающим яблоневым цветом.

— И все же я не могу понять, — сказала Кассандра, — почему его рука оказалась словно из дыма? Ведь на площади это был совершенно реальный человек? Вроде как.

Антон Антонович, отпивая чай, посмеивался.

— Что я сказала такого забавного?

— Переход из одного мира в другой это вам не из кухни в гостиную перебраться, с табурета на диван, — заметил Долгополов. — Тут вся струк-

тура сущего меняется. Сырую глину вы пальцем проткнете и не заметите, а обожженную не всякий молоток возьмет. Как будто химический состав вещества меняется. Это если в двух словах. Ясно вам, милая?

Рыжеволосая девушка с веснушчатым лицом кивнула:

— Ясно. А если бы Яна перешагнула порог, ее природа тоже бы изменилась?

— Несомненно. А вот сумела бы она вернуться в свою шкурку, я сомневаюсь. Что думаете, Андрей Петрович?

— Понятия не имею. Перешагнуть порог такого портала — это уже чудо. Но что будет с тобой дальше?

— А как бы он вернул ей молодость? — не унималась журналистка.

— В зазеркалье, Кассандра, — голосом терпеливого наставника заговорил Долгополов, — в мире магии возможно все. Я не знаю, как в одном образе уживались двое, император Гелиогабал и герцог Август Ганноверский, но ведь и на земле бывают свои чудеса — в теле одного человека вдруг селятся две сущности. То одна проявляется и берет верх, а то другая. Это называется одержимость, экзорцисты всех веков боролись с этим

недугом не на жизнь, а на смерть. Не так ли, Андрей Петрович?

— Так, так, — с улыбкой кивнул детектив. Ему-то хорошо была известна эта тема!

Кассандра нахмурилась:

— Скажите честно, Антон Антонович: он хотел послать нам проклятие, этот юный император?

— Несомненно, как он посылает проклятия всему миру уже почти две тысячи лет. Вот ведь злопамятная сволочь! — заметил Долгополов. — Я-то бы сдюжил, но не хотел, чтобы это проклятие коснулось вас обоих. — Солнышко выглянуло из-за густой зелени наверху, зажгло седую полупрозрачную шевелюру и вспененные бакенбарды хозяина дома. — Хотите спросить еще о чем-то? Я же вижу. О самом главном?

— Да, Антон Антонович, хочу. Какова вероятность, что в одном из зеркал мы снова увидим его?

— Иными словами, будет ли нам мстить император Гелиогабал?

— Да, — кивнула Кассандра.

Крымов тоже с интересом посмотрел на старшего товарища.

— Не знаю, — ответил Долгополов и усмехнулся. — Но мы в очень длинной очереди на месть,

поверьте мне.

— Последний вопрос.

— Ну?

— Что такое Небесная канцелярия?

— У-у, матушка! — Антон Антонович выполз из плетеного кресла и медленно двинулся по саду. — Куда загнули! Этого в двух словах не расскажешь!

— А не в двух?

Долгополов сунул руки в карманы широких брюк.

— Наливайте по стопкам мою сливовую, Андрей Петрович, не стесняйтесь. Не знаю, как у вас, а у меня душа требует!

Татьяна Устинова
Если выпало в империи родиться

Звонит знакомый редактор и приглашает на интервью. Я отказываюсь, и редактор понимающе вздыхает: «Ах, ну конечно, начало лета, вас никого теперь до октября не соберешь, вы ведь все уезжаете!..» Не сразу, но я понимаю, что «мы все» уезжаем, видимо, в душистый лавандовый Прованс, или пахнущую взморьем, свежей малиной Тоскану, или по нынешним временам в сухую и ветреную Ялту, где под белой балюстрадой маячат «лезвия и острия агавы».

Я не знаю, как вы, а мы-то никуда не уезжаем! Мы остаемся в Москве. Отпуск, как и в предыдущие годы, смутен, перспективы неясны. Нас ожидает то, что в статьях модных журналистов и блогеров называется «лето в городе». Подавать с чашкой эспрессо, лимонным чизкейком и винным спритцем под полосатым тентом летнего кафе. Рецепты спритца и его фотографические изображения в изобилии присутствуют тут же, в журнале или блоге.

Не знаю, может, я себя уговорила, но я очень

полюбила это самое «лето в городе».

В Тоскане никогда не была, Прованс далек от меня, приблизительно как планета Марс, а вот Москва… Москва все время со мной — или я все время в Москве.

Как мы научились любить это время, когда немного пустеет на дорогах и до центра можно добраться всего за какие-нибудь два с половиной, а то и два часа! Как мы научились гулять по всем этим Кривоколенным и Спасоналивковским переулкам! Когда в нашем городе лето, можно пролезать между машинами, всунутыми плотно, одна к одной, как сельдь иваси в железной банке, не рискуя попасть в селедочный рассол, — то есть в лужи и кашу из снега и химикатов! Лезешь себе и лезешь, и под ногами не хлюпает, и мокасины сухие, красота!

Мы научились заглядывать в старые московские дворики, в которых почти ничего не сохранилось от Поленова, но вдруг в каком-нибудь обнаруживается дровяной или каретный сарай, сложенный из неровного камня, а возле него лопухи и одуванчики, а на столбушке непременно кот. Пыльный, облезлый, серый московский кот-хулиган, который смотрит на нас со снисходительным презрением в желтых глазах.

Мой муж не любит Москву. Он родился в Прибалтике, взрослел и учился в Питере, а это совершенно другая история. Вольный ветер, просторы, чайки. То и дело принимающийся дождь, рваные облака, над которыми всегда синее, как полоса на флаге, небо. К Москве он… привык, как привыкают к неудобствам любого рода, человек же ко всему привыкает!.. Для него прогулки по Воротниковским и Спасопесковским переулкам — блажь романтической супруги, которую несет вечно невесть куда. Да и машину поставить негде — банка переполнена сельдью, еще одну не втиснешь. Впрочем, куда ему деваться!..

Зато когда побродишь как следует в районе Мясницкой, обойдешь дом, где жил Маяковский, заберешься еще поглубже — а пусто в центре, в городе лето, никого не соберешь до октября! — а там серый дом в стиле модерн, и по углам сидят четыре каменные собаки, почему-то повернутые к нам, зрителям, спиной, а в нишах каменные вазы, и непременно маска над входом, и наличники все разные, и где-нибудь на балконе обязательно ящик с цветами — красота! Цветы не выживают в Москве, но есть трогательные энтузиасты этого дела, которые продолжают выставлять на свои балконы ящики с гиацинтами и анютиными

глазками, вот спасибо им за это. После такой прогулки — шут с ним со всем! — я согласна и на чизкейк, и на спритц. Мне уже все это кажется вкусным.

Возьмите немного белого вина, вишневого сока, ложку-другую мартини, холодной газированной воды и влейте все это в хрустальный графин. Сверху насыпьте льда побольше, можно еще добавить замороженной вишни. Вот вам и будет лето в городе!..

Людмила Мартова
А роза упала на лапу Азора

Екатерина Брусницына сидела в своем будуаре и задумчиво смотрела на коробку с розами, стоящую на туалетном столике. Розы прислал муж, он всегда присылал ей цветы и именно розы, потому что Катя их очень любила, вот только в последнее время они вызывали у нее стойкое чувство тревоги.

Катя знала, что обладает развитой интуицией, точнее, умеет подмечать малейшие детали и нюансы в разговорах и поведении людей, что позволяло ей если не предвосхищать события, то хотя бы объяснять их. Несколько лет назад это помогло ей расследовать детектив, хотя и примитивный, но настоящий. Детектив сочинила ее подруга детства Милена Фалькова, решившая ограбить не кого-нибудь, а знаменитый Ювелирный дом Мудровых.

Милене это даже почти удалось: если бы не Катя с ее острым умом, то ожерелье, заказанное Николь Кидман, стоимостью в семь с половиной миллионов долларов улетело бы вместе

с Миленой и ее мужем в Нью-Йорк. Однако Катя оказалась на высоте, Мудровы сохранили сделанный в Бельгии по их эскизу раритет, в котором сочетались 7645 бриллиантов общей сложностью в 1400 карат, а сама Екатерина поразила воображение сына Мудровых — Влада, который стал ее мужем.

Катя любила вспоминать, как увидела его впервые — в старинном особняке Брусницыных, где должна была состояться фотосессия нового ожерелья, надетого на изящную шейку Милены. Влад — высокий, немного худощавый, с тонкими чертами лица, с очками на изящном носу. Дорогие джинсы плотно облегали мускулистые ноги, тонкий шерстяной пуловер не скрывал в меру накачанного торса, на шее был намотан шарф.

Тогда Катя решила, то Влад — натура надменная и холодная, но понадобилось совсем немного времени, чтобы она в него влюбилась. Впрочем, в этом как раз не было ничего удивительного — Влад оказался чудесным, а вот в то, что он в нее влюбился тоже, Катя не могла поверить до сих пор.

Она была обычной медсестрой из провинции с ничем не примечательной внешностью и крайне невысокими доходами. Единственной ее

ценностью являлась доставшаяся в наследство от бабушки квартира, но Влад стоимость такой квартиры легко мог оставить, проведя в Париже выходные. Точнее, оставил, когда отвез туда Катю в первый раз.

Париж ей совсем не понравился. Он был холодным, грязным, неуютным и дорогим. Катя с гораздо большим удовольствием проводила время в Санкт-Петербурге, в который переехала после встречи с Владом. Ее смущала роль сожительницы-содержанки, и Влад очень быстро на ней женился. Катя боялась, что его богатые и знаменитые родители будут против, но нет, она им понравилась, и хотя виделись они нечасто, отношения между ними сложились весьма теплые.

Влад настоял, чтобы Катя оставила свою старинную фамилию, так что Мудровой она не стала, осталась Брусницыной. А вот их пятилетние близнецы — Матвей и Соня — были записаны Мудровыми. Влад в них души не чаял и Катя тоже.

Несмотря на двоих детей, сидеть без дела она совершенно не могла, чахла. Катя хотела, было, устроиться на работу, медсестрой, по специальности, но свекор предложил ей поступить в мединститут, и Катя, подумав, именно так и

сделала. Сейчас она училась на четвертом курсе, с азартом исполняя свою детскую мечту. В юности не могла себе позволить учебу, бабушке не потянуть было жизнь внучки в другом городе, и сейчас Катя с восторгом наверстывала упущенное.

Влад как художник-ювелир все так же работал на фирме своего отца, параллельно получая финансово-экономическое образование. Сергей Юрьевич Мудров был тверд в своем намерении передать старшему сыну руководство фирмой, так что приходилось соответствовать. Катя понимала, что это, наверное, правильно, вот только настоящим призванием ее мужа была именно художественная часть. Он делал великолепные вещи, а с последней его работой и была связана непреходящая Катина тревога.

Дело в том, что Владу пришла в голову идея повторить знаменитую бриллиантовую розу из Алмазного фонда России. Вернее, не просто повторить, а доработать и улучшить. Катя, разбуди ее ночью, могла бы повторить историю этого легендарного украшения. В шестидесятых годах двадцатого века при Гохране была создана ювелирная Экспериментальная лаборатория, которая изучала и реставрировала экспонаты

Алмазного фонда, а также создавала новые украшения, которые могли бы пополнить коллекцию музея.

Платиновую брошь в виде розы создал ювелир Виктор Николаев в 1970 году. Идея возникла у него после того, как художник увидел фотографию двух бриллиантовых брошей, принадлежавших жене императора Николая Второго Александре Федоровне. Николаев решил сделать такой же цветок, только реалистичный, больше похожий на живую розу.

Все части броши были подвижны благодаря маленьким пружинкам, соединяющим их между собой, так что бриллиантовая роза колыхалась, переливаясь тысячами алмазных брызг. На платиновой основе крепились полторы тысячи якутских алмазов, и каждый из них был безукоризнен по чистоте, цвету и качеству огранки. Легенда гласила, что в голодные девяностые Алмазному фонду поступило предложение от знаменитой фирмы «Де Бирс», которая хотела выкупить бриллиантовую розу и сделать ее своим новым символом. Однако руководство страны отказалось от сделки.

Позже аукционный дом «Сотбис» оценил розу как одну из самых дорогих в мире брошей, при-

чем дело было даже не в стоимости бриллиантов высокой чистоты, а в уникальности дизайна и провенансе — принадлежности к Алмазному фонду России. Влад Мудров замахнулся на то, чтобы сделать не менее уникальное и дорогое изделие, которое можно бы было с гордостью представить на мировых аукционах.

На работу у него ушло два с половиной года. Получившаяся в итоге бриллиантовая роза носила имя «Софи». Влад назвал свое лучшее изделие в честь дочери, и на днях оно должно быть впервые выставлено на крупнейшей ювелирной выставке в Стамбуле. Представители российского ювелирного бизнеса давно уже являлись одними из самых почетных ее участников и посетителей. И роза «Софи» готовилась занять на выставке центральное место.

Из-за тысячи мелочей, связанных с транспортировкой, охраной, страховкой и прочими не менее важными вопросами, Влад практически дневал и ночевал на работе. Сергей Юрьевич, что называется, умыл руки, поручив все связанное с выставкой именно сыну, решив, что это отличный повод потренировать не только художественные, но и деловые навыки. Влад не отказывался; ко всему, что было связано с «Софи»,

относился с особенной тщательностью. Брошь в виде розы была не менее любимым его детищем, чем сын и дочь.

Катя и сама не могла объяснить, почему все, что связано с розой, вызывает у нее такую сильную тревогу. Но ей все время казалось, что «Софи» накличет беду. В последние дни это ощущение усилилось, а все потому, что Влад настоял, чтобы перед отправкой в Турцию Катя продемонстрировала брошь, надев ее.

Сегодня у нее был день рождения. Тридцать пять лет. По этому поводу Мудровы устраивали в своем загородном доме большой прием, на который была приглашена, кажется, половина Санкт-Петербурга, Катя должна была стать на этом приеме королевой вечера, щеголяя в роскошном вечернем платье и «Софи» на правом плече.

Ей вся эта затея была не по вкусу. Катя бы с гораздо большим удовольствием провела этот вечер с мужем и детьми в их небольшом доме, посидела перед камином, побродила по берегу Финского залива, но Сергей Юрьевич и Марина Михайловна хотели ее порадовать. Они так старались с этим приемом, столько денег в него вложили, что Кате не хотелось выглядеть небла-

годарной. Семья мужа слишком много для нее делала.

Да и Владу не терпелось похвастаться своим новым творением. Он был уверен, что после выставки в Стамбуле брошь сразу купят, и она окажется в частной коллекции, явно не предназначенной для чужих глаз. Что ж, если ему это так важно, то Катя поработает немного «вешалкой» для драгоценностей, пусть это и совсем не по ней.

Она задумчиво провела пальцами по бордовым розам в большой круглой коробке. Странно, муж обычно дарил ей белые, а эти были темно-красные, кровавые, и капли воды, дрожащие на лепестках, издали тоже казались каплями крови. Срабатывал эффект линзы. Катя поежилась, ей внезапно стало холодно.

В дверь гардеробной кто-то поскребся, послышался тихий скулеж. Катя улыбнулась и впустила Азора, четырехмесячного щенка папильона, подаренного ей на день рождения и привезенного в Питер из Москвы всего несколько дней назад. За то время щенок уже пообвыкся и квартире и выбрал Катю своей главной мамой. Матвея и Соню он остерегался, правда, дети, проявив в первые два дня к собачке повышенный интерес,

потом почти полностью его потеряли. Играть со щенком, как с мягкой игрушкой, было затруднительно, он вырывался и пищал, да и Катя была настороже, чтобы, не дай бог, ничего малышу не сломали ее гиперактивные детки.

Азор вбежал в комнату и тут же подбежал к ней, виляя хвостиком. Встал на задние лапки, показывая, что надо на ручки. Катя подхватила его и посадила на колени. Такой малыш! Щенок деловито обустроился и притих, давая хозяйке возможность наконец накраситься, чтобы подготовиться к приему, до которого оставалось не так уж много времени.

Соня и Матвей уже были у бабушки с дедушкой, они там ночевали со вчерашнего дня, Влад же должен приехать в Репино, где дом у свекров, прямо с работы и привезти «Софи». Не сам, конечно, а с двумя охранниками. Украшение подобной стоимости ездило в специальном бронированном кофре под охраной, в этом не было ничего удивительного.

Что ж, у нее есть еще полчаса, — надо выглядеть безупречно. С учетом того, что ей сегодня носить привлекающую внимание брошь, других украшений должен быть минимум. Катя вдела гвоздики с крохотными бриллиантами в уши

и надела обручальное кольцо. Вот и все, она не рождественская елка, чтобы переливаться всеми цветами радуги. Избыточность всегда пошла` и выдает отсутствие вкуса.

Катя усмехнулась: в ее прошлой жизни, где они с бабушкой выживали на пенсию и зарплату медсестры, не было места подобным рассуждениям. Как жаль, что бабушка умерла до встречи с Владом. Она бы порадовалась за внучку. Не из-за денег семьи Мудровых, а потому что Влад действительно ее любит. И она его тоже.

Щенок на коленях вдруг взвизгнул.

— Азор, ты что? — всполошилась Катя, которая все время боялась, что песик нанесет себе какой-нибудь ущерб.

Все-таки он был слишком крошечный. На мгновение ей показалось, что собака на ее коленях сидит в луже крови, но Катя тут же успокоилась. Маленький хулиган, пользуясь тем, что она занята, отгрыз один бутон из коробки с розами, и тот упал на него, уколов лапку шипами.

— Малыш, ты себе язык не поранил? — Катя отшвырнула бутон и внимательно осмотрела песика со всех сторон.

Нет, не поранился, просто напугался. Глаз да глаз за ним нужен. Внезапно ей стало смешно.

— А роза упала на лапу Азора, — продекламировала Екатерина нараспев. — Ну надо же.

Она спустила собаку на пол, оделась и бросила последний взгляд в зеркало. На нее смотрела красивая, уверенная в себе, дорого одетая женщина, в которой старинные знакомые вряд ли узнали бы простушку Катю Брусницыну. Иногда она скучала по тем временам.

— Азор, мы с тобой едем в гости, — скомандовала Катя и направилась в прихожую, где в углу стояла собачья переноска.

Дорога от их городской квартиры до Репино заняла неполный час. Катя сама водила машину, да так лихо — Влад только вздыхал, что когда-то уговорил ее сесть за руль. В установленной на соседнем сиденье переноске было тихо, видимо, Азор спал, укачавшись под шум колес. Ну и хорошо.

Ворота на участок Мудровых были открыты. Катя въехала на гравийную дорожку, шурша шинами, припарковалась на «своем» месте, отметив, что гости уже начали собираться. Гостевая парковка снаружи участка была уже почти вся заставлена машинами. Она вылезла из своего автомобиля и достала собаку. Навстречу уже спешил муж с огромным букетом роз в руках.

Белых.

— С днем рождения, любимая. Я сегодня с утра не успел тебя поздравить. Слишком рано уехал.

— Спасибо, Владюш, но твой первый букет тоже очень красивый, только Азор отгрыз один бутон.

— Первый букет? — Влад выглядел озадаченным.

— Да, мне сегодня доставили роскошные бордовые розы, я была уверена, что от тебя.

— Нет, я предпочел вручить сам. Да и знаю, что ты любишь белые. Интересно, кто это дарит моей жене цветы!

— А ты что, намерен изобразить ревнивца? — Катя засмеялась, потому что ревность ее мужу была совершенно не свойственна. Да она и не давала для нее ни малейшего повода.

— Нет, просто не люблю сюрпризы, источников которых не знаю.

— Да брось ты, Влад. Наверняка у этого сюрприза имеется вполне простое объяснение. Судя по стоимости букета, заказать его мог только твой отец. Уж точно не мои однокурсники.

— Ладно, выяснится. Все тайное рано или поздно становится явным. — Влад улыбнулся, обнял жену за талию и повел с собой. — Пойдем, нам еще нужно прицепить на твое платье главное

украшение.

— А я думала, главное украшение — это я.

— Конечно, ты, но «Софи» будет тебя достойна, вот увидишь.

— Влад, а можно я выйду в этой броши, чтобы ее все увидели, покажу, а потом сниму! Мне не хочется целый вечер ощущать на своей груди бюджет небольшого российского города. Я не смогу расслабиться.

— И зря. Бриллианты нужно носить так, словно их на тебе нет, — наставительно сказал Влад и, заметив ее умоляющий взгляд, заторопился, — но если тебе станет совсем невмоготу, то роза вернется в свой футляр. Я обещаю.

— И вместе с охранниками уедет обратно на фирму?

— Охранники уедут одни, поместив «Софи» в сейф в кабинете отца. Ты же знаешь, что взломать его невозможно. Здесь наша бриллиантовая роза будет не в меньшей безопасности, чем в офисе.

— Знаю, — пробормотала Катя, которую вновь охватила безотчетная тревога.

Последующие три часа превратились для нее в сплошное мелькание картинок. Вот Влад цепляет ей на широкую бретельку платья бриллианто-

вую розу, такую тяжелую, что Катя постоянно ощущает ее на своем плече, словно там сидит откормленный попугай. Вот она выходит по широким ступеням крыльца в сад, где ей рукоплещут собравшиеся гости. Вот они по очереди подходят к Кате, чтобы поздравить с днем рождения и восхититься красотой бриллиантовой розы.

Вот бегают по поляне и кричат дети. Официанты разносят бокалы с шампанским и закуски, в ожидании, пока наступит пора основных блюд. Из-за количества гостей праздничный ужин проходил в формате фуршета, все бродили туда-сюда, подходя к накрытым столам и обратно, и от этого постоянного броуновского движения у Кати разболелась голова.

В мелькании лиц ей вдруг почудилось что-то знакомое, но изрядно позабытое. Катя завертела головой, пытаясь понять, кто именно привлек ее внимание. Людей было много, часть из них она, разумеется, знала, к примеру, друзей семьи Мудровых или коллег по офису. Другие же были ей совершенно незнакомы, но не зря же говорят, что все люди на кого-то да похожи.

А еще Катя постоянно ощущала на себе чей-то внимательный взгляд — он был липкий, неприятный, буровил то спину, то лицо, то рассыпаю-

щийся снопами искр цветок на плече. Впрочем, к цветку было и так приковано внимание почти всех собравшихся. В этот раз Влад как художник превзошел самого себя. Роза получилась потрясающая: красивая, элегантная и словно живая.

Когда он только затевал работу над ней, Катя вместе с мужем ездила в Алмазный фонд, чтобы посмотреть на розу Николаева, и теперь могла со всей ответственностью заявить: Влад Мудров превзошел советского мастера по всем параметрам. Это было не просто крайне дорогое из-за количества бриллиантов ювелирное изделие, а настоящее произведение искусства. Катя была уверена, что после выставки в Стамбуле на него сразу появится покупатель.

Стоимость камней должна была окупиться втрое, если не вчетверо. В этом Катя Брусницына за годы жизни в семье Мудровых тоже научилась разбираться. Работа мастера такого уровня, как Влад, стоила баснословно дорого. А еще эксклюзивность. Роза «Софи» существовала в единственном экземпляре, и никто в мире не мог ее повторить.

Опять этот взгляд. Катя потерла висок, в котором кто-то буровил дырку, и осмотрелась, стараясь сделать это максимально незаметно. Вз-

гляд, который ей не нравился, шел от столика, за которым кучковались приглашенные официанты. Это они ее так пристально рассматривают?

— Мама, мама, а Азор накакал на газоне, — дергала ее за подол платья Соня.

— Азор? А что он тут делает? Я же его в доме заперла. — Катя перевела взгляд с дочки на поляну, куда та показывала пальцем.

Там среди гостей носился ее щенок, выпущенный кем-то на волю. Господи, да еще и без поводка! Одуреет от количества людей, сбежит, чего доброго. Словно подслушав ее мысли, Азор со всех лап кинулся в кусты, отделяющие поляну от забора, за которым расстилался сосновый бор. Катя, хоть и знала про забор, опрометью кинулась следом.

— Соня, постой здесь! — крикнула она.

В кустах никого не было. В смысле, Азора. А вот в заборе проделана огромная дыра, из-за которой раздавался тоненький лай, точнее, скулеж. Мамочки мои, Азор! Недолго думая и не обращая внимания на свой роскошный наряд, Катя полезла в дыру, за которой пропадала ее собака. В том, что собака именно пропадает, она даже не сомневалась.

Тонкий шелк платья зацепился за какую- то

железяку и треснул, но Катю это не остановило. Она выбралась наружу и очутилась среди сосен. Земля, покрытая осыпавшимися иголками, мягко пружинила под ногами. На каблуках идти по ней было неудобно, и Катя скинула туфли, оставшись босой.

— Азор, Азор, — позвала она, смутно понимая, что собака не могла за пять дней привыкнуть к своему новому имени, а потому, скорее всего, не откликнется.

Тоненький плач раздавался теперь чуть поодаль, и Катя двинулась на зов своего песика. За деревьями виднелась красная машина, у открытой передней двери стояла девушка. Вот она присела, видимо, увидев выскочившего щенка. Это выглядело безопасно, и Катя поспешила к ней, нацепив на лицо самую приветливую улыбку.

— Пожалуйста, подержите его! — крикнула она еще из-за деревьев. — Это мой щенок убежал. Он еще совсем маленький.

Девушка, а может, молодая женщина, издали было не видно, подхватила Азора на руки и выпрямилась. Теперь она смотрела Кате прямо в лицо и улыбалась. Улыбка у нее была хищная и какая-то недобрая. Возможно, это считывалось

бы лучше, если бы лицо незнакомки не закрывали большие темные очки. Неторопливым, даже ленивым движением незнакомка сняла их, уставилась прямо Екатерине в лицо, и та обомлела, мгновенно ее узнав. Перед ней с Азором на руках стояла Милена Фалькова.

Да-да, та самая подруга Милена, которая втянула Катю в историю с похищением бриллиантового колье, принадлежащего семье Мудровых. Катя не видела ее шесть лет, с того самого дня, как Милена сбежала из особняка Брусницыных. Это же Катя тогда догадалась, где ее искать, так что колье было счастливо возвращено владельцам. Милену и ее мужа-сообщника они тогда отпустили на все четыре стороны, заявлять не стали — пожалели.

Катя иногда думала о том, как живет ее бывшая подруга. Она знала, что карьера супермодели для Милены закончилась. Возможность работать, причем в любой стране мира, Мудров-старший ей перекрыл напрочь. Она понимала, что для самолюбивой Милены этот удар был похлеще, чем тюрьма, которой та счастливо избежала. И еще Нью-Йорк… Подруга говорила, что мечтает жить в этом городе, и планировала на деньги, вырученные с продажи украденного колье, купить там квартиру, обязательно в небоскребе. Не

срослось, не получилось.

— Милена, — не сказала, а скорее выдохнула Катя. — Ты как тут?

— Твоими молитвами, — засмеялась бывшая подруга.

Со времени последней их встречи она сильно изменилась. Тогда, на перроне Московского вокзала, где Милена встречала приехавшую из своей провинции Катю, она была высокая, тоненькая, похожая на грациозную лань, с бесконечными ногами, высокой грудью, длинными платиновыми волосами, затейливо струящимися по безупречной спине, одетая очень стильно и дорого.

Высокий рост и сейчас никуда не делся, как и фигура, впрочем, ставшая более налитой. Не сорок второй размер, как было, и даже не сорок четвертый. Длинные волосы сменились на короткую стрижку, впрочем, довольно стильную. Милена с детства была красавицей, и сейчас огромные синие глаза и правильные тонкие черты «вытягивали» постаревшее лицо с морщинами у висков. Милена выглядела на все свои тридцать пять. Ни копейкой меньше.

И одета она была иначе — модно, но дешево. Никаких тебе «Шанелей» с «Ив Сен-Лораном». Джинсы из масс-маркета, недорогая футболка

и накинутая на плечи толстовка, немаркая, практичная и надежная. О прежней Милене напоминал только аромат духов, тяжелый, сладкий. По крайней мере, Азор на ее руках сморщил носик и вдруг чихнул. Милена с отвращением посмотрела на щенка и отбросила его в сторону.

— Пошла вон, блоха несчастная!

Азор перевернулся в воздухе, упал на землю и заплакал в голос — больше от страха, чем от боли, мягкая прослойка из сосновых иголок смягчила удар.

— Милена, ты что, с ума сошла! — ахнула Катя. — Маленький, иди ко мне. Иди-иди к мамочке.

Азор, отряхиваясь, подбежал к ней, и Катя подхватила его на руки, ничуть не беспокоясь о сохранности платья.

— Так вот ты какая стала, — протяжно сказала Милена, окидывая ее взглядом с ног до головы. — А эта тварь мне больше не нужна. Она свою роль выполнила.

— Какая такая? — машинально спросила Екатерина и тут же спохватилась: — Какую роль? Ты о чем?

— Да о том. Правильно Игнат все рассчитал, он был уверен, что ты за этой шелупонью побе-

жишь, про гостей своих забудешь. Ты же у нас добренькая. Правильная вся такая. Живую тварь пожалеешь, приголубишь. С детства блаженная. Всех бродячих кошек подкармливала, голубя с раненым крылом выхаживала, а потом за бабкой своей полоумной ходила, пока та под себя гадила, вместо того чтобы ее в дом престарелых сдать и жизнь свою налаживать.

Бабушку? В дом престарелых? Бабушку, которая ее вырастила? Да и Милене сделала немало доброго, если уж по-честному.

— Игнат? — Из всего сказанного бывшей подругой Катя, пусть и с трудом, вычленила главное. — Он тоже здесь?

— А как же? — Со стороны дырки в заборе приближался мужчина, одетый в форму официанта.

Игнат Румянцев собственной персоной. Так вот почему Катерине казалось, что на нее все время кто-то смотрит.

— То есть вы выманили меня вслед за собакой, — спокойно сказала Катя. — И что? Вот я здесь. Что вы хотели мне сказать?

Игнат расхохотался.

— Да ничего мы не хотели тебе говорить, курва поганая. Брошь снимай! Да-да, вот этот элегантный цветок, что на плече твоем приколот. Это

нам компенсация за потерянное ожерелье. Сечешь?

«Софи». Так вот что им нужно. Катя даже облегчение испытала, когда это поняла. Спустя шесть лет парочка решила взять реванш и украсть другой шедевр из коллекции Мудровых. Ну, допустим, отдаст она им розу. И что дальше? Они же не могут не понимать, что далеко отсюда не уйдут, не говоря уже о том, что из страны бриллиантовую брошь не вывезут. Катя позовет на помощь, Влад с отцом отправят погоню и все. Или… От нехорошего предчувствия у Кати вдруг встали дыбом волоски на руках.

— Смотри-ка, соображает. — Милена хищно засмеялась. — Понимает, что мы ее не отпустим. Ух как я тебя, суку, ненавижу! Ты все у меня отняла. Мечту мою, мою жизнь. Даже Влада. Он на меня не смотрел даже, хотя чего я только не делала, чтоб его в постель уложить, а на тебе, каракатице, даже женился. Мадам Мудрова! Была нищенка в халате медсестры. Горшки за вонючими больными выносила, в то время как я по подиуму ходила. Мне Париж и Лондон рукоплескали. И на` тебе! Ты богата, а я… Убью, сука! Сначала тебя, а потом твою собаку. Или нет, наоборот. Этот поганый суслик на твоих глазах умрет. Смотреть будешь,

как я ему голову сверну.

Катя прижала Азора к себе, словно это могло защитить от безумной Милены. В том, что бывшая подруга именно безумна, Катя не сомневалась. Психическое нездоровье звучало в ее словах, было написано на лице, вырывалось наружу вместе со вскипавшей на губах пеной.

— Как ты жила все эти годы, Милена? — Кате было жизненно необходимо потянуть время. Она надеялась, что кто-то заметит ее отсутствие, а потом найдет дырку в заборе. Не кто-то. Влад.

— Я тебе расскажу, — Милена снова хищно улыбнулась. — Пока буду убивать. Но не здесь, разумеется. Пошла вперед. Пошла, говорю! Давай-давай, поторапливайся. В машину залезай. Гнида.

Катя медленно осмотрелась, пытаясь понять, как спастись, и получила мощный тычок в спину. Ну да, Игнат. Он сильнее ее. Хорошо, что она сняла туфли, но даже босой не убежать далеко, в длинном шелковом платье особенно. Эти двое догонят и тогда точно убьют, а так есть шанс потянуть время. Вот только для чего? Если ее увезут, то Влад не сможет найти куда.

Как на грех, у Кати даже телефона с собой не было. Он остался в маленькой сумочке, подхо-

дящей к платью, которую она кинула в кустах, штурмуя дырку в заборе.

— Я отдам брошь, отпустите меня и собаку.

— Ага, чтобы ты снарядила целый отряд в погоню за нами. Мы это уже проходили, — покачал головой Игнат.

— Я. Тебя. Убью. — Голос Милены был спокоен, а оттого особенно жуток. — Убить тебя — еще бо`льшая награда, чем бриллианты.

— Игнат, ты понимаешь, что ограбление — это одна статья, а похищение человека — совсем другая. — Катерина пыталась говорить так же спокойно, хотя получалось плохо. — А уж про убийство я вообще молчу. Ты же умный человек, не можешь не понимать, что вас все равно поймают.

— Поймают, только ты этого уже не узнаешь, — сообщила Милена. — Ты про нас не думай, про себя думай. Срок твоего пребывания на этой грешной земле неумолимо идет к концу, дорогая моя подруга. Бедная родственница. Серая мышь. Скромница, заполучившая все блага мира. Мудров не захотел меня, так у него и тебя не будет. Поняла?

Игнат толкнул ее в спину так, что Катя едва не упала. Пинками довел до машины и заста-

вил залезть внутрь. Катя особо не защищалась, прижимая к себе собаку и стараясь сделать все, чтобы маленький песик не пострадал. Он, словно понимая, что происходит страшное, молчал, не скулил, лишь прижимался к ее груди всем тельцем и крупно дрожал.

С собакой на руках Катя очутилась на заднем сиденье машины, рядом, практически ей на ноги плюхнулся Игнат. Милена села за руль, и машина тронулась, увозя Катю прочь. Ей вдруг подумалось, что насовсем. Навсегда. Матвей с Соней останутся без матери. И Влад тоже останется без нее.

Очень хотелось заплакать, но Катя сдерживалась, не желая доставлять Милене радость своими слезами. Машина набрала скорость, за окном замелькало знакомое Приморское шоссе. Оставалось только гадать, куда ее везут. Где в окрестностях место, в котором можно незаметно убить человека? В голову пришли заброшенные дачи в районе Сестрорецка. Да и лесов в округе достаточно. В город ее вряд ли повезут.

— Так как вы жили все эти годы? — прервала молчание Катя. — Где?

— В моей коммуналке, — мрачно сообщил Игнат. — От бабки досталась. А что? Милка у нас

приезжая, своей квартирой не обзавелась, жила в съемных. От работы нас обоих отлучили. Я только свадьбы снимать мог, так это ж не деньги после модельного-то бизнеса. В журналах печатать перестали. Только оставалось, что в стоки снимки сливать, так и они накрылись. Санкции, мать их.

— Ясно, значит, ты — свадебный фотограф. А Милена?

— А я пункт выдачи открыла. Маркетплейса известного. — В голосе звучала все та же смесь тоски и злобы. — Целый день на ногах, выдавая чужие посылки. И все это для того, чтобы с голоду не сдохнуть.

— Надо было образование получать. Это никогда не поздно. По себе знаю.

— Ну да. Ты же у нас на врача учишься, как когда-то мечтала. Ага-ага. Мечты должны сбываться. Только тебя муженек кормит, ты можешь мечты сбывать, а мои мечты из-за тебя в пыль разметаны.

— Так я мечтала врачом работать и для этого учусь. А не жить праздно в небоскребе и для этого воровать.

— Игнат, заткни ее, а то разговорилась слишком. Иначе я ее прямо сейчас голыми руками придушу. Остановлюсь на трассе и убью.

— Веди машину, — приказал Игнат. — А ты, курочка, давай свою брошку.

Чужие руки, мужские, волосатые, бесцеремонные, противные, зашарили по Катиному телу, нащупывая застежку от «Софи». Она была хитрая, с секретом, чтобы ценную брошь невозможно было потерять. Игнат пыхтел, но у него не получалось. Только уколол себе палец и поцарапал кисть.

— Черт, колется!

— Бриллианты не терпят чужих рук, — заметила Катя.

Азор тяпнул Игната за палец. Тот взвизгнул.

— Эта тварь кусается!

— Выкинь его в окно. На скорости мозги по асфальту размажет, — предложила Милена.

— Не трогайте собаку!

— А то что? — засмеялся Игнат.

— Я вам расскажу, чем еще можно поживиться у Мудровых.

— Ага. Нашла идиотов. А то мы не знаем, как у них в офисе охрана налажена. Мы шесть лет к ним подбирались. Сначала, чтобы то ожерелье украсть, а потом — отомстить.

— А я и не говорю про офис. Я про городскую квартиру, — вздохнула Катя. — Свекры на даче

живут, квартира пустая. Там, конечно, ценностей не так, как в офисе, но кое-что имеется.

— И квартира не на охране? — с издевкой спросил Игнат.

— На охране. Только я пароль знаю.

— Слышь, Милка, а она дело говорит.

— Да брось ты, Игнат. У нас брошь в руках, которая десять мультов зеленью стоит. Сколько в той квартире? На лимон? Полтора? И стоит ради них так рисковать?

— Ну, если для тебя лимон баксов не деньги, то можешь не рисковать, конечно. А я бы рискнул.

— Дурак ты, Игнасио, — вздохнула Милена, не отрывая глаз от дороги. — Ты эту курву в город привезешь, а она там какую-нибудь тревожную кнопку нажмет или орать начнет. Она же хитрая, как сто китайцев.

Про Азора они забыли, вот и слава богу. Уже хорошо.

— А мы не повезем ее в город. На даче оставим, привяжем хорошенько, никто и не найдет. А сами мотанемся на адрес. Время есть. Мудровы в город точно не рыпнутся.

— А вдруг ее на городской квартире искать станут? — Милена так просто не сдавалась.

— Так искать станут на моей квартире, то есть

на нашей с Владом, а не на родительской, — разумно заметила Катя. — Там практически не бывает никто.

— Ладно, почти приехали. Сейчас привяжем тебя, брошь заберем, а там решим.

В своих рассуждениях о месте ее будущего заточения, а может быть, и смерти, Катя была точна. Ее действительно привезли на одну из заброшенных дач в Сестрорецке. С собакой на руках она, подталкиваемая в спину Игнатом и сопровождаемая шипением Милены, по колючей и давно не кошенной траве прошла в дом. Игнат деловито начал привязывать ее к железной спинке старинной, очень тяжелой кровати.

— Руки оставь, — попросила его Катя. — Для собаки.

— Ладно, я тебя за ноги привяжу, — ухмыльнулся он. — Но и одну руку тоже, иначе ты распутаешься и убежишь, а это в наши планы не входит.

— В наши планы входит ее убить вместе с этим обмылком. И исчезнуть отсюда, — вмешалась в разговор Милена. — У нас самолет через пять часов.

— Как раз успеем, — утешил ее Игнат. — Я хорошенько свяжу, так, чтобы она освободиться

не могла. И поедем. На дорогу час, если она не соврала, то оттуда сразу рванем в аэропорт.

— А эта? — В голосе Милены звучала такая жгучая ненависть, что Кате снова стало страшно.

— Если она не соврет про коды доступа к квартире и сейфу, то пусть живет. Ее не найдут, место глухое. Не бывает тут никого. Велика вероятность, что сама подохнет. А вот если в квартире Мудровых никаких ценностей нет, то мы вполне успеем до самолета вернуться, чтобы ее прикончить. Слышишь, курица?

— Я ее в живых не оставлю.

— Милка, да перестань ты. Сейчас она нам десять миллионов долларов от платья отколет, адрес с шифрами скажет и пусть живет на здоровье. Неделю, глядишь, промучается. Еще и пожалеет, что ты ее быстро не убила. А мы на самолет, в Стамбул, и оттуда нам весь мир открыт. Эй, розу свою снимай. Я больше колоться не намерен.

Неслушающимися руками Катя отцепила брошь от платья, на мгновение сжала в кулаке, чувствуя, как камни впиваются в кожу. Не зря у нее были плохие предчувствия.

— Подарок наш на день рождения тебе понравился? — вмешался в ее размышления голос

Игната.

— Подарок? Вы про похищение? — Катя старалась не терять самообладание. В конце концов, если ей суждено умереть, то есть смысл сделать это с достоинством.

— Мы про розы, дубина. Кроваво-красные, как знамение, что с бриллиантовой розой придется расстаться, да и с жизнью тоже.

Значит, коробка с цветами, полученная утром, была не от Влада. Он, как и положено, подарил белые, преподнеся свой букет вечером. Она же почувствовала неладное, уколовшись этим букетом. И Азор отгрыз один цветок, который чуть не поранил ему лапку острым шипом.

— А зачем вы послали мне цветы? — полюбопытствовала она. — Я сразу поняла, что они не от мужа. Влад всегда дарит мне белые розы.

— Хотелось, чтобы ты в свой день рождения начала нервничать. Но ты не начала. Самоуверенная до ужаса, Брусницына. Ты не испугалась, потому что живешь в мире розовых пони, в котором якобы нечего бояться. Ты всегда такой была. Глупой и доверчивой. Просто идиоткой, с которой можно делать все, что захочешь. Когда я позвала тебя в Питер, чтобы ты стала частью моего гениального плана, и не заподозрила ничего. Даже

в голову не пришло удивиться, зачем успешной модели вдруг снова понадобилась такая серая мышь, как ты. Прилетела сразу, веря в дружеские чувства. Наивная до скрежета зубовного. Была и осталась. Цветы прислали стоимостью в месячную зарплату в нашем бывшем городишке, а тебе даже в голову не пришло, будто что-то не так. Конечно, ты же теперь миллионерша. Цена этого букета так, на семечки.

— Я не ем семечки, — ровным голосом сказала Катя. — Никогда их не любила, ты же помнишь. И я вовсе не миллионерша. Мой свекор — да, но мы с Владом живем на то, что он зарабатывает. Да, это немало, потому что он — талантливый художник. Ну и что?

— Никак не могу понять, что он в тебе нашел. Я уж перед ним чуть ли не расстилалась, чтобы подходы к его семье найти, а он на меня даже не смотрел. В смысле, как на женщину.

Катя вдруг совершенно не к месту вспомнила, что сказал ей Влад в тот вечер, когда они вместе искали Милену, сбежавшую с дорогим колье, и они впервые поцеловались. «Я всегда терпеть не мог этих пустых фарфоровых кукол с модельной внешностью. А ты — настоящая, на мою маму похожа», — вот что он тогда сказал. Фарфоровая

кукла с модельной внешностью. Сейчас Милена ни капельки не была на нее похожа. Обычная женщина средних лет, растерявшая весь лоск, а вместе с ним и красоту. Обидно.

— Человека, — ответила Катя. — Он нашел во мне человека. Которым ты никогда не была, а сейчас и последние человеческие качества растеряла.

Милена рванулась к ней.

— Нет, я прямо сейчас ее убью!

— Остынь, — придержал ее Игнат.

В его голосе было столько силы, что становилось совершенно ясно, кто в их тандеме главный. Не Милена с ее нездоровой яростью, а он. Мужчина, тщательно планирующий преступления, чтобы наконец разбогатеть. Наверное, и та неудавшаяся кража шестилетней давности тоже была подготовлена именно им. Как и нынешняя сатисфакция.

Он забрал брошь у Кати из рук, примотал запястье к перекладине кровати. Еще раз проверил, что ноги у нее надежно зафиксированы. Свободной рукой Катя по-прежнему прижимала к себе Азора. Щенок крупно дрожал и поскуливал, прижимаясь к ней. На подоле ее вечернего платья, с такой тщательностью выбранного ко дню

рождения, растекалось небольшой пятнышко. Ну да, ее щенок слишком маленький, чтобы долго терпеть.

— Адрес и ключ от квартиры. Сдается мне, ты нас обманула, потому что с собой у тебя его быть не может.

— Там электронный ключ, — успокоила Игната Катя. — Кодовый замок на подъезде и на двери в квартиру. Заходить лучше не с центрального входа, а со двора. У центрального сидит консьерж, он очень дотошный, обязательно пристанет, куда вы и к кому. С черного хода же попадете прямо к лифтам. Комбинация замка 921233. На лифте поднимитесь на седьмой этаж. Квартира 77. На ручке двери наберете комбинацию 83448. Дверь откроется. Ах да, адрес.

Она назвала улицу и номер дома, в котором жили Мудровы-старшие.

— Где ценности?

— Ювелирка в сейфе. Он стоит в кабинете. Это самая дальняя дверь по коридору. Код сейфа — дата рождения Влада. Восемь цифр. Надеюсь, Милена его помнит.

— Помню, — усмехнулась та. — И что там ценного?

— Экспериментальные образцы, которые Сер-

гей Юрьевич дарил Марине Михайловне. Кольца, серьги, ожерелья, как отдельные, так и парюры.

— Разве они не должны быть на владелице дома на сегодняшнем торжестве?

— Особо ценные изделия не хранятся на даче, — пожала плечами Катя. — Там только украшения на каждый день. Если Марина Михайловна хочет надеть что-то особенное, то ей привозят это из городской квартиры, а потом увозят обратно. Но сегодня не тот случай. Привлекать внимание собравшихся должна была только «Софи».

— Софи?

— Эту брошь мой муж так назвал.

— Очень трогательно, — фыркнула Милена. — Учти, если ты нам соврала, то я вернусь и сначала сверну голову твоему уродцу, а потом задушу тебя. Своими собственными руками задавлю, гнида.

— Я не соврала, — твердо сказала Катя. — Ты же знаешь, я никогда не вру.

Конечно, она не соврала. Просто не сказала всей правды. Сейф в квартире Мудровых был устроен таким образом, что после введения названной похитителям комбинации действительно разблокировался, открывая доступ к лежащим внутри ценностям. Вот только после этого требовалось

ввести еще восемь цифр — дату рождения Матвея, любимого первого внука, иначе на пульт охраны поступал сигнал тревоги.

Фирма, с которой у Сергея Юрьевича был заключен контракт на охрану и дома, и квартиры, и офиса, присылала наряд в течение шести минут. Если Кате повезет, их успеют задержать до того, как они вместе с награбленным покинут квартиру. А если повезет вдвойне, то на допросе они расскажут, где оставили ее с Азором. И сделают это до того, как они умрут от голода и обезвоживания.

Если бы ее собачка была старше, можно было бы надеяться, что песик сообразит привести в заброшенный дом помощь. Хотя стоит ли ждать такого от декоративного папильона, которому судьбой предназначено быть диванной подушкой? Но Азор — щенок, о том, что он сможет помочь, даже думать бессмысленно.

Милена, подгоняемая Игнатом, нехотя покинула дом. Заскрипел ржавый замок, и Катя осталась одна. Точнее, с собакой, конечно. Перед уходом парочка еще поспорила, вставлять ей кляп или нет. Катя слушала их с замиранием сердца, но в конце концов рот ей все-таки решили заклеить. Дом, конечно, находился на заброшенном участ-

ке, но зачем рисковать.

— Эта тварь голосистая. В детстве в хоре пела, так что начнет орать, на берегу может быть слышно.

В качестве кляпа использовали носок Игната, закрепив его скотчем. Ничего другого не нашлось. От грязной вонючей тряпки во рту Катю сильно затошнило, и она испугалась, что задохнется собственной рвотой, поэтому начала размеренно дышать носом, уткнув его в шелковистую шерстку сидящей на коленях собаки. Песик пах уютно: малышковым пузиком, немного травой и иголками, по которым он бегал перед похищением. Теперь оставалось только ждать.

Через какое-то время Катя задремала. Проснулась она от того, что за разбитыми окнами раздался шорох шин. Что же получается, ее мучители вернулись? Сколько прошло времени? Без часов и телефона Катя не могла определить, долго ли спала. Может, полчаса, а может, и три. У Игната и Милены получилось ограбить квартиру Мудровых, теперь они приехали выполнить свою угрозу и ее убить? Или не получилось и вернулись они именно поэтому? Впрочем, чего теряться в догадках, сейчас все выяснится.

— Катя, — услышала она голос мужа. — Брус-

ничка, ты где? Я уже иду.

Она не верила собственным ушам. Влад? Влад здесь? Как же он ее нашел? Или, как она и думала, сработала сигнализация в сейфе, приехавший наряд задержал бандитов, а те быстренько выложили, где ее искать? Катя замычала, чтобы дать сигнал мужу: она здесь, внутри. Словно поняв, что нужно делать, громко и звонко залаял Азор. В коридоре зазвучали шаги, знакомые, надежные, уверенные, и в комнату ворвался Влад, а за ним один из охранников.

— Господи, ты цела, какое счастье. Сейчас я тебя освобожу. Игорь, проверь остальные комнаты.

Катя снова замычала и замотала головой, давая понять, что не надо ничего проверять, дом пуст. Влад опустился на колени, бережно снял скотч с ее губ, но все равно было больно. Тонкая кожа осталась на липкой ленте, кровь потекла по подбородку. Катя не удержалась, вскрикнула.

— Сейчас-сейчас, маленькая. Прости.

Откинув в сторону поганый носок, Влад целовал ее, слизывая кровь. Губы жгло, но было все равно приятно, потому что это он, ее муж, лучший мужчина на свете.

— Их задержали? «Софи» нашли?

— Кого их? Пропади она пропадом, эта «Софи»!

— Милену и Игната. Они похитили меня, подманив Азора через дырку в заборе. Потом забрали «Софи» и поехали к твоим родителям на квартиру. Я сама их туда отправила в надежде, что сработает сигнализация.

— Ты? Отправила? Когда?

— Я не знаю. От дачи мы уехали в районе семи вечера. Добираться сюда двадцать минут. Какое-то время были здесь, думаю, с полчаса. То есть в восемь с копейками они отправились на городскую квартиру. Сейчас который час?

— Без десяти девять.

— Значит, еще не доехали. Влад, нужно быстро позвонить в службу охраны, чтобы их там ждали.

— Игорь!

— Понял. — Охранник достал телефон и шагнул через порог.

Влад продолжал распутывать веревки, которыми Катя была привязана к кровати. Она, все еще прижимая к груди притихшую собаку, вдруг вздрогнула и отстранилась.

— Ты чего?

— Влад, если сигнализация в квартире твоих родителей еще не сработала, как ты меня нашел, да еще так быстро?

Он усмехнулся.

— Хватился, что тебя нет. Сумочка и телефон лежали на перилах лестницы, а тебя нигде не было. Я обошел весь дом, думал, может, ты устала и прилегла. Соня сказала, что ты побежала за собакой к кустам. Я отправился туда, обнаружил дырку в заборе, а в лесу след от протектора машины.

— И что? — требовательно спросила Катя.

Она правда не понимала, как ее муж менее чем за час выяснил, куда именно ее привезли. По камерам вычислили машину? Так в лесу камер нет. Откуда знали, что именно искать?

— Азор, — улыбнулся Влад.

Катя смотрела на него, все еще не понимая.

— Что Азор?

— Сначала я вообще не тревожился, просто хотел помочь тебе найти собаку. Но когда понял, где ты, осознал, что дело плохо. Ты вряд ли успела своими ногами в погоне за собакой преодолеть шестнадцать километров за полчаса. Мы с Игорем прыгнули в машину и поехали сюда. Он с дороги вызвал ребят из города, просто нам было ближе.

— Все равно не понимаю, как ты понял, что я в Сестрорецке? Да еще именно в этом доме?

— Брусничка, — в голосе мужа зазвучал

упрек, — ну включай свою знаменитую логику. Раз ты ушла за собакой, значит, находишься там же, где она. А у Азора на шее что?

Катя на мгновение «зависла» и тут же громко расхохоталась. Ну конечно! В первый же вечер, когда щенок оказался в их доме, они повесили ему на шею ошейник с GPS. Все это время Азор, сам того не ведая, передавал сигнал о своем местоположении. Хорошо, что Катя про это даже не вспомнила, а то Игнат и Милена могли бы заподозрить в ее поведении неладное и догадаться проверить. Как же ей повезло, что они ничего не понимают в собаках.

— «Софи», — снова повторила Катя и с чувством расцеловала своего чудесного песика. — Они все это затеяли, чтобы украсть брошь. У них ночью самолет в Стамбул. Милена все-таки не оставила надежд на небоскреб в Нью-Йорке. А еще, Влад, она мечтала меня убить. Так меня ненавидит, это просто ужасно.

— Прямо скажем, любить ей тебя не за что. Но я совершил ошибку, в прошлый раз оставив их безнаказанными. Думал, что лишить работы — достаточно. А нужно было прямо тогда упечь их за решетку. Что ж, проведем работу над ошибками. А пока поехали домой.

Катя, бережно поддерживаемая Владом, пошла к машине. Рядом весело скакал Азор, маленький спаситель. Они как раз подъезжали к дому Мудровых-старших, где, казалось, никто даже не заметил их отсутствия, когда Игорю позвонили. Выслушав отчет, он отключился и коротко доложил Владу, что Милена и Игнат задержаны в подъезде городской квартиры его родителей. «Софи» изъята, вызвана полиция, требуется присутствие хозяев.

— Сейчас заберу отца, и мы приедем, — принял решение Влад. — Эти твари ответят и за «Софи», и за проникновение в квартиру, и за похищение человека.

— Спасибо, что не за убийство, — мрачно сказала Катя.

Следствие было недолгим. Милена пыталась все отрицать, но Игнат сознался быстро, всячески напирая на то, что не причинил Екатерине Брусницыной никакого вреда, наоборот, защитил ее от мрачных намерений своей супруги. Уже через неделю после незадавшегося преступления дело было раскрыто и передано в суд.

Став вещественным доказательством, изъятая у преступников «Софи» не уехала на выставку в Стамбул, а потому не нашла своего покупателя.

— Что теперь планируешь делать? — спросила Катя у мужа, глядя на лежащую в бархатной коробочке брошь. — Когда следующая выставка?

— Ничего не буду делать. Я и не собирался ее продавать. Это наш с отцом подарок тебе на тридцатипятилетие. Надеюсь, ты согласишься ее принять? Она не будет вызывать плохих ассоциаций?

Катя перевела взгляд на переливающуюся тысячами искр розу. Это настоящее произведение искусства, а они никогда не виноваты в том, что будят в людях с грязной душой низменные чувства. Брошь была прекрасна. Азор прыгнул с колен Кати на столик, где лежала коробочка с розой, задел ее. Коробочка полетела на пол, но была подхвачена Владом.

— А роза упала на лапу Азора, — произнесли они в унисон и засмеялись.

— Эта брошь будет мне напоминать только о том, что я тебя люблю, — сказала Катя и поцеловала мужа.

Елена Дорош
Цветочный рай

— Электричество отключили надолго, девушка. Неполадки какие-то серьезные. Вчера телефонограмму прислали.

— Чтооо?! Телефонограмму? А почему нам не сказали?

— Объявление на двери появилось час назад. Надо было смотреть.

— Да идите вы к черту!

Соня бросила трубку и поглядела на часы.

Если немедленно не вывезти цветы, можно считать, что им, как говорит Ашот Керимович, кирдык. И ей, кстати, тоже. Загубить новый привоз — хуже конца света. Лучше сразу утопиться. И этот кошмар случился как раз тогда, когда ей и так жить не хочется.

Она взглянула на себя в стекло витрины.

А может, все правильно? Как говорится, чем хуже, чем лучше.

За недосмотр и халатность ее уволят, и она умрет с голоду, что в конечном итоге облегчит ее страдания от потери любимого мужа. Неработаю-

щий холодильник — это тебе не просто неликвид, тут потери посерьезнее. Если вся партия пойдет на утилизацию, то пропадут немалые деньги. И на кого, позвольте спросить, хозяин спишет убыток?

Это даже не кирдык. Это полный пипец. Для нее, разумеется.

Мусолить со всех сторон апокалиптический вариант развития событий, впрочем, было некогда.

Вызвав машину, Соня стала собирать цветы и упаковывать их для перевозки, оставшуюся в вазонах воду выносить в подвал и выливать в служебном туалете. Когда холодильник опустел, принялась за домашние, в горшках, хотя их можно было не трогать. Холод им, в отличие от срезанных, не нужен, так что можно просто оттащить в тень и полить в расчете на пару дней ее отсутствия. Мягкие игрушки, подарочные коробки и всякую лабуду вроде фаянсовых статуэток и открыток можно оставить как есть. Пыль смахнет по возвращении, если что, и все.

Закончив приготовления, она уселась на стул за крошечным прилавком и стала глядеть в окно.

Магазинчик «Цветочный рай» — это уголок у самого входа в торговый центр. Этакий узкий коридорчик. С одной стороны глухая стена, с дру-

гой — стеклянная. От пола до потолка и во всю ширину. Продавщица целый день словно в шоу «За стеклом»: ни нагнуться, ни штаны подтянуть. Напротив магазина как раз остановка, так что без зрителей нельзя остаться ни на минуту. Особенно достают прыщавые подростки, тешащие свои крошечные письки тупым юмором и лошадиным гоготом.

И за что ей все это?

— Эй, Сонька! Отворяй, девять-один-один пришел! — услышала она и, вскочив, побежала открывать дверь магазинчика.

Когда речь о цветах, кукситься и жалеть себя некогда. Каждая минута на вес золота.

Она поехала вместе с ребятами, не ожидая для себя ничего утешительного. Хорошо бы хоть на склад поставили работать, а не отправили за свой счет дома сидеть. Свет обещали вернуть максимум через день, но кто их знает! Где день, там и два, а ей без денег теперь никак. Она отныне на самообеспечении.

Вообще-то она всегда была на хорошем счету. Во-первых, у нее почти не было неликвида. Полуживые растения она научилась выхаживать на раз. Сперва, само собой, удалить поврежденные листья, чтобы не отбирали у растеньица

оставшиеся силы, потом обработать эпином или цирконом, от паразитов, как минимум — фитовермом, затем на всякий случай пересадить для профилактики гнили корней и создать бедняжкам тепличные условия. Выживали, конечно, не все, но многие.

Следствием реанимационных мероприятий было перевыполнение плана продаж, минимальный процент потерь и премия в конце месяца.

Кроме того, в отсутствие флориста букеты крутила тоже она, и, кажется, получалось неплохо, хотя на флориста она не училась. Делала композиции на свой вкус, а покупателям нравилось. Букеты не застаивались, поэтому меньше времени приходилось тратить на то, чтобы из полудохлых цветков сварганить что-то приличное и продать по цене свежака.

Ну и, наконец, «личные качества продавца», как не раз подчеркивал Ашот Керимович, у нее всегда были на высоте. Покупателям не грубила, приветливо улыбалась и не жалела времени на подбор товара для каждого — по желанию и покупательным способностям.

Но все это было до того, как ушел Денис. Сможет ли она теперь улыбаться людям и создавать цветочные композиции? Любое дело надо делать

с любовью.

А любви у нее теперь не было. От слова «совсем».

Разговор с Ашотом Керимовичем был коротким.

— Не бзди, София, но и не расслабляйся. Останешься на складе. Нагрузка общая плюс твои цветы на тебе. Все, что пропадет, на тебя запишу. Так что соберись, физалия!

— Азалия, — поправила Соня.

— Скажи спасибо, что не фекалия, — парировал Ашот и, зыкнув глазом по сторонам, ущипнул ее за задницу.

Щипок не имел ничего общего с домогательствами, скорее был данью традиции, поэтому взвизгивать и обижаться Соня не стала.

На складе так на складе. Хотя ничего хорошего на самом деле. Склад — это один большой холодильник, а у нее и так придатки застужены еще со школы.

Но это всяко лучше, чем увольнение без права переписки.

Ничего, со складом она как-нибудь справится.

А вот с уходом Дениса — вряд ли.

Стоило вспомнить о своем горе, как на глаза навернулись слезы. Хорошо, что хозяин не видит.

Решит, что она его таким образом шантажирует.

Заскочив в туалет и наскоро умывшись, Соня надела спецодежду и принялась за дело. Разбор, сортировка, выбраковка, формирование партий.

Время пролетело незаметно, но когда собралась домой, она неожиданно струсила.

Идти в пустой дом и… что? Что в нем делать? Ужин готовить некому, телевизор смотреть не с кем, про поговорить — вообще лучше не думать. Хотя в последнее время они с Денисом почти не разговаривали. Наверное, это и стало причиной… Или, наоборот, — следствием того, что у него появилась другая женщина. Вернее, девушка.

Пару раз Соня видела Дениса с ней, но как последняя дура верила, что они просто коллеги, просто он ее подвез, просто она живет недалеко. Бла-бла-бла, одним словом.

Теперь Соня знала, что муж ходил на сторону почти год.

Но ушел только два дня назад. Неизвестно, зачем ему потребовалось ждать так долго, если у него, как он объяснил, настоящее чувство.

Девицу звали Лика. Дурацкое имя. И сама она дурацкая.

И чем эта Лика лучше нее? Неужели с ней интересней? Не может такого быть. С первого взгляда

видно, что типичная побрякушка. Губки уточкой, приклеенные ресницы, пластмассовая грудь. И о чем с такой говорить?

Лика — сика, вот она кто.

Распалившись от злобных мыслей, Соня пропустила свою остановку, разозлилась окончательно и, выскочив из автобуса, пошла назад, топая прямо по лужам, оставшимся от недавно прошедшего дождя.

Соне казалось: стоит зайти в пустую квартиру, как у нее от горя разорвется сердце.

Пару ночей она уже провела без сна. Еще одна ее просто доконает.

Ну и пусть. Все равно жить больше незачем.

Однако умереть в одночасье не дал Тузик. Стоило открыть дверь, он со страшной силой ломанулся на улицу. Пришлось вприпрыжку нестись за ним, проклиная себя за то, что не выгуляла пса утром. Так страдала, что позабыла обо всем на свете.

За собакой пришлось гоняться больше часа. Натерпевшись, Тузик никак не мог доделать свои дела, задирал ногу у каждого дерева, а стоило попытаться схватить за ошейник, убегал.

— Не буду я за тобой бегать, сам придешь, когда надоест выпендриваться, — сказала она наконец

и, усевшись на скамейку, заглянула в телефон.

Ну конечно. Ни звонка, ни эсэмэски. Пошла к черту, старая жена, здравствуй, новая!

— Так тебе и надо, — прошептала Соня и почти набрала номер мужа.

Вовремя одумалась.

Никогда не липла к мужикам, нечего и начинать.

Тузиком собаку назвал папа, причем пес был не дворнягой, а благородным стаффордширским бультерьером, выведенным в Англии. Почему Тузик, а не Граф, Барон или, на худой конец, Чарльз?

— Потому, — отвечал папа.

Мама злилась и предсказывала насмешки соседей, но папа был непреклонен.

— Сказал — Тузик, значит — Тузик.

Это было восемь лет назад, а через четыре года родители погибли в автокатастрофе. Может, она оттого и торопилась замуж, что невыносимо скучала по ним.

И вот. Снова одна и снова скучает. По мужу.

Тузик подбежал и потерся о колено.

— Пойдем домой, друг мой единственный, — шмыгнув носом, сказала Соня. — Поедим и будем стричь тебе когти.

Тузик раздвинул в улыбке широкую пасть.

— Красавец ты мой!

Утром она первым делом позвонила насчет электричества. Оказалось, проводку заменили, но вдруг заискрило в подвале.

— Коротыш, — со знанием дела сообщила диспетчер.

— И что теперь?

— Ждите.

Ждали весь день, а к вечеру Ашот велел ехать в магазин.

— Проверь, не сдохли ли остальные цветы. Жара такая, что и в тени плюс тридцать. Тем более без кондиционера.

Соня была рада сбежать. Магазинный аквариум теперь и в самом деле казался ей раем. И не только цветочным.

В магазине было не только жарко, но и очень душно. На свету в застоявшемся воздухе вились облака пыли, цветы в горшках поникли, даже плюшевые медвежата и котики, казалось, разомлели.

Соня кинулась наводить порядок, подкормила растения и, уже собравшись уходить, заглянула в холодильник — ту часть, где напротив окна стоя-

ла пластиковая лестница для вазонов с букетами и срезанными цветами.

Конструкция была изготовлена специально для ее магазина. Длинные белые пластиковые ступени на крепкой металлической основе. Ступенек было ровно четыре. На две нижние она ставила розы и лилии, на верхние — готовые букеты и мелочь.

С улицы выглядело красиво. Она и сама не раз любовалась этой разноцветной цветочной стеной.

Теперь лестница была пуста, только пятна от воды красовались на белом пластике.

Подумав, Соня решила, что заняться уборкой стоит именно сейчас. Завтра конвейер заработает снова, и бегать с тряпкой будет некогда.

Она уже собралась отправиться с ведром за водой, как вдруг почувствовала странный запах.

Принюхавшись, Соня попыталась угадать, что может так вонять.

Грызунов в ее закутке никогда не водилось. Стекло и бетон, никаких щелей и ничего, что могло их приманить. Еду она никогда не оставляла. Удобрения, что ли, они едят? Если так, давно бы обнаружили себя. Что-то она никогда не видела ни крыс, мышей.

Однако запах напоминал о чем-то дохлом. Тошнотворный и приторный — вот какой это был запах.

Брезгливостью Соня никогда не страдала, но все же шарить по углам в поисках дохлой крысы было не очень приятно. Выйдя из магазина в холл торгового центра, она поискала глазами охранников, но не увидела ни одного. Да и чего им тут делать, если магазин не работает. Сидят где-нибудь и чаи гоняют от скуки.

В холле вообще не было ни души. Только поблескивали стеклянные двери магазинчиков, да где-то вдалеке слышались голоса.

Наверное, проводку чинят. Это обнадеживает.

«Делать нечего, придется лезть самой», — поняла Соня и, вернувшись, стала отодвигать «лестничный пролет», как она иногда говорила, от стены.

Из-за большой длины конструкция была довольно тяжелой, поэтому пыхтела Соня долго. Вспотела и намаялась, но все же сдвинула лестницу так, чтобы с трудом, но можно было пролезть внутрь.

В пространстве между лестницей и стеной стояло оборудование и еще какие-то ящики, не имеющие отношения к торговле цветами.

Но сегодня там было кое-что еще.

Соня чуть не наступила на лежащую у самой лестницы женщину. Одного взгляда хватило, чтобы понять: перед ней труп, и находится он тут довольно давно, потому что неприятный запах исходил именно от него.

Но самое страшное было то, что труп был ей знаком.

Перед ней лежало тело Лики — новой жены ее мужа.

Она узнала не только лицо. В глаза прежде всего бросился кислотно-розовый прикид, до того вульгарный, что когда Соня впервые увидела эту побрякушку с мужем, не почувствовала никакой угрозы. Тупая пошлая кукла и Денис? Да не может такого быть!

Отступив назад, Соня стояла, не двигаясь, но в каком бы шоке она ни была, глаза отметили иссиня-бледный цвет лица, голых ног и то, что крови на Лике не было, вокруг — тоже. Зато повсюду виднелись следы рвоты: на полу, одежде, волосах и даже на розовых пластмассовых серьгах застыли куски рвотной массы.

Соня ничего не знала о ядах, зато каждый день имела дело с химикатами, — подкормкой и удобрениями для цветов, — поэтому ее голову сразу

посетила мысль, что Лика наглоталась воды, в которую Соня добавила новое средство против пожелтения листьев. Осторожно заглянув внутрь перегороженного трупом пространства, она в самом деле увидела валявшийся на полу зеленый пластиковый кувшин. Господи! Так и есть! Лика отравилась водой для полива, в которую была добавлена очень агрессивная подкормка, причем случилось это давно, потому что труп начал разлагаться на жаре и вонять.

В горячечном мозгу вдруг всплыло сто раз виденное в кино: когда найдешь труп, главное — ничего не трогать.

Навалившись всем телом, Соня пододвинула на место лестницу, выбралась из холодильника и минут десять сидела на стуле за конторкой, пытаясь прийти в себя.

— Абзац, полный абзац, — повторяла она словно в забытьи.

Сначала ее просто колотило. Мелко и противно. Потом стало подташнивать. Соня несколько раз сглотнула, прогоняя неприятное ощущение, поискала глазами бутылку с питьевой водой, не увидела и поняла, что все равно пить не станет.

Еще несколько минут она прислушивалась к своему состоянию, пока до нее не дошло, что надо

срочно звонить в полицию. Дрожащими руками выхватив из кармана джинсов телефон, Соня попыталась набрать номер, но пальцы не слушались. Она выругалась и в этот миг вдруг осознала: никто не поверит, что Лика умерла случайно, и ее обвинят в преднамеренном убийстве.

А кого же, если не бывшую жену-брошенку? Заманила бедную девушку и насильно напоила отравой.

Это открытие заставило Соню выключить телефон и снова сесть на стул.

Оцепенение длилось довольно долго, а потом она закрыла магазин и вышла на улицу.

К остановке, на которой в этот час было немало народу, она не пошла. Шмыгнула за угол и отправилась домой окольным путем.

Нужно было подумать. Хорошенько подумать.

Судя по всему, в магазине ее никто не видел. Сигнализация отключена из-за работ в подвале. Во всем супермаркете всего лишь заперты двери и выставлена охрана, которая, как выяснилось, не считала нужным следить за помещениями. В дежурке были камеры, но какие камеры, если нет электричества.

Она вошла с бокового входа, от которого у нее были ключи, и…

«Стоп», — скомандовала она себе и замерла посреди улицы. Шедшая сзади мамаша с коляской выругалась трехэтажным матом и, объехав Соню, пошагала дальше.

Судя по всему, Лика попала в «Цветочный рай» примерно таким же способом. Но откуда у нее ключи?

Когда только начала работать в «стекляшке», Соня сделала запасные для Дениса. Иногда он заезжал проверить цветы или забрать горшки с дохлятиной, чтобы она могла выходить их дома.

Выходит, Лика украла у Дениса ключи от магазина?

Или не украла? Денис сам отдал.

Зачем?

Что Лике вообще было нужно в цветочном магазине? Воровать, кроме плюшевых зайцев, там нечего. Наличность искать тоже бесполезно. Все расчеты давно шли через электронную кассу.

Мысленно осмотрев магазин, Соня убедилась, что никто ничего внутри не трогал. Она бы заметила.

Тогда что эта Лика здесь делала?

От кого-то пряталась? И почему именно здесь? Неужели других вариантов не было?

Или не осталось?

Тогда, выходит, спасалась Лика от очень большой опасности. Возможно, смертельной. Вот только смерть поджидала ее совсем не там, где она думала.

А что, если пряталась она от Дениса? Вряд ли он стал бы искать ее в магазине бывшей жены. Ход, в самом деле, нетривиальный, но зачем прятаться от Дениса?

В тот момент, когда в голове возник этот вопрос, Соня как раз переходила дорогу, и если бы водитель «Тойоты» был менее вежлив, она наверняка угодила бы под колеса.

Благодарно кивнув парню с железной выдержкой, столь редкой на наших дорогах, Соня перебралась на другую сторону улицы и, окончательно обессилев, села на скамейку внутри стеклянной будки остановки.

Рядом сразу пристроилась старушка с сумками и, поинтересовавшись, давно ли был сорок седьмой, затихла в ожидании.

Вопросов, конечно, много, и можно задавать их себе целую вечность, но ответы на них можно получить лишь у одного человека — самого Дениса.

Подошел сорок седьмой. Соня со старушкой дружно поднялись и направились в разные сто-

роны: старушка к автобусу, а Соня — к Сашке Замашкину, школьному другу Дениса.

О том, что Денис со своей новой женой поселились у Замашкина, Соня узнала совершенно случайно: пока Денис собирал вещи, позвонил Сашка, и она, стоявшая за дверью в надежде, что любимый передумает уходить, услышала их разговор.

Зачем она вообще пыталась удержать мужа? Глупо и унизительно.

Дома у Сашки она бывала несколько раз, поэтому шагала уверенно, не оглядываясь по сторонам.

Честно говоря, она хотела пойти к Замашкину на следующий же день после ухода Дениса, но побоялась встречи с Ликой. Устраивать скандал любовнице — это вообще не ее. Одно дело хвататься за мужа, и совсем другое — вцепиться в крашеные волосы этой побрякушки. Стыда гораздо больше.

«А ведь хорошо, что не стала скандалить, — неожиданно подумала Соня. — Иначе наверняка на теле Лики остались бы следы. Доказывай потом, что к ее смерти ты не имеешь никакого отношения».

Эта прагматичная мысль напомнила ей, что

разговор с Денисом необходимо спланировать. Напрямую спрашивать ни в коем случае нельзя. Ему вообще не стоит знать, что она видела труп его любовницы.

Соня пошла медленней, а у самого Сашкиного дома вообще затормозила.

Что она скажет Денису? Что скажет Денис?

А что, если вообще не захочет ее впускать?

Тяжело вздохнув, Соня немного потопталась перед подъездом и все же нажала на кнопку домофона.

Денис открыл, не спросив «кто», и Соня поняла: он ждал чьего-то прихода.

Скорей всего, возвращения Лики.

Это она поняла по его лицу, когда Денис открыл дверь.

— Извини за внеплановый визит, — заторопилась Соня. — Я за ключом.

— Каким еще ключом? — наморщил лоб Денис.

— От моего магазина. Теперь он тебе не нужен.

— Аааа… Да. Входи.

Его голос звучал то ли рассеянно, то ли расстроенно, но как-то так, что Соня насторожилась.

Знает или нет?

— Да я, собственно, только ключ забрать, — са-

мым что ни на есть небрежным тоном заговорила она, заходя в прихожую.

— Все равно искать надо. Не помню, куда положил. А я точно его забирал из нашей… из твоей квартиры?

— Точно.

— Тогда подождать придется.

Денис отправился искать и искал достаточно долго, чтобы она поняла: он не давал ключа Лике.

— Может, твоя девушка куда-нибудь убрала? Можешь спросить? — громко сказала Соня и замерла в ожидании ответа.

Денис не ответил и не вышел к ней.

— Позвони ей.

Молчание было слишком долгим.

— Денис! Ты чего?

Он внезапно возник у нее перед глазами.

— Ты чего? — повторила Соня, вглядываясь в знакомые черты.

Вид у него в самом деле был невеселый.

— Я не знаю, где Лика, — почти беззвучно произнес Денис, избегая ее взгляда.

— В смысле, не знаешь? — удивилась Соня.

— Ну… Мы поссорились сразу после переезда. Она ушла. Телефон выключила. Не знаю, когда

вернется. Если тебе не срочно, то я позвоню, когда ключи найдутся.

Рассказывать брошенной жене про ссору с любовницей, это… как-то… неестественно. Если только он не обеспокоен настолько, что ему уже наплевать.

— Такого, что, раньше не случалось? Ну, в смысле, она не исчезала надолго?

Денис не удивился вопросу и не заметил напряжения в ее голосе. Молча покачал головой.

«Обо мне он так не волновался», — подумала Соня, почувствовав, как обида сжала грудь и в боку что-то кольнуло.

«Нашла время, чтобы ревновать», — тут же одернула она себя.

— Ты пробовал ее искать? У подруг, например.

— Она, скорей всего, у Стасика Панина, — сквозь зубы процедил Денис.

Соня чуть не подпрыгнула.

— У Стасика? Это ее бывший, что ли?

— Нет, одногруппник. Вместе в универе учатся.

— Просто учатся?

— У них дружба вроде как с детского сада. Он помогает с учебой.

Их разговор был до невозможности странным, но Денис, кажется, этого не замечал.

Неужели он в самом деле любит Лику?

— Сложно учиться?

— Программирование все же.

— Она учится на айтишника?

— Да. Они все какие-то проекты вместе делают. Мы из-за этого и поругались. Я хотел скорее вещи разобрать, а она к нему собралась. Вернее, не к нему, а к зачету готовиться.

Соня смотрела на мужа во все глаза. Он что, действительно верит, что Лика с этим Стасиком готовились к зачету, делали проекты и все такое?

Не замечала за ним такой наивности.

— Ты знаешь, где он живет?

— Знаю. В частном доме на окраине.

— Так съезди туда.

— Не поеду. И звонить ему не буду. Если я ей нужен, вернется сама.

«Не вернется», — чуть было не сказала Соня.

Не сказала. Хотя почувствовала себя полной скотиной.

Она видела, что Денис страдает по-настоящему, но сообщить о смерти Лики была не готова.

Просто не знала, как это сделать после устроенного ею допроса.

И потом. Неизвестно, как Денис себя поведет.

Может и убить сгоряча. Тогда будет уже два трупа, а Дениса надолго упекут в тюрягу.

Соне стало так страшно, что по спине потек пот.

— А хочешь, я к нему схожу? — выдала она.

— Зачем?

— Просто посмотрю, там ли Лика.

Денис вдруг словно очнулся и взглянул подозрительно.

— Слушай, Сонь, я все понимаю. Я подлец и все такое, но если ты собираешься что-то сделать Лике…

— Да ничего я не собираюсь ей делать!

— Тогда с чего такая забота?

— Просто жалко тебя. По-человечески.

— Думаешь, я поверю в эту фигню? Что ты задумала?

— Да с чего ты взял?

— Слушай, иди отсюда, по-хорошему прошу. Найдутся ключи, привезу тебе на работу. Через охранника передам.

— Денис, послушай…

— Все. Топай.

Лицо у него при этом сделалось такое, что Соня попятилась, и перед самым ее носом с каким-то жутким визгом захлопнулась дверь.

Несколько мгновений она решала, позвонить ли снова, а потом повернулась и побежала вниз по лестнице, перескакивая через ступеньки.

Мысли лихорадочно бежали и скакали вместе с ней.

Денис ни при чем, и Лика спасалась не от него.

Тогда от кого?

Как это выяснить?

Сколько у нее времени? Если холодильник заработает в ближайшее время, труп перестанет вонять. Но ненадолго. А если нет? Может, явиться в магазин, сказать всем, что делает это впервые после аварии, позвать с собой охранника, якобы для того, чтобы отодвинуть лестницу для уборки, обнаружить труп при свидетелях и этим обезопасить себя от подозрений? Ой, мамочка, типа! Кто это? Откуда это?

Все вроде неплохо, но уже через сутки выяснится, что убитая ей знакома, а там и до подозрений дойдет.

Может, не стоило приходить к Денису? Или, наоборот, была бы она убийцей, не стала бы так поступать?

Да черт его знает, как поступил бы убийца!

Наконец она остановилась и взглянула на экран сотового.

Почти десять вечера. В любом случае ничего выяснить и придумать уже не получится.

Да и не придумывается ничего.

Придется отправляться домой и ждать. Вдруг утром на свежую голову нагрянут свежие мысли.

Тузик выскочил ей навстречу с мячиком в зубах.

— Если бы ты только знал, как я устала, Туз, — взмолилась Соня.

Тузик повилял хвостом и замер в ожидании.

— Ну ладно, пошли, что ли.

На пустыре за домом Соня выпустила Тузика побегать, а сама села на обрубок старого гнилого дерева.

Все мысли, бушевавшие в ее голове в течение дня, вдруг куда-то делись. Вместо них появилось какое-то странное отупение.

Не хотелось ничего. Даже жить.

Вот скажи сейчас кто-нибудь: умри — она бы умерла без сожалений.

К реальности ее вернул нагулявшийся Тузик. Подошел и гавкнул. Ну, погуляли, теперь можно и поесть — вот что означал его гавк.

Вместе с собакой они добрались до дома, кое-как справились с собачьим кормом, а потом Соня легла на диван, накрылась старым пледом и

уснула как убитая.

Утром мысли заметались в голове с новой силой, но были настолько лихорадочными и путаными, что заболела голова.

Пришлось принять таблетку и выпить две чашки крепкого кофе.

Только после этого да еще контрастного душа она вдруг поняла, куда отправится.

Не в полицию, разумеется.

Факультет, где готовили айтишников, находился в центре города, поэтому добраться до него можно было практически на любом автобусе. Все шли мимо.

Войдя внутрь, она спросила на посту охраны, как найти Стаса Панина, получила смутные рекомендации и попросила показать кого-нибудь с этого потока.

Охранник только плечами пожал.

Мимо как раз проходила девчонка.

— Можно вас на минутку, — сунулась к ней Соня.

Девчонка вынула из уха наушник и окинула Соню равнодушным взглядом.

— Привет. Чего тебе?

— Я ищу Стаса Панина. Знаешь его?

— Ну в принципе знаю. Пересекались. На па-

раллельном потоке учится.

— Не видела, он здесь?

— Был с утра, но буквально через полчаса смылся. Наверное, с Ликой. Та вообще уже три дня как на учебу забила. Налетит на пересдачу, потом бегать запарится.

Соня даже не поверила своей неожиданной удаче.

— Ты и Лику знаешь?

— Ага. Вместе в клуб ходим.

— А где они могут быть?

Девчонка смерила Соню подозрительным взглядом.

— А тебе зачем?

— Да понимаешь, дело к ней важное, а дозвониться не могу.

— Если не у него дома, то в гараже.

— У него дома я была, а в гараже ни разу.

— Ну, значит, не надо тебе туда.

Соня сделала жалостливое лицо.

— Слушай, если бы не срочность, я бы приставать не стала.

— Да я и сама точно не знаю. Вроде Лика как-то вскользь сказала, что где-то на Речной. Типа в кооперативе. Точнее не скажу.

Ну что ж. Речная так Речная. Только ехать при-

дется через весь город.

Вся улица Речная состояла из старого деревянного дома, за которым начиналась длинная вереница гаражей. Иных кооперативов в округе не наблюдалось, как и другого жилья. Вокруг только пустырь, за которым виднелись заборы промзоны.

— Ну и какой из них Стаса? — вслух поинтересовалась Соня и тут же услышала за спиной:

— Вы кого ищете, девушка?

Обернувшись, она увидела крепкого дедка с автомобильной шиной в руках.

— Стаса Панина. Не подскажете?

— А какой он из себя?

Соня пожала плечами.

— Ну, такой… молодой.

Подумала и добавила наудачу:

— На айтишника учится.

— Малахольный? Это на третьей линии. Прямо до конца и налево. Третий с конца в правом ряду.

Поблагодарив, Соня пошла в указанном направлении, ощущая на себе взгляд дедка.

Наверняка запомнил. А что если этот Стас с Ликой каким-нибудь криминалом занимаются?

Ну и черт с ним! Теперь все равно.

Гараж был закрыт, но явно изнутри. Соня уже собралась постучать, как вдруг в голову пришла мысль, что она, возможно, заявилась в гости как раз к тому, от кого пыталась спастись Лика. А если он к тому же не один? Кто их знает, чем они там занимаются. Вдруг за дверью человек пять дюжих мужиков. Что она скажет? Если, вообще, успеет что-то сказать.

«Уходи немедленно», — шепнул кто-то внутри.

Она уже сделала шаг назад, как вдруг дверь, заскрипев, приоткрылась, и на белый свет вылезло нечто тощее, бледное и в очках.

— Ой, простите, — сказала Соня, отступая еще на шаг.

— Тебе чего? — испуганно спросило существо, щурясь на свет.

— Ты Панин? — строго спросила она.

Существо испугалось еще больше и отступило в тень гаража, собираясь захлопнуть дверь.

Соня просунула ногу в щель.

— Не бойся. Я подруга… Дениса. Он просил разыскать Лику.

Сказала и уставилась на тощего, пытаясь отловить его реакцию.

Реакция была довольно вялая, если не сказать никакая.

— Да я сам ее уже три дня не видел. Думал, что она со своим новым. С Денисом то есть.

Так. Уже легче. Этот на вражину похож еще меньше, чем Денис.

— Слушай, Стас, я пока до тебя добиралась, чуть не сдохла от жары. Вода есть? Дашь?

— Погоди. Вынесу.

То, что Панин решил смыться, Соня сообразила в одну секунду, и не успел он шмыгнуть в гараж, рванувшись, пролезла следом.

— Да ты что! Куда лезешь! — заорал Стас, пытаясь выдавить ее.

— Куда надо! — крикнула Соня и пихнула тощего Панина так, что тот отлетел к стене и приземлился на валяющиеся пустые пластиковые бутылки.

Пока он не успел очухаться, Соня пробежала в глубь гаража и заговорила оттуда примиряющим тоном:

— Не бойся, Стас. Я ничего тебе не сделаю и ничего никому не скажу. Я своя.

— Что значит своя? — даже не пытаясь подняться, спросил Панин.

— В смысле, что я знаю, что вы с Ликой вместе… ну, ты понял. Потому и пришла.

Стас, кряхтя, все-таки выбрался из кучи пласти-

ка и сел на стул.

— А при чем тут Денис? Он вообще не в курсе.

— Про Дениса я просто так сказала. Чтобы ты поверил, что я не из органов.

— А ты не из органов?

— Точно нет. Правда.

— Тогда чего тебе надо?

— Лику ищу.

— Три дня дозвониться не могу, сказал же. Думал, ей Денис запретил.

— Он же не в курсе.

— Ну да, точно.

— А кто в курсе?

Стас заморгал белесыми ресничками и посмотрел недоуменно.

— Чего моргаешь? — разозлилась Соня. — Вопрос не расслышал? Кто знает о вашем с Ликой бизнесе?

— Ни… ни…кто.

— Да ну? А что я тогда тут делаю?

— Лику ищешь.

— Хватит придуриваться, Стас! Говори, кто знает о вас? От кого убегала Лика?

— Убегала?

— Ее преследовали, она убегала. Спряталась в одном не очень подходящем месте, напилась там

отравы и умерла.

Если бы на голову Панина упал кирпич, он выглядел бы менее пришибленным. Его физиономия из бледной стала синюшной, покатились капли пота, челюсть некрасиво отвисла, сделав его похожим на овцу.

Соня наблюдала за метаморфозами с садистским спокойствием, понимая: чем сильнее шок, тем быстрее все выяснится.

— Так что? Говорить будешь?

— Что говорить? — проблеял Стас, без сил опускаясь обратно на бетонный пол.

— Рассказывай, что вы с Ликой учудили.

— Да ничего мы… Мы же только своим звонили… Голоса они узнать не могли… Не всем тем более. Из нашей группы только троим, у которых родаки богатые… Все переводилось на надежный счет в Башкирии… Наличку не снимали… снимали то есть, только в других городах…

Сначала она ровным счетом ничего не понимала.

Но в какой-то момент в голове вдруг что-то щелкнуло.

— Вы организовали подпольный колл-центр?

Стас замер, уставившись на Соню остекленевшими точками глаз. Пот все катился по

прыщавому лицу.

Соне стало его жалко. Кажется, этот малахольный даже не догадывался, насколько опасным бизнесом они занимаются.

А вроде не должен дураком быть.

— Технической частью ты занимаешься?

Панин кивнул.

— А что Лика делала?

— Она клиентуру собирала. Фото делала, ну… чтобы свежие.

— То есть вы обирали своих товарищей и их родителей. И не боялись? Бизнес-то стремный.

— До сих пор нас никто не трогал.

— Тебе не кажется, что так думать наивно.

Стас передернул узкими плечиками.

— Думаешь, мы идиоты? Конечно, страшно поначалу было, но мы уже год, и ничего.

«Не идиоты, говоришь? Самые что ни на есть».

— Сколько веревочке ни виться, а кончику быть. Не слышал такую народную мудрость?

— Нас не могли вычислить, — упрямо повторил Панин. — Я придумал все так, чтобы…

— Вас вычислили, Стас, — жестко прервала его Соня. — Вычислили не место, а человека. И мне почему-то кажется, что Лика что-то такое подозревала. Поэтому присмотрела для себя местечко,

где можно отсидеться. Взяла у Дениса ключи. Думаю, что сделала она это заранее. А когда запахло жареным, спряталась там. Надеялась отскочить, что ли? Глупая.

— А откуда отрава?

— Магазин закрылся по техническим причинам. Температура в холодильнике поднялась до тридцати. Ее мучила жажда, а выходить она боялась. Выпила из кувшина, в котором была подкормка для растений. Когда ее стало рвать, решила вылезти, но сил не хватило отодвинуть лестницу.

— Это был твой магазин? — догадался Стас.

— Ты лучше спроси, почему она тебе ничего не сказала, если поняла, что на вас началась охота?

— Лика ни о чем не догадывалась! — пылко воскликнул Панин.

Очки чуть не свалились с прыщавого носа.

— Тогда зачем она запаслась ключами?

— Да черт его знает, — уже не так уверенно отозвался Стас.

— Ты не просто наивный. Ты кретин. Твоя Лика решила спасаться в одиночку, вот и все. Беспокоиться о тебе она и не собиралась.

Стас бурно задышал, но через мгновение махнул рукой.

— Да нет, это для нее не вариант. Я — мозговой центр, Лика просто на подхвате. Все, что нужно, я мог узнать сам. Персданные — фигня. Голос все равно искусственный интеллект моделирует. Лика так, для массовости. Без меня она — полный ноль!

Соня так рассердилась, что чуть не врезала этому придурку по его самодовольной физиономии.

Пока он тут изображает технического гения, охота продолжается, и даже несложно понять, кто именно за ними охотится. Не один Панин шарит в таких делах. Есть ребята и покруче. Наверняка папаша одной из жертв колл-центра. Лику они из виду потеряли, значит, занялись Паниным.

Соня вдруг поняла, что надо торопиться.

— Послушай, Стас. Смерь Лики — случайность, но опасность была реальной, и она никуда не делась. Или ты в самом деле думаешь, что твой гараж не найдут? Прошло трое суток после того, как исчезла Лика. Они сейчас рвут и мечут.

Очки все-таки свалились с носа Панина, он не заметил и сделал шаг вперед. Раздался характерный хруст.

— Ты считаешь, за мной уже идут? — помертвевшим голосом произнес он, даже не взглянув под ноги.

— Не знаю, но думаю, что времени у тебя мало. Закрывай свою лавочку и срочно уезжай из города. Затаись.

Стас смотрел на нее остекленевшими глазами и не говорил ни слова.

— Стас! — окликнула его Соня, опасаясь, что у парня начнется истерика.

Он наконец заметил, что на носу больше нет очков, и стал оглядываться.

— Вон они. На полу, — подсказала Соня. — Ты вообще меня слышал? Тебе валить отсюда надо!

— Я не могу, — выдавил Панин, собирая останки очков. — У меня в подвале оборудование. Сразу все не вынести.

— Ты дурак? Какое оборудование? Тебе шкуру свою надо спасать!

Выпрямившись, Панин засунул осколки себе в карман.

— Сначала вынесу оборудование. Потом уеду к бабушке в Казань.

Соне вдруг стало страшно за этого малолетнего идиота.

— А если они найдут тебя раньше? Да что они! Слышал такое слово — ФСБ. Там тоже не дураки сидят. Наверняка кто-то из ваших жертв накатал заявление.

— Мы уже давно работаем и ни разу не прокололись.

Она была поражена упрямством Стаса.

Конечно, она слышала, что продвинутость в одной сфере вовсе не означает отсутствие непроходимой тупости в другой. Стасу явно недостает способности трезво оценивать реальность. О моральном уродстве и говорить не приходится. Разводить на деньги таких же, как они, студентов — это ж кем надо быть!

Воспитывать его она не собирается, но попробовать спасти должна.

— Послушай тетю, Стасик. Твое оборудование не стоит твоей жизни. Говорю тебе: вали отсюда!

Стас кивнул, но по его лицу было видно: увещевания и уговоры напрасны.

С минуту Соня молча всматривалась в ставшее непроницаемым лицо Стаса, а потом махнула рукой.

— Делай, как знаешь. Я ухожу. Запрись и никому не открывай. Если что, вызывай полицию. Это лучше, чем попасть в лапы разъяренных… не знаю, кого.

Стас снова кивнул и бросил взгляд на часы.

Ну и черт с тобой!

Соня вышла за дверь и прислушалась. Замок

щелкнул.

Ну хоть так.

Честно говоря, она надеялась, что Стас все же не такой дурак и сможет себя обезопасить. По пути она даже оглянулась несколько раз. Вдруг он бежит следом.

Но позади никого не было.

Когда она уже выходила из ворот гаражного кооператива, снова увидела давешнего дедка. Стоя спиной к ней, он что-то объяснял двум мужикам и махал в ту же сторону, откуда шла она.

Соня прошла метров сто или чуть больше, как вдруг ужасная мысль заставила ее развернуться и сломя голову помчаться обратно.

Влетев в ворота, она стала искать глазами дедка-охранника, но того и след простыл. Она было бросилась к гаражу Стаса, но вдруг замерла и беспомощно огляделась. Вокруг по-прежнему не было ни души.

Наверное, будь у нее возможность хорошенько подумать, инстинкт самосохранения подсказал бы, что надо немедленно бежать прочь, но у нее не было ни секунды. Во всяком случае, так она ощущала происходящее.

Нет, она не побежала к гаражу Панина тем же путем, она двинулась параллельно между

такими же гаражами и лишь в самом конце, за последним гаражом свернула на третью линию.

Ей хватило ума затаиться за углом и осторожно выглянуть.

Увиденное буквально приморозило ее к разогретому кирпичному боку гаража.

Те два мужика, что говорили с охранником, вышли из гаража Панина и, оглядевшись, неторопливо двинулись к выходу.

Отпрянув, Соня несколько минут стояла, стараясь унять дрожь в коленках, а потом выглянула снова и, убедившись, что проход между гаражами третьей линии пуст, на плохо гнущихся ногах пошла к панинскому боксу.

Стаса в гараже не было. Соня подошла к открытому люку подвала и заглянула внутрь.

Стас лежал внизу, и сразу стало ясно, что тело просто сбросили сверху.

Уже мертвое тело.

Вокруг валялись части раскуроченного оборудования.

Господи, что она наделала! Почему не вытащила этого дурачка за шкирку и не утащила с собой?

Нет, не так!

Почему она не позвонила в полицию сразу, как

обнаружила труп Лики?

Почему? Почему?

Это она виновата в смерти Стаса.

Она могла его спасти и не спасла.

Стоя над ямой, Соня достала из кармана мобильник и набрала номер полиции.

Старший лейтенант Березин только что выпил очередную кружку очень сладкого кофе и пребывал в блаженном расположении духа.

День обещал быть спокойным. Накануне он закрыл очень трудное дело и с утра уже получил одобрение начальства в виде похлопывания по плечу. Неплохо было бы к похлопыванию добавить несколько тысяч премии, но у такого начальства, как у них, и снега зимой выпросить практически невозможно, что уж говорить о деньгах.

Оглянувшись на чайник, в котором еще оставалось достаточно воды, Березин было решил налить себе еще кружечку, как вдруг на рабочем телефоне загорелась лампочка, означавшая, что сейчас раздастся звонок.

— Отдел полиции. Слушаю, — произнес, подняв трубку, Березин и вдруг почувствовал, что сейчас услышит что-то важное.

— Один человек умер, а другого убили, — раз-

дался в трубке дрожащий голос.

— Что? — подскочил на стуле Березин.

— Приезжайте в гаражи на Речной. Пожалуйста.

Старший лейтенант даже не понял, женский или мальчишеский голос у звонившего. Настолько сиплым и тихим он был.

— Попил кофейку? — ехидно осведомился Крикунов.

— Не очень-то веселись, — поднимаясь со стула, ответил Березин. — Со мной поедешь. Там целых два трупа.

Когда к гаражам прибыла опергруппа в полном составе, то есть с криминалистом и другими узкими специалистами, Березин усадил почти невменяемую Соню в машину и повез в магазин, куда еще раньше тоже выехали оперативники. По дороге ему сообщили, что Стас Панин хоть и плох, но жив. Соня даже заплакала от счастья.

— Все равно парню срок светит, и немалый, — заметил старший лейтенант.

— Пусть. Главное, что живой, — утирая слезы, прошептала Соня.

Березин поглядел на нее и ничего не сказал.

Труп Лики уже увезли, но запах все еще стоял в душном помещении.

— Проветрить можно? — спросил у Сони Березин.

— Только когда кондиционер заработает.

— Да, славно тут у вас в магазине, — скривился Березин, расстегивая пуговицу на рубашке.

— Цветочный рай.

Березин взглянул недоуменно. Соня уточнила:

— Так магазин называется.

— Понятно, — ответил Березин, попутно отметив, что свидетельница ему попалась очень красивая, хоть и бледная.

Впрочем, то, что только свидетельница, еще требуется доказать.

— Надо ехать в отдел. Я должен снять с вас показания.

Кивнув, Соня молча пошла к выходу.

Соображала она очень плохо. Ей даже казалось, что она вообще ничего не сможет рассказать связно, но как только старший лейтенант усадил ее на стул и включил диктофон, что-то изменилось. Словно в голове повернули какой-то рычаг, и слова хлынули потоком.

Она рассказала все с самого начала, то есть с того, как однажды утром законный муж объявил, что уходит от нее к молоденькой — на шесть лет моложе ее — девушке.

Старший лейтенант слушал, не перебивая, и что-то отмечал в блокноте.

На Соню смотрел так, словно сочувствует и понимает. Ей сразу же вспомнилась байка про злого и доброго полицейского.

Если этот добрый, то, значит, будет и злой.

Она даже оглянулась в поиске того, второго, но в кабинете они были вдвоем.

Понемногу Соня успокоилась, и когда старший лейтенант спросил, разглядела ли она тех двоих, что приходили к Панину, закрыла глаза и честно попыталась восстановить картину, увиденную в гаражном кооперативе.

Сначала перед ней предстала спина охранника и только через какое-то время перед мысленным взором всплыли лица тех мужчин.

— Один высокий, рыжие волосы, широкое лицо, красное и потное. Нос короткий, глаз под нависшими веками почти не видно, брови кустистые, почти белые, из одежды футболка черная, джинсы обычные, синие. Второй пониже, черноволосый и нерусский, но на таджика не похож. Лицо узкое и какое-то корявое, наверное, следы от прыщей остались. Одет во все черное, только не в джинсы, а в штаны спортивные.

Соня открыла глаза и сказала удивленно:

— Надо же. Мне казалось, я их не разглядела, а получается, что отлично разглядела.

— Фоторобот составить поможете?

— Наверное, да.

Вместе они пошли в комнату, где пожилой мужчина, усадив ее рядом с собой, стал из нарисованных бровей, глаз и носов составлять человеческое лицо.

Получилось даже что-то похожее.

Потом за ней пришел Березин и снова стал что-то спрашивать, переспрашивать и уточнять.

Она все ждала, когда он сообщит ей, что она задержана до выяснения всех обстоятельств дела, но старший лейтенант сказал совершенно другое:

— Уже поздно. Вас отвезут домой.

Соня, приготовившаяся к путешествию в камеру, обрадовалась так, что из глаз неожиданно в разные стороны брызнули слезы.

— Простите, — пролепетала она, судорожно роясь в сумочке в поисках салфетки, — простите меня. Я думала, что меня арестуют как главного подозреваемого в убийстве любовницы моего мужа.

Березин, которому почему-то стало ужасно ее жалко, сделал суровое лицо.

— Для задержания нет оснований, но на завтра я вызову вас повесткой.

— Спасибо.

— Тогда пойдемте, я договорюсь с машиной.

Шмыгая носом, она поплелась за старшим лейтенантом и, выйдя на улицу, заметила, что совсем стемнело. Поглядела на часы и удивилась тому, что пробыла в полиции больше четырех часов.

Соня думала, что ее повезут на служебной, с надписью «Полиция», но старший лейтенант повел ее в сторону, где стоял «УАЗ-Патриот» без всяких опознавательных признаков.

— Это ваша?

— Моя. Садитесь.

Обессиленная всем, что случилось за день, Соня молчала всю дорогу.

Старший лейтенант — тоже, и за это она была ему благодарна.

К самому подъезду подъехать не получилось, и он высадил ее на углу дома.

— До завтра.

— До свидания.

Их голоса звучали одинаково устало.

Подождав, когда она зайдет в подъезд, Березин развернулся и поехал прочь, решая, заезжать в отдел или отправиться домой.

На выезде из двора он притормозил, пропуская двух мужчин, переходивших дорогу, включил поворотник, свернул, набрал скорость и перестроился в крайний левый.

Не поедет он в отдел. Хватит на сегодня служебного рвения.

Уже на крейсерской скорости Березин проехал целый квартал, как вдруг, не глядя в зеркала заднего вида, развернулся на сто восемьдесят и нажал на газ.

Он слышал визг тормозов ехавших сзади автомобилей, но даже не оглянулся.

Это были они! Они! Те двое, что описала свидетельница!

Широкомордый и узколицый, высокий и низкий, в черных футболках.

Они!

Вычислили и направились к ней домой, чтобы убить.

Через две полосы Березин свернул во двор, резко затормозил перед разрытой коммунальщиками траншеей, выскочил и рванул к подъезду, на ходу соображая, как попасть внутрь.

Наверное, он вышиб бы железную дверь, если бы никто не открыл, но, уже набирая номер случайной квартиры, услышал короткий вскрик,

донесшийся откуда-то слева. По наитию он понял, куда надо бежать, и понесся так, как, казалось, не бегал еще никогда.

За домом начинался небольшой пустырь, заросший сорняком и мелкими деревцами.

Сначала он увидел собаку, вцепившуюся в ногу невысокого и черноволосого. Тот пытался скинуть пса. Оба рычали. Второй, здоровый и высокий, за ноги тащил в кусты свидетельницу, которая, как видно, была без сознания.

Все это Березин увидел за долю секунды.

Обогнув узколицего, на которого насел пес, он бросился к тому, что волок девушку, и коротким ударом отбросил его назад.

Пес все висел на ноге своего противника, и Березин, решив, что собака справится, занялся рослым, который, очухавшись, поднялся и достал нож.

Оружия у старшего лейтенанта не было, но выбирать не приходилось.

С немалым трудом Березину все же удалось завалить преступника, но когда до окончательной победы оставалось совсем чуть-чуть, он вдруг понял, что начинает терять сознание. По лицу неизвестно откуда вдруг потекло что-то теплое, и Березин понял, что это кровь.

«Убили, жаль», — успел подумать он, и все закончилось.

Очнулся он от того, что на него навалилось что-то очень тяжелое. Грудная клетка просто лопнуть была готова под непосильным грузом.

— Ххррр, — удалось ему выдавить.

Березин попытался понять, что за туша на нем лежит, и чуть снова не отключился из-за нахлынувшей дурноты и головокружения.

Усилием воли он все же удержал ускользающее сознание, попытался издать какой-нибудь членораздельный звук и услышал:

— Сейчас, сейчас, товарищ старший лейтенант. Я его сковырну.

Лежавшая на нем громадина подалась в сторону, и дышать стало легче.

Пытаясь сообразить, чей голос он слышал, Березин поднялся на локтях, замычал и все-таки отрубился.

На этот раз в чувство его привел противный шершавый язык, лизавший лицо.

— Фу, Тузик, — произнес тот же голос, и Березин открыл глаза.

Прямо перед ним скалилась собачья морда.

— Привет, Тузик, — просипел Березин.

— Не вставай только, — снова произнес кто-то

над головой, и в поле его зрения вплыло испуганное лицо давешней свидетельницы.

«Ее зовут София», — вспомнил Березин и все-таки приподнялся.

— Не надо! Лежи смирно. У тебя вся голова в крови. Шея и лицо.

— Сам знаю. Где широкомордый?

— Вон валяется, — мотнув головой, ответила София.

Березин скосил глаза. Точно, валяется.

— Чем ты его?

— Кирпичом.

— Чем?

— Половинкой.

— Он живой хоть?

— Не знаю. Боюсь подходить. Но, кажется, живой. Нога дергается.

— А второй?

— Сбежал. Но его Тузик здорово покусал. Далеко не убежит.

— Надо вызвать…

— Вызвала уже. Сказали: едут.

Березин осторожно уложил голову на прежнее место. Боль не стихла, но перестало стучать в затылке.

— А как ты здесь оказалась? Тебе же дома надо

было сидеть.

— С Тузиком пришлось пойти. Он и так целый день прождал. Измучился, бедный.

Ему стало интересно.

— А почему Тузик?

— Ну как почему? Потому.

Если бы мог, он рассмеялся. Получилось только улыбнуться.

Послышался вой сирены, и через минуту на пустырь вбежали ребята.

— Черт! Березин! — послышался голос начальника. — Ты чего тут прохлаждаешься?

— Культурно отдыхаю с красивой девушкой, товарищ майор, — просипел старший лейтенант.

На этоn раз Соню долго держать не стали. Она уже вовсю клевала носом и мало что соображала. Конечно, до нее дошло, что те двое приняли ее за Лику. Немудрено перепутать. Рост, фигура, цвет волос у них с Ликой одинаковые. Обе блондинки. Команда поступила разобраться с парнем и девкой, вот они и пришли закончить начатое.

— Покусанного уже взяли. Теперь заказчика будем брать. Непростой мужичок, конечно. Дураки они, что ли, этот Панин с девчонкой, бандитов на деньги разводить. Пусть даже через сыночка.

Соня кивала, пожимала плечами, но делала все

словно на автомате.

Наконец майор сжалился и отпустил бедолагу домой.

Человек по фамилии Крикунов отвез ее домой, проводил до двери в квартиру и ушел лишь после того, как она крикнула, что все в порядке.

Соне казалось, что заснет она через секунду, но вместо этого всю ночь ворочалась, перебирая в голове случившееся за три дня.

Выводы были неутешительными. Она дура, и еще какая. И если ее в конце концов посадят, то правильно сделают.

Забылась она только к утру, но выспаться не удалось.

В шесть утра позвонил Ашот Керимович.

— Вставай! — объявил он деловитым тоном. — Свет дали. Магазин надо открыть в десять.

Соня хотела сказать, что она не в состоянии даже думать о том, чтобы вернуться в «Цветочный рай», но произнесла совершенно другое:

— Простите, Ашот Керимович.

— Да ладно. Не кайся. В полиции сказали, что ты помогла серьезное преступление раскрыть и жизнь сотруднику правоохранительных органов спасла.

— Я? Раскрыть?

— Ну да. Так что штрафовать тебя за потерю товара не буду. Радуйся.

— Я радуюсь.

— Ну так давай, беги на работу.

Хотя магазин открыли только после обеда, покупатели пошли косяком, и Соня успела устать по-настоящему.

До закрытия она уже считала минуты. Так хотелось спать. Просто ужасно!

Без пяти десять зашел последний покупатель.

— Добрый вечер, София.

Она оглянулась, и сердце провалилось в желудок.

Значит, все-таки ее арестуют.

Спасибо, хоть один пришел. Без сопровождения. Только бы без наручников обошлось.

— Здравствуйте, старший лейтенант Березин.

— Меня вообще-то Толик зовут. И мы, кажется, вчера на «ты» перешли.

Соня посмотрела с подозрением. Это у них заход такой?

— Ты какие цветы любишь?

— В горшках которые, — растерянно ответила Соня. — А что с головой?

— Да ничего страшного, — с энтузиазмом стал врать сбежавший из госпиталя Березин. — Нож

по касательной прошел. Полоснул только. Заштопали и сказали, что к строевой годен.

— Быстро это у вас.

— У нас да, быстро. Так почему в горшках? Только не говори «потому».

— Потому что в горшках живые.

— Ладно. Тогда давай в горшке. Какой самый красивый?

— Азалию возьми. Вот эту, с алыми цветами.

— Пробивай и держи. Это тебе.

Соня взяла тяжеленький горшок.

— Может, прогуляемся? — почесав затылок, предложил Березин. — Погода хорошая. По пути расскажу, чем закончилось дело.

— Ну и куда я пойду с горшком?

— Вот я и говорю: с горшком домой надо идти. У тебя кофе настоящий есть?

— Есть, — растерянно ответила она.

— Тогда тортик за мной.

Галина Романова
«Загадка белой орхидеи»

Глава 1

— Что у тебя на плече, дорогая? — Не по моде тонко выщипанные брови соседки Аллы поднялись над глазами коромыслами. — Татуировка?

— Цветок, — отреагировала на ее изумление улыбкой Вероника.

— Какой цветок?! Господи! С ума все посходили! Видела бы тебя сейчас твоя покойная мать! — чуть презрительно возмутилась Алла. — Что бы она сказала?

— А что бы она сказала?

Вероника рассеянно собирала вещи на работу — белая чистая майка, яркий передник, тонкие брючки. Ее смена сегодня была вечерней. И к возмущенной болтовне соседки Аллы она плохо прислушивалась.

Вообще-то возраст ее соседки давно перевалил «за». Когда уже по имени мало кто называет. И ей уместнее было бы отзываться на имя с отчеством. Ну, или на тетю Аллу. Или даже на бабу Аллу. Но соседка упорно требовала называть ее именно Аллой.

— Не хочу прибавлять себе этим возраста, — улыбалась она лукаво.

От улыбки кожа вокруг ее ярких карих глаз собиралась множеством морщинок, а бесцветные губы разъезжались неправильной линией. У Аллы в позапрошлом году случился микроинсульт, и улыбка стала кривобокой. Но никакое нездоровье не смогло убить в ней женщину. Аллочка скрупулезно следила за собой. Каждое летнее утро на улицу — свежее платье. Прическа. Перед выходом непременно макияж.

Это только к Веронике она могла позволить себе зайти ненакрашенной, со старинными папильотками в волосах и в любимом домашнем вельветовом костюме песочного цвета, истлевшем, кажется, еще в прошлом столетии.

Вообще-то Вероника ее очень любила. Они шефствовали друг над другом, как добрые подружки или даже сестры, пусть и с разницей в возрасте почти в полвека. Аллочка не позволила Веронике скатиться в депрессию после гибели матери. Поддерживала ее, даже с ложечки кормила, когда Вероника слегла от горя и не желала подниматься. Потом, после инсульта, уже Вероника кормила с ложечки Аллу, вытаскивая ее из последствий болезни.

Они любили друг друга, да. Но Аллочка иногда допускала, как вот теперь, заступ за границы

личного пространства Вероники.

— Твоя мать — мент со стажем, упокой, Господи, ее грешную душу, сравнила бы тебя с зэчкой! — Коромысла бровей не думали опускаться, настолько была возмущена Алла. — Уж она-то насмотрелась на всяких расписных! Ты бы еще перстень набила себе, как вор в законе.

— У женщин нет такого титула. — Вероника тоже кое-чего нахваталась от матери при ее жизни. — И у меня не тюремная татуировка, а произведение почти искусства. Это орхидея. Сделана мастером. Не соседкой по камере. В общем, Аллочка, отстань. Дело сделано.

— О Господи! Леди, как вы выражаетесь! — Соседка прикрыла глаза, но тут же подскочила к ней с телефоном: — Дай сфотографирую.

— Зачем?

Вероника попыталась отмахнуться, когда Аллочка стянула с ее плеча бретельку майки. Но безуспешно. Той удалось и майку удержать за бретельку, и фото сделать.

— Отлично, — заулыбалась она довольно, увеличивая фото в своем мобильном. — А салон какой?

— Тебе зачем? — огрызнулась Вероника, поправляя майку. — Тоже пойдешь тату делать?

— Возможно, — загадочно поиграла она бровями. — Плечи мои не так свежи и красивы, как у тебя, а вот на запястье можно что-то набить. А? Скажем, незабудку или ласточку, а? Как тебе, детка?

Деткой Алла называла ее, когда сильно сердилась. Могла начать нудить. И продолжаться это могло от получаса до трех часов. И Вероника обязана была слушать, потому что…

Потому что она любила эту старую перечницу. И не хотела ее обижать. Но сейчас и правда опаздывала.

Новое место работы в модном ресторане досталось ей слишком тяжело. Она прошла три собеседования. Ждала три недели ответа. Наконец ей позвонили и сказали, что она им подходит.

Вероника отработала уже две недели, получила щедрый аванс, ждала зарплаты и все время держала пальцы крестиком, когда ее хвалило руководство, чтобы не сглазили, чтобы не выгнали.

А в ресторане она работала старшим менеджером, отвечающим за контроль над всем сразу: контроль за кухней, официантами, обеденным залом, охраной. Работала по сменам. Первая смена была с шести утра до шести вечера. Вторая — с шести вечера до шести утра. Ресторан работал

круглосуточно.

Ее сменщица Клава Сойкина была очень дисциплинированной — никогда не опаздывала и не прогуливала. И часто оставалась даже после смены. Какие-то дела ее удерживали.

Клава была очень симпатичной — ее внешность соответствовала всем современным стандартам.

И еще она была очень доступной. Персонал шептался, что Клава регулярно посещает кабинеты генерального директора и его заместителя. А выходит оттуда, поправляя одежду и подкрашивая губы.

Самой Веронике никто непристойных предложений не делал. Вела себя она очень строго и в коллективе мгновенно стала называться недотрогой.

Все складывалось удачно. До недавнего времени. До позавчера.

А что случилось позавчера? А позавчера Клава Сойкина выступила с инициативой сделать всем девушкам-сотрудницам по татуировке в виде орхидеи. Ресторан носил такое название.

— У нас с вами форма одежды какая? — таращила она прекрасные голубые глаза на девушек-сотрудниц. — Красивые топы, открывающие плечи. Брюки и передник. Так вот, если у нас с

вами на плече появится тату в виде орхидеи, это будет шикарно. Руководство одобрило. И даже готово оплатить мастера. Это будет взрыв для посетителей!

— Никак клеймо это будет? — тихо возмутилась одна из девушек. — С какой стати мне из-за работы кожу свою под иглу подставлять?

Клава Сойкина попыталась ее вразумить. Девушка ответила категорическим нет.

— Единственное, что могу пообещать, это сделать временное тату, — подергала она идеальной формы плечами с гладкой нежной кожей. — То есть наклейку.

— Исключено! — завелась Клава. — Ты подводишь коллектив. Все согласны. А ты нет!

— А почку ты с меня не потребуешь через неделю, нет? — Девчонка сняла передник, швырнула его Клаве в лицо и крикнула: — Я увольняюсь!..

Это было позавчера. А вчера к ним в ресторан приходили полицейские и задавали о той несогласной девушке много вопросов. А когда Вероника попыталась выяснить, с какой стати и чем вызван такой интерес, ей ответили:

— Ее убили…

Вероника не была дурочкой, все свое детство провела в окружении маминых коллег, наслу-

шалась, насмотрелась, научилась мыслить дедуктивно. И в ее голове мгновенно родилась версия, что убили несогласную девчонку из-за ссоры с Клавой. Передник, улетевший той в лицо, попал в глаз. Клава глаз долго, до слез терла. И все время шептала с ненавистью, что она устроит этой сучке такое…

Но свои соображения Вероника — умная девочка — оставила при себе. А сейчас, собираясь на работу, неожиданно об этом пожалела. Клава звонила двадцать минут назад и предупредила, что сегодня вечером у себя в кабинете ее хочет видеть генеральный.

— Во сколько вечером? — насторожилась сразу Вероника.

— Часиков в девять, десять, — беспечно отозвалась сменщица.

— Ого! А чего так поздно? У нас самый наплыв посетителей. Я обычно в это время разрываюсь. И…

— Ничего страшного, я подстрахую. Хватит тебя и на генерального, — противно хохотнула Клава. — Премию хочешь?

Премию Вероника хотела. И оставшуюся часть зарплаты. Но не Клавиным способом она планировала ее получить. А за добросовестно

отработанное время.

— Что с тобой, Ничка? — Так ее Алла называла, когда особенно тревожилась. — Что-то не так?

— Да нет, Аллочка, все в порядке, — вымученно улыбнулась Вероника.

Она застегнула рюкзак с формой. Отнесла его в прихожую. Алла шла по пятам.

— Нет, что-то не то! — Она нежно обхватила Веронику за талию, заглянула в глаза. — Что-то тревожит мою девочку. Что? Если проблемы по работе, прошу, брось ее!

— Ну да. Забыла, как долго я искала такую работу? И как просила у тебя в долг?

— Так, стоп!

Алла с силой развернула девушку на себя, взяла лицо в ладони. Глаза ее наполнились слезами, когда она начала говорить:

— Забудь о долгах, милая! Их не существует! Мы же друг за друга и в огонь и в воду? Так?

— Так. — В горле у Вероники запершило.

— Какие долги? Ничего ты мне не должна. — Алла мечтательно улыбнулась. — И опять же, у меня есть сбережения. Проживем. Скоро лето. Укатим с тобой на дачу. Там Павел Анатольевич ждет тебя. Ой как ждет! Говорил мне тут давеча в телефонном разговоре, что работа для тебя у

него есть.

Павел Анатольевич возглавлял районный Дом культуры в поселке, где у Аллы была дача. Был молодым, симпатичным, веселым. И свято верил в возрождение культуры в русской деревне. Веронику давно и настойчиво звал к себе библиотекарем.

— Зарплата достойная, — уверял он. — И работа интересная. Оборудуют библиотеку после ремонта по высшему разряду, Вероника Матвеевна. Самое время вам ее возглавить.

Ремонт закончился прошлым летом. Библиотечный фонд пополнили, снабдили шикарным оборудованием, мебелью. Только заведующей библиотекой все никак не находилось. Люди приходили и уходили ни с чем. Не соответствовали требованиям директора ДК.

— Это он нарочно время тянет. Все тебя ждет, Ничка, — лукаво улыбалась, глядя на нее, Алла. — Не хочешь жить на моей даче, Павел Анатольевич тебе служебное жилье подберет…

Но Вероника не принимала подобных предложений. Уехать из Москвы жить в деревню?! Да вы что? В своем уме?

— Конечно, — недовольно морщила губы Аллочка. — Лучше с твоим блестящим литера-

турным образованием официанткой господам служить, чем нести культуру в массы…

Разговор всегда заканчивался ничем. И вот сейчас Алла снова к нему вернулась. Интуитивно чувствуя настроение своей молодой соседки, она тревожилась. И на сей раз было от чего.

— Аллочка, — окликнула ее Вероника, уже стоя на лестничной клетке и запирая дверь своей квартиры.

— Да, милая. — Та свою дверь как раз отпирала.

— А у нас девушку убили.

— Как это?! — В карих глазах Аллы заплескалась тревога. — Прямо в ресторане?!

— Нет. Она уволилась, и тем же вечером ее не стало. — Вероника опустила ключи от квартиры в маленький кармашек рюкзака, застегнула молнию.

— А чего уволилась?

— Отказалась делать татуировку в виде орхидеи. Швырнула передник в лицо моей сменщице. И ушла. А вчера пришла полиция. Сказали, что девушку убили. При каких обстоятельствах, не знаю. Но как-то странно все. — Вероника жалко улыбнулась. — И тревожно.

Глава 2

Павел Анатольевич Аристов внимательно рассматривал себя в зеркале. И находил, что, невзирая на солидный костюм, в который он каждое утро облачался, и солидное обращение к нему по имени-отчеству всякого встречающегося, он так и остался мальчиком в коротких штанишках. И никак из них не вырастет.

Виной тому были не только его белокурые кудри, которые не признавали никаких стрижек и топорщились завитками во все стороны. И не добродушный нрав, и не желание улыбаться каждому наступающему дню. И даже не его привычка кормить всех бродячих кошек и собак. Конечно же, не в этом была причина его недовольства собой. А в том, что единственная девушка, в которую он тайно был влюблен уже несколько лет, не воспринимала его всерьез.

Все его предложения поменять ее жизнь отметала. Над каждым его жизнеутверждающим постулатом посмеивалась. В людях, в отличие от него, видела не только хорошее. Часто бывала настороженна и грустна. И еще она не разделяла его страсти к цветам.

Роясь в себе сверх положенной нормы, Павел Анатольевич находил все свои увлечения смешными и несерьезными. И критику милой девушки считал вполне обоснованной. И в том, что к нему все обращались по имени-отчеству, тоже видел некую насмешку. Он молодой, еще тридцати лет нету, а его вон уже как величают.

— Дурачок ты, Паша, — кисло глянул он на себя в зеркало. — И Веронички тебе не видать, как своих ушей. Что сказала тебе давеча ее соседка — замечательная женщина Алла? Вероничка нашла себе работу и переезжать в твою деревню не собирается. Так что… Иди и поливай цветы.

Под цветы он отвел родительскую спальню — большую, в тридцать квадратов, комнату. Родители переехали к морю и разрешили ему делать с их домом все, что ему заблагорассудится. Он вынес в их спальне полстены, застеклил, поставил дополнительные батареи отопления, соорудил увлажнитель, вентиляцию. И уже через год в родительской спальне цвели розы и орхидеи, нежно, как паутина, колыхались аспарагусы, стелились по полу тенелюбивые папоротники.

Глава района, заехав однажды к нему в гости и обнаружив буйное цветение на тридцати квадратах, запросил разрешения привозить на

экскурсии важных гостей.

— Ты тут организуй, Пал Анатольич, уголок какой-нибудь для чая. Чтобы можно было в этой красоте посидеть, поговорить о делах важных. Я помогу, если что…

Организовал. Выделил угол возле окна, огородив кадками с пальмами. Поставил три маленьких кресла, круглый чайный столик. И важные гости зачастили. Некоторые клянчили отростки. Он обещал. Рассаживал по горшочкам. Дарил. Но районное начальство подобной благотворительности не приняло. Поставило специальный ящик для добровольных взносов. И он, к слову, быстро очень пополнялся. И Павел Анатольевич, не прикасаясь к деньгам, всерьез подумывал перенести оранжерею в большое пустующее помещение в Доме культуры. Оно не подходило ни для танцев, ни для хора по каким-то санитарным требованиям. А вот для цветов…

— Дерзай! — загорелись глаза у главы района, когда он услышал об инициативе. — Замечательное дело. Цветы — это всегда красиво!..

Павел Анатольевич с тяжелым вздохом отошел от зеркала. Следовало полить цветы, позавтракать и отправляться на работу. Сегодня стартует подготовка к майским праздникам. Совещатель-

ный процесс будет непростым и долгим, сжует его обеденный перерыв. Так что следовало наготовить с собой бутербродов. А сейчас к цветам.

Но до родительской спальни Павел Анатольевич не дошел, его перехватил телефонный звонок. Звонила замечательная женщина Алла — соседка самой восхитительной и несговорчивой девушки Веронички. Звонила, странно, рано. Обычно они болтали вечерами, строя планы на их дачное лето и мечтая о возможном переезде Вероники.

— Паша! — завопила Алла в трубку, совсем позабыв о его отчестве. — Паша, беда!

— Что?!

Ноги мгновенно ослабли, и он сел на спинку дивана.

— Вероничка не вернулась с ночной смены. А она до шести утра работает. В половине седьмого всегда дома. Всегда! — с нажимом прокричала Алла. — Сейчас почти девять. Ее нет. Телефон выключен. Звонила в ее ресторан…

— В ресторан?! — неприятно изумился Павел. — Она работает в ресторане? Официанткой?! О Боже!

— Нет, не официанткой. Старшим менеджером. Но это дела не меняет. В ресторане мне сказали,

что она в девять часов вечера вышла покурить и с перекура не вернулась! Но это ложь!

— Что не вернулась?

— Что она вышла на перекур. Ничка не курит! Никогда не курила! Беда, Паша, я это чувствую! Я позвонила в полицию, они велели: надо ждать. Но беда же, Паша! — Алла отчетливо всхлипывала. — Тем более пару дней назад у них там убили одну девушку. Что мне делать?!

Решение родилось мгновенно, над ним даже не пришлось раздумывать.

— Я еду, — ответил он. — Ждите меня и ничего не предпринимайте. Я скоро…

Он приехал быстрее, чем думал. Долго звонил в квартиры Аллы и Вероники, бегая от двери к двери. Ему никто не открыл. Он без конца набирал номер Аллы, но она либо не отвечала, либо линия была занята. Наконец, минут через десять после безуспешных попыток он услышал ее придушенный голос:

— Да. Паша, это я. Я в полиции. Не смогла тебя дождаться — места не нахожу. Сижу, жду следователя.

— Хорошо. Я сейчас буду. Диктуйте адрес…

Аллочку он обнаружил на деревянной скамейке перед запертой дверью. На табличке значились

фамилия, звание и должность — следователь по особо важным делам подполковник Назаров Иван Григорьевич.

— Его нет. Дверь заперта, — пожаловалась Алла, подняв на него несчастные заплаканные глаза.

Павлу Анатольевичу понадобилось всего лишь пять минут, чтобы найти Назарова. Тот стоял на площадке между первым и вторым этажами и с кем-то тепло общался по телефону. Надо сказать, недовольства не высказал, когда Павел его попросил пройти на свое рабочее место. Но вот потом…

— Вы смеетесь, товарищи дорогие? — округлил он добрые глаза. — Девушка не пришла с ночной смены. Ее нет всего лишь — сколько?

— Четыре часа, — подсказала Алла хриплым голосом.

— Вот! Женщина, она, может, на свидании с кавалером. А вы волну гоните. — И он, довольный шуткой, хихикнул.

Павла не столько возмутило предположение о кавалере, сколько это неуместное хихиканье.

— Товарищ подполковник, — начал он тихим свистящим голосом. — Во-первых, это не женщина, а Алла Ивановна — Заслуженный учитель, удостоенный множества наград. Во-вторых, не

в ее правилах «гнать волну», как вы изволите выражаться. И если она встревожена, значит, на то есть основания. Тем более что Вероника отсутствует не четыре часа, а уже двенадцать! В ресторане — по месту ее работы старшим менеджером — Алле Ивановне сказали, что Вероника ушла в девять на перекур и с него не вернулась. Но девушка не курит и не курила никогда. Это откровенная ложь. Зачем? Далее… Накануне исчезновения Вероники там была убита девушка. Не в самом ресторане, конечно, но несчастье случилось с одной из сотрудниц. И из полиции были люди и опрашивали персонал.

— Как называется ресторан? — перебил его Назаров.

— «Орхидея», — выпалила Алла, слегка приподнявшись на стуле. — И Вероничка зачем-то сделала татуировку на плече в виде орхидеи.

— Она не одна ее сделала, — проговорил вполголоса Назаров и тут же принялся кому-то звонить.

Через пять мнут в кабинет вошли двое парней в штатском — невыспавшихся, злых и серьезных. Они еще раз опросили Аллу, сосредоточившись на всяких несущественных мелочах.

— Говорите, отказалась делать тату? — удивленно покрутил головой один из парней, казав-

шийся более уставшим.

— Да. Вероника сказала, что девушка отказалась делать татуировку и швырнула фартук в лицо начальнице. И сказала, что увольняется. А потом пришла полиция.

— Это мы приходили, — кивнул второй. — Но персонал ни словом не обмолвился о скандале. И знаете, что еще странно… Татуировка в виде орхидеи у погибшей была на плече.

— Да? — Назаров вытянул шею. — А почему я об этом узнаю только сейчас?

— Видимо, потому, товарищ полковник, что только сейчас мы все узнали: этому предшествовали скандал и шантаж про увольнение, — подсказал Павел Анатольевич. И уставился на парней в штатском. — А какая рабочая версия по убийству?

— Задержан ее сожитель, — нехотя ответил один из них.

— Сознался? — прищурилась Алла.

— Нет. Но алиби у парня отсутствует.

— А как она погибла? — не отставала она.

— Ее задушили, — проговорил второй, подумал и добавил: — Задушили и оставили тело на улице возле помойных ящиков.

— Ужас какой! — Алла закрыла рот трясущейся

ладошкой.

— Так, успокойтесь, пожалуйста, — засуетился Назаров со стаканом воды. — Все выясним. У вас есть фото татуировки, которую сделала ваша… Кстати, кто она вам?

— Она моя племянница, — не моргнув глазом соврала Алла. — Сирота. Ее мать служила в полиции. Погибла при исполнении.

Тут начался настоящий переполох. Забегали, загомонили, выяснив, кем была мама Вероники. Назаров принялся без конца извиняться. И настоял на том, чтобы поехать вместе со всеми в «Орхидею».

— Посмотрим на месте, что там и как…

Глава 3

Павел Анатольевич с Аллой ехали за машиной полицейских.

— Вероника сказала, в каком салоне делала тату? — приставал он с вопросами всю дорогу. — Что за фетиш такой? Почему непременно татуировка? Можно вышивку на майке сделать. Или брошь нацепить. Почему непременно тату? Адрес салона есть?

— Неет.

— А что за орхидея у нее на плече?

— Я не разбираюсь в сортах, — покосилась на него Алла и полезла за телефоном в сумку. — Но сделала фото.

Минута у нее ушла, чтобы найти снимки в галерее. Пальцы подрагивали. Зрение подводило. Но все же на ближайшем светофоре она показала цветок Павлу Анатольевичу.

— Все ясно, — кивнул он. — Это белая каттлея. Нежная и капризная, при неумелом уходе способная быстро погибнуть.

— О Господи! — пискнула Алла с соседнего сиденья. — Это что-то значит? Символично, да?

— Не знаю, Аллочка. Надо узнать, какие орхи-

деи у других девушек. Если такие же точно, то…

Фразу он не закончил, — они как раз подъехали к ресторану. Павел Анатольевич, стоило оперативникам собрать весь персонал в кабинете главного менеджера, сразу попросил показать ему татуировки.

— Они все разные, — удивился он, осмотрев плечи пяти девушек. — Орхидеи разные. У Вероники была Каттлея. Вот у этой девушки Фаленопсис, или Бабочка. У той на плече Аганазия.

— И что это значит? — потер затылок один их оперативников.

— Пока не пойму. — Павел Анатольевич пригладил растрепавшиеся белокурые кудри, встал перед официантками. — Скажите, пожалуйста, девушки, орхидеи для тату выбирали вы сами?

— Нет, — ответили они в один голос и вразнобой заговорили.

— Мне предложила Клава сделать такую. Это сменщица Вероники.

— И мне тоже.

— И мне.

— И Веронике тоже эскиз набросала. Она неплохо рисует.

— Клава? Где у нас Клава? — поискал ее глазами ранее побывавший в ресторане опер. — Позовите

ее срочно!

Сойкина пришла минут через пять. Растрепанная и злая. Сразу накинулась на девушек, что бросили работу, в зале черт знает что. И никаких объяснений она не принимала.

— Кто скажет мне, каким образом оказалась татуировка на плече погибшей? — уставился на Сойкину следователь Назаров. — По имеющейся у нас информации, она отказалась делать тату в угоду работодателю. И даже фартук свой вам в лицо кинула. А потом…

— А потом передумала, извинилась. И чтобы выйти в свою смену, помчалась в салон и сделала наколку, — ухмыльнулась Сойкина. — Я ее простила. И позволила выйти на работу. Но она не пришла.

— А почему вы всем выбирали разные сорта орхидей? — заинтересовался Павел. — В этом есть какой-то смысл?

— Да, — обворожительно улыбнулась Клава Сойкина. — Я подбирала эскиз цветка в соответствии с характером девушки. И ни разу не ошиблась. Это так… Так прикольно!

— Адрес салона мне подскажите. Это один салон или разные? — перебил ее Назаров.

Салон был одним и тем же. И мастер — мед-

лительный полноватый малый в мешковатых серых одеждах — долго не мог понять, что от него хочет следствие. А когда понял, побледнел.

— Я так и думал, что-то нечисто со всеми этими орхидеями.

— Почему? — прищурился Назаров.

— Ну, когда к тебе приходит целый строй девушек с требованием набить им один и тот же цветок, но разных сортов, невольно задумаешься.

— Таковы были требования работодателя, — неуверенно проговорил Павел Анатольевич. — Хотя, если честно, я счел их странными. Так можно целый рукав набить, если часто менять место работы.

— Конечно! — возмущенно заметил мастер тату-салона.

— Вам эта девушка знакома? — Ему показали фото убитой официантки.

— О, Ксюша! Да. Озорная такая, с юмором. — Он вдруг уставился на ее закрытые глаза. — А что это с ней? Она… мертвая?!

— Ее убили тем же вечером. Задушили и оставили тело на помойке. Ничего не можете сказать по этому вопросу?

— А что я могу сказать?! Я ничего не знаю! Она

пришла. Я сделал ей тату. Она ушла. Все!

От волнения он начал задыхаться. Полез в тумбочку, достал ингалятор, подышал.

— Во сколько она была? Как выглядела: встревоженной или…

— Пришла в шесть. Пару часов я трудился над ее орхидеей. Договорились, что потом придет на коррекцию. Она сильно спешила, а я не могу так работать. То там пробел, то сям. Мы договорились, что она придет и я сделаю коррекцию бесплатно. И, нет, встревоженной не была. Вдохновленной, я бы сказал. Все спешила на какую-то встречу к девяти вечера.

— Куда спешила? К кому? Она ничего не сказала?

— Не знаю я! — едва не заплакал мастер, сцепив ладони в замок. — К какому-то Борису. Еще смеялась: посмотрю, говорит, как он себя поведет, когда мою орхидею увидит, чудик повернутый. И еще добавила: сабля.

— Сабля? — наморщил лоб Павел Анатольевич. — Точно Борис?

— Да.

— Генерального директора «Орхидеи» зовут Борис. А фамилия у него Саблин, — ошалело глянул на полицейских Павел Анатольевич. — Я видел

на сайте ресторана. Если это совпадение, то пусть все мои розы засохнут!

Назаров взял телефон, вышел из салона на улицу и принялся кому-то звонить, расхаживая за окнами салона туда-сюда. Вернулся через пару минут.

— Саблин сейчас дома. Отсыпается после ночной смены. Поехали! — скомандовал он.

— Что за ночная смена может быть у генерального директора? — непонимающе заморгала наивная Аллочка.

— Всякая-разная, Алла Ивановна, — хмыкнул один из оперов со значением. — Это мы сейчас и попытаемся выяснить…

Саблин встретил их на пороге своей квартиры всклокоченным, заспанным, с сильно опухшим лицом. И, что странно, под левым глазом у него красовался приличный синяк. Свежий, судя по окрасу. Из одежды на нем были только черные шелковые трусы до колен.

— Как вас много, — отреагировал он довольно равнодушно и посторонился. — Ну входите, раз явились.

Он провел их в гостиную — огромную и чистую. Никаких тряпок и беспорядка. Все на своих местах: диванчики, кресла, пуфы, столики на

низких ножках. Павел Анатольевич провел пальцем по поверхности одного из столиков.

— Уборку только что делали, Борис? С раннего утра?

— В восемь приходит уборщица. Каждое утро.

Не накинув на себя ничего, Саблин развалился в одних трусах в кресле, сделав знак им всем занимать места. Павел Анатольевич и Алла сели, тесно прижавшись друг к другу, на диван. Полицейские остались стоять.

— Чему обязан, господа? — спросил хозяин совершенно спокойно.

— Вы знаете вот эту девушку? — Назаров показал ему фото убитой официантки.

— А, Ксюшенька! Такая шалунья… Знаю, конечно. Мы с ней пару дней назад неплохо провели время, — ответил Саблин. — В девять она ко мне пришла. Время у меня такое для свиданий. Все желающие со мной переспать девчонки приходят именно в девять.

— В ресторан или сюда? — уточнил Назаров, выразительно оглядев стены гостиной.

— В ресторан, в мой кабинет. Свой дом я не оскверняю блудом, — с шутливой надменностью ответил Саблин.

— И почему вы после свидания убили Ксению?

Что-то пошло не так? Это она вас приложила? — склонившись к самому его уху, вкрадчиво поинтересовался Назаров.

— Так, так, так, товарищи! Стоп, стоп! — вылетел из кресла Саблин и замер у балконной двери с ошарашенным видом. — Когда Ксюша выходила от меня, она была жива-здорова и даже довольна! Ее, по разговорам девочек, ждал кто-то на улице в машине. Смотрите записи с камер. Ищите! На меня не сваливайте чужие беды.

— А вчера? С кем у вас было свидание? — вставил вопрос Павел Анатольевич.

Он нервничал из-за того, что о Веронике никто не задал Саблину ни единого вопроса. А это очень важно! Важнее всего для него!

— Вчера?.. — Борис Саблин тут же потрогал синяк под глазом. — Свидание не состоялось.

— Почему? — не унимался Павел, хотя и заметил недовольство Назарова. — Девушка оказалась несговорчивой?

— Хуже! Так врезала мне, когда я к ней полез! Я… Я, честно, не ожидал! — И его пальцы снова прикоснулись к синяку. — Эта Вероника… Бестия в юбке, а не девчонка.

— Она пропала! — выкрикнула Алла, приподнявшись с дивана. — Куда вы ее дели?!

Отвечайте!

Назарову такая самодеятельность при опросе подозреваемого не понравилась, но он промолчал. Искренняя тревога Аллы его тронула.

— Отвечайте, Саблин, — потребовал следователь. — После того, как Вероника вам врезала, куда вы ее дели?

— Никуда! Она выбежала из кабинета. А я позвонил Клаве и отчитал ее.

— За что?

— За то, что поставляет мне не пойми кого! Я же не насильник. В самом деле. Сплю с девчонками по согласию и ради удовольствия. А тут вдруг мне в глаз прилетает!

— Клавдия Сойкина? — прищурился Назаров. — Она поставляет вам девочек?

— Ну что значит «поставляет»? Договаривается. Она вообще у меня во многих вопросах главная. Дисциплину в ресторане держит в кулаке. С Вероникой только случился промах.

— Вы позвонили Клавдии и что? — снова влез с вопросом Павел Анатольевич.

Он страшно переживал за Веронику.

— Ну, я наорал на нее. Она сказала, разберусь. И все.

— И Вероника пропала, — закончил за него

Назаров. — Не вернулась с работы. Вам известно, где она?

— Н-нет, — с небольшой запинкой ответил Саблин и оглядел всех с тревогой. — А где она, в самом деле? Знаете… Надо ехать в ресторан. Там, на месте разберемся. Записи посмотрим.

— Кстати, записи с камер в вечер гибели Ксении мы отсмотрели. И не увидели никакой машины, которая ее увезла, — с сомнением покачал головой один из оперативников.

— Есть еще одна камера, о которой не знает общественность. Наблюдение пишется на комп в моем кабинете. Поехали. — Директор стремительно бросился к выходу из гостиной.

— Гражданин Саблин, — попридержал его, поймав за локоть, Назаров. — Вы бы штаны-то все же надели…

Они снова вернулись к ресторану, выстроив в ряд машины на парковке. Толпой вошли с черного хода, поднялись на второй этаж в кабинет генерального директор Бориса Саблина. Усевшись за стол, напоминающий остров своими размерами и зеленым цветом, тот сразу подтянул к себе ноутбук и защелкал по клавишам, вводя пароль.

— Ничего не понимаю… — пробормотал он,

откидываясь на высокую спинку рабочего кресла. — Как так! Странно…

— Разрешите взглянуть?

Не дождавшись разрешения, Назаров развернул ноутбук монитором ко всем присутствующим.

На экране транслировался поздний вечер, когда убили официантку. Темный внедорожник поджидал ее левее черного хода. Когда Ксения вышла на улицу, дверь внедорожника со стороны переднего пассажирского сиденья открылась. Ксюша махнула рукой от входа и быстрым шагом двинулась к машине. Села. Дверь захлопнулась. Машина уехала.

— И чего вам тут непонятно, гражданин Саблин? — повернул ноутбук экраном к хозяину Назаров. — Чья это машина?

— Это… Это машина Клавы Сойкиной — моей главной помощницы во всех делах. А странно то, что она сказала, будто не видела Ксюшу в тот вечер. А сама… Сама отвозила ее.

— Вопрос — как далеко она ее увезла? — Назаров обернулся на оперативников. — Найдите ее и сюда быстро!

Он зашел со спины, встал за креслом директора.

— Смотрим дальше. Покажите вчерашний

вечер, гражданин Саблин. Может, и пропавшая Вероника найдется? Вдруг ее снова увезла Сойкина?

Алла испуганно охнула, заплакала и принялась шептать Павлу Анатольевичу в ухо:

— Она жива! Я верю! Я это чувствую! Ничка жива!..

Саблин послушно защелкал клавишами, перематывая записи с тайной камеры на трансляцию вчерашнего вечера.

— Вот она! — крикнул он, пожалуй, излишне громко. — Смотрите!

Алла с Павлом Анатольевичем, не дожидаясь приглашения, рванули к столу и встали рядом с Назаровым за спинкой кресла.

Запись с участием Вероники начиналась с девяти пятнадцати вечера. Она выбежала из двери заднего входа на улицу и, сжимая и разжимая кулак, заходила по территории. Потом вытирала слезы и что-то кричала, задрав голову. Камера звука не транслировала. А следом…

— Клава! — ахнул Саблин. — Снова она?!

Клава Сойкина на сей раз не усадила девушку в машину. Она вышла из той же двери аварийного входа на высоких каблуках, в короткой юбке и малюсенькой майке с блестками. Подошла

к Веронике и что-то начала говорить ей. Видимо, нехорошее, потому что Вероника попятилась и замотала головой. Клава ударила ее по щеке. А потом схватила за руку и потащила к двери.

— На этом все, — удивленно округлил глаза Борис Саблин, просмотрев запись с самого утра. — Больше Вероника не выходила. Значит, что?

— Что?! — ответили все трое.

— Она все еще здесь! И я, кажется, знаю, куда Клава ее спрятала. То есть где заперла. Комната в подвале! Туда, быстро!

По пути на первый этаж они столкнулись с оперативниками, которые доложили, что Клавдия Сойкина уехала из ресторана за десять минут до их приезда. Уехала одна, усаживалась в машину у всех на виду.

— Ключи, — простонал директор, останавливаясь возле узкой металлической двери в подвальном помещении. — Ключи только у нее!

— Отойдите, Саблин, — скомандовал один из оперов.

Мужчины по очереди принялись молотить по двери ногами и упираться плечами, но она стояла мертво.

— Самый крайний случай, товарищ следователь? — достал пистолет оперативник и наце-

лился на замок.

— Дерзай! — кивнул тот и скомандовал всем отойти подальше.

Звук выстрела оглушил всех, но дверь приоткрылась. Саблин первым шагнул внутрь, нашарил справа от входа на стене выключатель. Зажегся свет, и все, кто вошел за ним следом, в один голос выкрикнули:

— Вероника!

Девушка была жива, но обездвижена. Руки и ноги связаны, во рту кляп. Павел Анатольевич кинулся ей на помощь, он рвал зубами и пальцами крепкие путы. Алла всхлипывала рядом и все время гладила девушку по спутавшимся волосам…

— Счастье, какое счастье, что ты жива, Ничка, — восклицала Алла, когда они везли ее домой после того, как Веронику осмотрели врачи приехавшей «Скорой». — Господи, поверить не могу, что с тобой случилось! Какая мерзкая эта Клава!

Сойкину задержали в аэропорту при попытке вылететь из Москвы вечерним рейсом. Она долго билась в рыданиях и во всем обвиняла свою любовь к Борису.

— Я не могла допустить, чтобы Ксюша спала с ним снова и снова. А она ему понравилась, да! —

орала на записывающую показания видеокамеру Клава Сойкина. — Даже пошутила, выходя от Бори, что сместит меня с моего трона! И тогда я… Я указала ей ее место — на помойке.

— Вы задушили ее? — вел допрос Назаров.

— Да. И ничуть не жалею! Задушила и выбросила на помойку.

— А за что вы затолкали в подвал Веронику? Она же не была вашей соперницей. Как раз напротив, оказала сопротивление Саблину. И что вы собирались с ней сделать?

— Ничего. Дала ей время хорошо подумать, — тихо произнесла Клава. — Она грозилась пойти в полицию и заявить на домогателя Саблина. А я не могла ей этого позволить. И еще она сказала, что знает, кто убил Ксюшу. Догадывается, типа. Я не могла так рисковать. Связала ее и оставила подумать. Но убивать не собиралась. Она мне не соперница…

Летний полдень выдался душным и влажным. Или это ему только так казалось, потому что Павел Анатольевич переселял свою оранжерею в пустующее помещение Дома культуры, создав там почти тропические условия. Бегал, как ненормальный, устал, вспотел, проголодался, но был абсолютно счастлив.

Во-первых, Вероника с Аллой два дня назад переехали на целых три месяца на дачу, и он теперь будет видеться с ними каждый день. И утро. И вечер.

Во-вторых, его тайно любимая девушка согласилась серьезно подумать над предложением возглавить их библиотеку. А Алла в этот момент, стоя за ее спиной, кивала и бросала выразительные взгляды, намекающие на то, что все уже решено и Вероника согласится.

В-третьих, он наконец воплотил свою мечту о создании серьезной оранжереи в реальность. Его розы, папоротники, пальмы, аспарагусы не будут теперь тесниться на тридцати квадратных метрах.

И еще…

Вчера вечером он был в Москве. И ноги сами собой отправили его в ювелирный магазин. Там, вымотав нервы милой девушке продавцу, Павел Анатольевич выбрал своей будущей невесте колечко. Очень милое, со смыслом. Маленький сверкающий камешек уместился в чашечке нежного цветка, символизирующего чистоту и надежность.

— Отличный выбор, — с облегчением выдохнула девушка, пробивая в кассе покупку. — Но

почему цветок?

Он уже собрался уходить, но остановился.

— Цветы — уникальное создание природы, — произнес с легкой улыбкой Павел Анатольевич. Подумал и добавил: — И еще это прекрасная возможность выразить свои чувства без слов. Особенно, когда невысказанных слов скопилось слишком много и из них может получиться полная неразбериха. А цветы… Они никогда не солгут. Надеюсь, моя девушка меня поймет.

Он спрятал бархатную коробочку в самый надежный внутренний карман ветровки и похвалил себя за то, что осмелился назвать Веронику своей девушкой. Наконец он почувствовал себя по-настоящему взрослым.

Елена Бриолле
Ирис в болотной мгле

г. Бурж, конец XIX века

Жители болота

— Лягушки квакают к туману. Говорят, что они так общаются со звездами! — сказал Жан Редон, высокий лысый старик в длинном плаще. Он отталкивался шестом от дна речки Евр. Отсюда тянулась вдаль огромная сетка каналов буржского болота. Между ними на небольших квадратных участках то тут, то там белели в свете луны стеклянные парники и аккуратные деревянные домики. — Посмотрите, Ирис, разве не прекрасно наше болото?

Девушка с ямочками на пухлых щеках закинула мечтательно голову.

— Звездная россыпь! Мы все, как звезды, господа! Ярко светим и быстро падаем вниз… Жизнь коротка, поэтому я хочу, чтобы меня запомнили!

— Как же вас забыть, милая Ирис? — пролепетал Брюно, худой молодой человек с усиками в ниточку. Он смотрел на девушку, и от толстых стекол в очках его глаза казались еще больше… — Вы сегодня вся в белом, как прекрасный ирис, как полная луна!

— Белый мне к лицу, особенно ночью! Вы помните, мсье Редон, где я живу? «Три да пять, я

иду тебя искать!» Сначала повернуть в третий канал, затем направо, а там на пятом канале стоит мой дом. Он выкрашен в белый цвет, как мое платье. Ему тоже идет эта луна, да, Брюно Жерар?

Молодой человек в очках покраснел и закивал.

— Ваш дом виден издалека, мой свет! Вы настоящая хозяйка болота!

— Габриэль, — обратилась Ирис Нурье к четвертому пассажиру в лодке. Он был одет в льняной кремовый костюм, что выдавало в нем человека из города, который редко имеет дело с болотной тиной и квакающими целую ночь лягушками. — Мы сегодня с вами в одной цветовой гамме, это судьба, вы не находите?

Габриэль Ленуар, молодой банкир из Парижа, улыбнулся и молча провел кончиками пальцев по перчатке девушки. Она лукаво на него посмотрела, но руки не отдернула.

— Какой приятный сегодня вечер, господа! Надеюсь, что отец Марк уже все приготовил к нашему пикнику. Мы будем танцевать у костра до самого утра!

— Милая Ирис, вы прекрасны, но я как председатель Союза жителей болота не позволю вам сильно шуметь! — ответил лысый старик с улыбкой. — Я гарант спокойствия и порядка на нашем

болоте, поэтому мы будем жечь костер, но обойдемся без дебоша, хорошо, моя милая?

— Какой вы скучный, мсье Редон! — ответила девушка, вздернув носик. — Зачем вам занимать такой ответственный пост, если вы даже не можете позволять себе маленькие шалости? У вас на участке растут желтые цветочки, посмотрите, господа!

Ирис показала ладонью на участок с большим деревянным домом в два этажа, что было редкостью на этом болоте. Вокруг росла трава вперемешку с маленькими цветами.

— Вы выращиваете желтые цветочки и от этого сами прорастаете скучной желтизной, мсье Редон! Когда я стану председателем Союза, я точно не буду со всеми чваниться. Всем угодить невозможно, мой дорогой мсье! Решительно невозможно. Только душу свою потеряете, да, Брюно?

— Да, мой свет! Мсье Редон, дайте нам сегодня подышать! Вспомните сами то время, когда вы были молоды! Разве вам не хотелось устроить революцию?

Старик нахмурился и вытащил шест из воды, разворачивая лодку, чтобы причалить.

— Я не большой любитель революций, поэтому

и остаюсь председателем Союза жителей болота вот уже пару десятков лет. Ирис, когда я занял этот пост, вы еще только-только родились.

— Возраст ничего не говорит об уме человека, мсье Редон, при всем к вам уважении, — сказал Габриэль и подал руку Ирис, чтобы помочь ей выйти из лодки. — У меня есть складной нож швейцарского производства, хотите, я приготовлю стружку для костра?

— Все, хватит, господа! Стружка у нас уже есть. Да здравствуют молодость и свобода! — закричала во весь голос Ирис. — Я люблю вас всех! И скоро на этом болоте произойдет настоящая революция! Потому что, даже сидя в тине, нужно смотреть прогрессу в лицо! На пороге XX век как-никак! Да, Брюно?

— Да, мой свет! Вот почему мы с отцом Марком и растим на его полях справочник по медицинским травам. Отец Марк, вы уже здесь! Спасибо, что все приготовили!

Посреди поляны перед домом Ирис стоял накрытый праздничный стол с хлебом, сыром и вином, а вокруг суетился низенький полный старичок в рясе священника.

— Я рад, очень всем рад! Мсье Редон, Брюно, Ирис, и вам, господин хороший, тоже очень рад!

— Это наш новый банковский инспектор, Габриэль Ленуар. Его дядя — администратор Банка Парижа и Нидерландов, — представил молодого человека мсье Редон. — Он уже освоился в Бурже и сегодня попросил меня и Ирис показать ему нашу главную естественную достопримечательность — болото!

— Шампанское, господа! — закричала Ирис и захлопала в ладоши.

— Замолчи, шельма! Что вопишь? У меня очень чуткий слух, опять решила устроить мне бессонницу? Я каждую птицу ночную слышу, а ты раскудахталась, — раздался хриплый голос с соседнего участка.

— А это наша болотная ведьма — Клер Мишо, — официально представила ее девушка. — Милая мадам Мишо, у вас очень чуткий слух, поэтому приходите лучше жечь костер вместе! Может, еще станцуете с нами? Без вас на этом болоте, как без кваканья лягушек!

Вся компания дружно рассмеялась, и Брюно разжег перед столом костер. Габриэль, который действительно считал себя городским жителем, устроился поближе к костру, поставив шезлонг Ирис рядом со своим. По лицу Брюно пробежала тень, но Габриэль решил, что это блики от

костра.

— Мсье Редон сказал, что у вас наполеоновские планы на это болото, мадемуазель Нурье. Что вы задумали?

— Я скуплю половину участков в центре болота, осушу их и засею опийными маками! — ответила Ирис, с вызовом глядя на отца Марка. Он действительно посерел и сомкнул челюсти на кусочке сыра «Сент-Мор».

— Зачем вам столько опийных маков? — с удивлением спросил у Ирис Габриэль.

— А зачем вам деньги в банке? — огрызнулся вместо Ирис Брюно.

— Спасибо, Брюно, но я могу ответить и сама. Маки нужны не мне, а местным больницам. Сегодня для обезболивания чаще всего используется морфий, а в наших госпиталях его постоянно не хватает. Людей режут по живому, представляете, какое средневековье?

— Я смогу обеспечить больницы всем необходимым, — процедил отец Марк сквозь зубы. — Мы с Брюно уже засадили первое поле медицинскими травами, да, Брюно?

Молодой человек в очках дернул свои подтяжки и растерялся, зажатый между двух огней.

— Одно другому ведь не мешает, да, отец

Марк? — наконец пробормотал он. — Давайте я лучше всем приготовлю чай по фирменному рецепту?

— Мы сегодня пьем шампанское, дорогой Брюно! Мы с Габриэлем…

— Если хотите, я не против ароматного чая. Здесь зябко, Ирис, — ответил парижанин, — а чай нас всех согреет.

Ирис улыбнулась Габриэлю и прошептала ему на ухо:

— Надеюсь, что сегодня вас согреет не только ароматный болотный напиток.

Потом Ирис повернулась в сторону соседки и закричала:

— Мадам Мишо, идите пить с нами чай, и я не буду сегодня петь!..

Кровавые маки

Ленуар проснулся от холода. Он попытался натянуть простыни на себя и на Ирис, но красавицы рядом не было, а из-за старой открытой двери в дом прокрадывался туман. Густой и холодный, он застыл у порога, как хозяин ночи. Дверь будто боялась шелохнуться и даже не скрипела. От холода изо рта Ленуара вырвалось облачко пара, и сыщик невольно задержал дыхание, а потом позвал:

— Ирис? Ирис, ты здесь?

Но его слова растворились в пелене тумана. Он сбросил с себя простыни, быстро натянул брюки и сорочку и прислушался. На дворе будто кто-то застонал.

— Ирис? Это ты? Ты меня слышишь? — крикнул Ленуар. Ему снова никто не ответил. Тогда сыщик быстро надел свои летние туфли на босу ногу и, не завязывая шнурки, шагнул в туман.

Утренние сумерки обступили его со всех сторон и обдали холодом. Ленуар несколько раз глубоко вздохнул, чтобы восстановить кровообращение и не дрожать всем телом от влаги, повисшей мелкими каплями в воздухе. Летние холщовые туфли

промокли от росы. Ленуар посмотрел направо, где они вчера вечером сидели у большого костра. Ирис нигде не было видно. Куда же она могла уйти в такую ночь? Ленуар сделал несколько неловких шагов к столу. При каждом движении туфли неприятно чавкали, утопая на полсантиметра в болотной земле. В воздухе пахло гнилью. В голове гудело. Почему он так быстро заснул? Ленуар всегда отличался чутким сном, но сегодня он спал как убитый. Воспоминания о вчерашней ночи смешались. Он подумал об Ирис, и по его телу снова пробежала дрожь. Где же она? Где эта чертовка, околдовавшая его сегодняшней ночью?

Тут он краем глаза уловил движение у ноги и от неожиданности замер. В траве блеснула черная чешуя гадюки. Змея быстро ползла вперед. Ленуар, как загипнотизированный, проследил за ней взглядом до тех пор, пока ее маленькое скользкое тело не зачернело на фоне белого пятна. Издалека в тумане было не разобрать. Может, это просто пень или скатерть? Или Ирис обронила вчера на землю шаль? Ленуар осторожно ступал по траве, пока не увидел, что это была не скатерть и не шаль. Это было белое платье. Ленуару вдруг стало очень зябко, он снова быстро задышал и упал на

колени. Перед ним лежала его ночная ведьма и волшебница, его болотная спутница, его… Он коснулся ее руки, и пальцы обдало холодом.

Из неестественно искореженного горла Ирис торчал деревянный кол, словно кто-то решил ее приколоть к квадрату болотного участка, как коллекционную бабочку. Вокруг раны вся шея была испачкана темными подтеками. Ленуар перевел взгляд на лицо девушки. Из ее окровавленного рта торчали красные маки. В тумане они сливались с кровью, и от этого лицо Ирис походило на жуткую маску.

— Боже! О боже, убивец! Убивец! Люди, помогите! — закричал кто-то рядом, и Ленуар не сразу понял, что это был голос старухи Мишо. От ее причитаний, от холода рук Ирис, от невыносимого запаха болота у Ленуара вдруг сильно заболела голова. Душу охватила вековая усталость. Он опустился рядом с Ирис на траву и, совершенно забыв о том, что здесь только что проползла гадюка, со стоном взглянул на девушку, с которой его свела судьба. Ирис сосредоточенно смотрела в небо, словно до сих пор видела там звездную россыпь.

Новый сержант

— Иди сюда, иди, что смотришь, выродок? Я тебе сейчас глазенки-то твои вырву! — Ленуар не сразу понял, что старик, которого с силой сдерживал комиссар, — отец Ирис. Нотариус и почетный гражданин города Буржа. Его взгляд горел таким огнем, который мог бы расплавить сургучную печать.

— Не волнуйтесь, мэтр Нурье, этот столичный хлыщ за все ответит! Одной каторгой за свои деяния он не отделается! — Главный комиссар Буржа тоже смотрел на Ленуара с ненавистью.

— Я ее не убивал, — попытался было оправдаться Ленуар и сам сразу почувствовал, насколько его слова прозвучали смешно и нелепо. У полицейского участка собралась толпа незнакомых людей. Никто его не знал, но все заранее верили, что этот парижанин в пижонской шелковой рубашке и с всклокоченными волосами — убийца и изверг. Люди в столицах испорченные, там пыль, и никто за этой пылью не видит себя в зеркале. Ни себя, ни своих поступков. Им на всех наплевать. Такие приезжают в провинциальный город и устраивают дебоши и разврат. Бога не

боятся. Но на этот раз молодой гаденыш попался. Его будут судить и повесят. А то они там думают, что могут убивать наших девушек и ничего им за это не будет. Будет!

Ленуар обвел глазами толпу и понял, что рассчитывать придется только на себя. Его грубо ударили по спине и затолкали под молчаливые проклятия толпы в полицейский участок, а там посадили за решетку.

— Комиссар, я ее не убивал!

— Кроме тебя, там никого не было, пацан, так что помолчи. Привык в своих столицах шалить и откупаться. Что лыбишься? Знаю, что у тебя дядюшка банкир. Я про тебя уже все знаю. Приехал сюда справочки наводить, как из наших людей побольше денег вытрясти, да? А потом заигрался. Но ты не на того замахнулся, пацан. Наш нотариус — уважаемый человек, и пусть его дочь — взбалмошная дура, но одна из нас. Так просто ее кровь со своих пальцев тебе не отмыть. Так что начинай молиться богу, чтобы он отпустил тебе грехи перед смертью.

— Вы же комиссар, вы должны провести расследование! — Габриэль не мог поверить своим ушам. Казалось, он ступил вчера одним кончиком носка в болото, так, просто попробовать, как

оно: уйдет стопа в воду или устоит, но его кто-то подтолкнул, и теперь он медленно погружался, и чем больше он будет трепыхаться, тем быстрее жижа накроет его с головой.

— Тебя видела сегодня утром мадам Мишо. Она, конечно, старая карга, но с глазами у нее все в порядке, — ответил толстый комиссар, поправляя блестящие пуговицы на своем кителе. — А вчера еще несколько человек видели, как ты смотрел на дочку нотариуса, и все они показали, что ты единственный, кто ночевал у нее в доме. Молись, пижон! Твои дни сочтены.

На этом комиссар вышел, и Габриэль остался за решеткой совсем один. Все происходящее походило на фарс, словно было и не с ним. На улице кричали, перед глазами то и дело всплывало лицо Ирис. У нее во рту были маки. Те, которыми она собиралась засеять осушенную часть болота и использовать их во благо прогресса медицинской науки. Цветы вспыхивали у него перед глазами ярко-алыми пятнами. Где он видел красные пятна на фоне зеленой травы? Мысли в голове смешались, закрутились, и тут он вспомнил. Габриэль посмотрел перед собой, словно не было решетки. А что, если эти странные люди действительно его повесят? Ленуар засунул руки в карманы и

нащупал холодный металл своего складного ножа. В этот момент колокола на соборе Св. Этьена пробили полдень. Надо было отсюда выбираться, и чем быстрее, тем лучше.

Время тянулось невыносимо медленно, и когда в участке наконец появился молоденький сержант, Габриэлю казалось, что скоро наступит ночь, хотя прошел от силы один час.

— Мсье, мне нужна вода, я видел, что у вас на углу колодец, принесите воды, — попросил Габриэль слабым голосом.

— Комиссар не велел мне с вами разговаривать, сидите тихо, — ответил сержант. По нему было видно, что он здесь новичок, и ему самому неприятно и страшно находиться в одном помещении с кровавым убийцей из Парижа. Он ерзал на стуле, но продолжал коситься на Габриэля. Все-таки любопытничал. Это хорошо.

— Сержант, прошу вас, я с вечера ничего не пил. Меня привезли сюда и обвинили в том, чего я не совершал. Здесь очень душно, принесите воды. Это же недалеко.

— Вы опасный убийца…

— И что, убийцам нельзя пить? Я ведь не прошу вас ни о чем, кроме воды.

Сержант посмотрел на жестяной ковшик, ко-

торый висел на крючке рядом с его стулом, и засомневался. Его узник не походил на головореза. Он откинул голову к стене и тяжело дышал. Все-таки он тоже человек, и если дать ему выпить воды, то ничего ведь такого не случится. Зато сержант потом сможет рассказать своей подружке Алис, как он благородно поступил и как коснулся руки настоящего убийцы. Такие в Бурже не каждый день появлялись. Да и сам он работает в полиции не так давно.

Подумав, сержант встал, взял ковш и вышел во двор, чтобы наполнить посудину колодезной водой.

Габриэль же приготовился действовать. Он разложил свой нож, вытащил из него длинную иглу и засунул ее в замок наручников. Старая система, как и сам Бурж, — замок щелкнул и поддался.

Тем временем сержант вернулся с ковшом и аккуратно, стараясь не пролить воду, поднес его к самой решетке.

— Вот, возьмите! — сказал он, протягивая свою ношу, но ковш через решетку не проходил. Тогда, замешкавшись, сержант опустил его на пол, достал ключ и осторожно приоткрыл дверь «скрипки». — Держите! Вы меня слышите? Я вам воды принес.

Габриэль медленно встал и подошел к сержанту, выпил с благодарностью весь ковшик воды и протянул его обратно. Однако стоило сержанту взять ковш, Габриэль сбросил свои оковы, одной рукой схватил охранника за запястье, выкрутил его руку за спину, а второй рукой зажал ему рот. Сержант заскулил.

— Тихо-тихо-тихо! Ты ничего плохого не сделал, слышишь? Ты освободил невинного человека, — прошептал Габриэль и быстро велел сержанту раздеваться, засовывая ему в рот платок.

Через пять минут из полицейского участка вышел сержант, только он словно вырос сантиметров на десять. Подмены никто во дворе не заметил. Сержант новенький, к нему еще не привыкли. Габриэль натянул чужую фуражку на глаза и быстро зашагал прочь.

Болотная ведьма

Сегодняшний день совсем не походил на вчерашний. Туман густой пеленой накрыл город и окрестности. Габриэль поежился. Все казалось незнакомым. Но, учитывая сложившиеся обстоятельства, он решил, что природа на его стороне. У реки Евр скопилось несколько лодок, и взять одну из них под прикрытием своего официального мундира не составило труда. Местные обитатели не знали в лицо «парижского головореза», а молодой сержант внушал доверие. Да и вряд ли Габриэля будут искать на болоте, где произошло убийство.

Вооружившись веслом, мнимый представитель власти погреб в сторону участка Ирис. Только бы не потеряться в этом лабиринте каналов. Как там говорила вчера девушка? «Три да пять, я иду тебя искать»? Третий канал, направо, потом пятый канал и оттуда уже будет виден дом.

На болоте деревья словно не тянулись ввысь, а разрастались в ширину, пытаясь зацепить своими ветвями лодочников. Плакучие ивы склоняли листву до самой воды. Низкие берега участков выставляли напоказ свои ободранные выдрами

бока, а покосившиеся от влажной почвы частоколы сбивали с пути. Габриэль, стоя, отталкивался палкой от илистого дна канала и считал: «Первый, второй…» Затем он повернул направо. На болоте в такую погоду, казалось, никого не было. Или это Габриэль не видел из-за тумана, что за ним наблюдают внимательные глаза местных жителей.

Добравшись до участка Ирис, он проплыл несколько метров дальше, остановился у дома болотной ведьмы и привязал свою лодку. Затем прошел по влажной траве к дому и заглянул в окно. Старуха расставила по углам свечи и кружилась в медленном танце по комнате. В руках она держала дымящийся пучок травы и при каждом движении что-то бубнила себе под нос. Габриэль вошел и плотно закрыл за собой дверь.

Старуха остановилась и выпучила на него глаза.

— Мой лягушонок?.. Ах, это ты? Прочь! Прочь отсюда, убивец! Уходи отсюда вон, чтобы глаза мои тебя больше не видели! — Карга выставила перед собой пучок своей пахучей травы, будто надеясь, что потусторонние силы защитят ее от непрошеного гостя.

— Мадам Мишо, хватит устраивать этот спек-

такль! — тихо сказал гость. — Меня зовут Габриэль Ленуар, и я никакой не убийца. Вы же видели меня вчера. Зачем мне убивать Ирис? Она мне нравилась!

Мадам Мишо замолчала и в ужасе продолжала на него глазеть, держа руки перед собой.

— Ты был в крови! Я все рассказала комиссару. Ты думаешь, просто так это тебе сойдет с рук? Нет, мы еще посмотрим, кто кого! Я все видела и все рассказала! Вот, клянусь перед богом! Ничего не утаила! Тебя повесят!

Габриэль сел за стол и потер глаза. От дыма и этого бессмысленного кудахтанья у него снова закружилась голова.

— Мадам Мишо, если так, то и вас тоже могут повесить! — сказал он твердым голосом. — Да, а чему вы удивляетесь? Разве не на вашем участке росли маки, которые убийца вставил в рот Ирис? Вы, наверное, и убили девушку, а теперь пытаетесь все скинуть на чужого, незнакомого вам человека.

— Я?! Я никого не убивала! Ты что несешь?! — вдруг пришла в себя старуха. — Кто тебя за язык-то тянет, такие гадости про меня говорить! Прокляну, ей-богу прокляну!

— Вы уж определитесь, кто вы такая: то в Гос-

пода нашего Всемогущего верите, а то невинного человека проклясть хотите. А бог ведь все видит… Все мы под богом ходим, все у него на ладони сидим. Я никого не убивал и никого убивать сейчас тоже не намерен. Лучше расскажите мне, что вы слышали в ту ночь? Вы же говорили, что сон у вас чуткий, что обычно, если любая птица мимо пролетит, вы ее тут же услышите. Так что вы слышали в ту ночь?

Старуха Мишо постояла еще с минуту, а потом сложила свои травы в тарелку на кухонном столе и села в кресло рядом с древней, видавшей, наверное, еще Наполеона печкой.

— Если ты хочешь узнать, слышала ли я, как ты ее убивал, то нет. Вчерашней ночью ничего я не слышала. Спала как убитая. Черт попутал, видимо, что я вообще к вам вчера пришла. За грехи мои усыпил меня насмерть. Обычно я и вправду слышу каждую тварь земную. Слышу, как змея ползет, слышу, как выдры мой частокол грызут, слышу, как Ирис песенки свои распевает перед сном… Но вчера я ничего не слышала. Как упала спать, так и спала до самого утра.

— А маки?

— А что маки? У меня твои маки росли, а ты их выдернул. Ирис каждый раз у них останавли-

валась, любовалась цветами, нежно проводила по ним кончиками пальцев. Она говорила, что маки для нее — символ радости и жизни. Хотела морфинисткой, наверное, стать, а не маками любоваться. Все так и говорили про нее: «морфинистка».

Мадам Мишо при этом плюнула в свои травки и зло покосилась на Габриэля.

— Я не срывал маки, вы ничего не слышали, и я тоже, хотя сон у меня обычно тоже чуткий. Чем вы занимаетесь на болоте? Почему вы живете здесь, а не в городе? Мне тоже люди говорили, что вы ведьма. Так все про вас и говорят. За глаза. Так вы ведьма, мадам Мишо, или нет?

— А кто так говорит? Пусть брешут, собаки нерезаные. Все они только и ждут, когда я умру, чтобы землю мою забрать себе. Все им мало, мало. Как этой Ирис. Я выращиваю мяту, вы же чувствуете запах? — От подожженной травы действительно несло мятой, Габриэль теперь отчетливо чувствовал это. — Свежей мятой нужно обкладывать дом, чтобы в нем не водились крысы. Здесь крыс нет, не любят они влагу, а в городе их полно. Иногда даже не знаешь, где больше: под домами или в самих домах. Ха-ха-ха! Только смерти моей ждут, эти крысы. А смерть она такая, наступит, когда

меньше всего ее ждешь.

При этом мадам Мишо оскалилась так, что Габриэль увидел ее желтые зубы и невольно снова поежился.

— Если вы ничего не слышали и не срывали свои маки, то кто это мог сделать? Вы же всех вчерашних гостей уже давно знаете? Кто держал на Ирис зуб?

Старуха посмотрела в окно, словно увидела там привидение, и быстро зашептала:

— Она была такая красавица, такая умница… Никто не желал ей зла. Все ее любили. — Ведьма улыбнулась безумной улыбкой, будто говорила совсем не об Ирис, а о своей юности. — Однажды даже Жан был ко мне добр. Он всегда нас поддерживает, болотных жителей. В городе нас не любили, а он любил. Я была сестрой в монастыре сестер милосердия. Когда туман рассеивается, его видно отсюда. А потом ушла из монастыря.

Затем старуха снова посмотрела на Габриэля и сказала:

— Ирис убил отец Марк. Он приезжал к нам в монастырь, проповеди читал. Он скупил несколько полей чуть дальше от Буржа, около Св. Дульшара, поставил парники и выращивает там лекарственные травы. Он ненавидел Ирис,

потому что она тоже хотела помогать людям. Он верил в то, что помогать людям может только он. И все его за это будут всегда благодарить. Спасибо, отец Марк! Спасибо, дай бог вам здоровья, что бы мы без вас делали? Вот такой это человечек, с гордыней. А ведь гордыня — главный смертный грех. Ненавидит он меня с тех самых пор, как я из монастыря-то ушла на болото и тоже стала здесь помогать людям. Только я все делаю в уголочке, нет у меня столько денег, чтобы поля скупать да травки и микстуры продавать аптекарям. Я все по-маленькому, по-тихому делаю. Никому не мешаю жить. А Ирис так не умела. Вот и не стало Ирис, аленького нашего цветочка. Слишком громко она говорила, вот и проткнули ей горло, лапушке нашей, гадючке нашей подколодной…

Габриэль внимательно слушал, но никак не мог взять в толк, бредит старуха или говорит правду. В ее словах, казалось, не было никакого смысла. То она превозносила Ирис, то ругала ее. Одно было ясно: убийца не она. Но если комиссар поверил ее первому свидетельству против Габриэля, значит, настоящий убийца предвидел, как все произойдет. Значит, ему выгодно, чтобы обвинили Габриэля, и комиссар с ним заодно.

— А кто такой Лягушонок? — спросил он вслух.

Старуха вдруг встрепенулась и с ужасом посмотрела на Габриэля, словно увидела его в первый раз.

— Ирис, эта гадина, — ее все ненавидели, она змея подколодная, у которой не было ни стыда ни совести! — сказала она. — И ты правильно сделал, что убил ее, мальчик! Так ей и надо, этой стерве! А теперь вон из моего дома, убивец! А не то прокляну! Ха-ха-ха! Ты знаешь, что стоит проклятие старухи Мишо? Ирис тоже не верила, а теперь ее съело это болото. Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Старуха захохотала и никак не могла остановиться, захлебываясь от злости и смеха. Габриэль вышел из дома, и даже это болото, с его туманом и корягами, то здесь, то там торчащими из-под воды, не казалось ему теперь таким зловещим по сравнению с домом болотной ведьмы.

Любитель травы

В церкви Сент-Барб в этот день собрались на мессу. Из-за тумана люди спешили укрыться. Шальной ветер раскачивал колокол на колокольне, а отец Марк вел службу. Он говорил о том, что мы не знаем, сколько нам времени отведено на этой земле, и что каждый должен делать все, чтобы настоящее служило будущему и люди становились лучше и здоровее. Отец Марк был прекрасным оратором. Когда он поднимался на кафедру, то словно преображался. Наверное, он до сих пор репетировал свои речи перед зеркалом, потому что говорил очень уверенно. Все прихожане внимали ему, и каждое произнесенное слово отзывалось эхом в их сердцах.

Габриэль не причащался, но выждал момент и, когда люди начали неохотно расходиться, отправился в исповедальню к отцу Марку.

— Приди, Святой Дух, и просвети мой разум, чтобы я лучше осознал свои грехи; побуди мою волю и мое сердце к подлинному раскаянию в них, к искренней исповеди и решительному исправлению своей жизни, — сказал тихо Габриэль Ленуар, садясь на колени.

— Это вы?! — не выдержал священник. — Вас весь город ищет! Как вы смеете осквернять своим присутствием мой приход?

— Я пришел не к вам, мой отец, а на исповедь, — ответил Габриэль, ничуть не повысив голос. — Правило тайны исповеди распространяется и на вас, и на ваш приход, верно? Помните? Тайна исповеди нерушима.

Отец Марк замялся и хотел было что-то сказать, но в конце концов пробормотал благословение и обратился в слух.

— Какой грех вы взяли на душу, молодой человек? И главное — зачем? Ирис и так была от вас без ума.

— Я ее не убивал.

— Что? Тогда зачем вы сюда пришли? Мадам Мишо вас видела… — увереннее сказал отец Марк. Обвинять у него всегда получалось хорошо, ведь за спиной священника стояли католическая церковь и божья справедливость. — Каждому воздастся по деяниям его…

— Она и вас видела в ту ночь, и всех остальных участников нашего милого вечера вокруг костра. Мало ли что ей может померещиться. В голове у нее много всяких мыслей, и они сменяют друг друга с каждым дуновением ветра. Теперь она

обвиняет во всем не только меня, но и вас, отец Марк.

— Меня? — тут голос священника резко изменился, стал на октаву выше. — Старая ведьма, она меня всегда не любила. Бес у нее в голове, чуете, что говорю? Бес! Он ей велел и от сестер милосердия уйти. Ну кто уходит из святого, намоленного места, чтобы жить на болоте, где витают духи умерших? Тьфу, а не баба!

— На болоте ее принимают за знахарку, не только ведьмой считают, — возразил Ленуар.

— Ведьма — она и есть ведьма, — все больше закипал отец Марк. — Она же ничего не лечит, только травками окуривает дома и деньги за это берет.

— Говорят, что она лечит душу, а это дорогого стоит, разве нет? Разве церковь не берет денег?

— Церковь берет подаяния, а не плату за свои услуги, молодой человек. Бог спасает душу, а не сумасшедшие старухи! О, Господи, помилуй! Вечно она на меня наговаривает, эта Мишо! А что я ей сделал? Прочитал проповедь у них в монастыре, что любострастие — это грех, особенно для монашки? Ее потом и попросили… того. Я только через несколько месяцев тогда понял, что она беременная была и что я все верно догадался, что

моя проповедь пришлась им очень к месту! Загуляла тогда наша красавица и обрюхатилась…

— Это правда, что вы скупили несколько полей у Св. Дульшара, чтобы выращивать на них медицинские травы, а потом продавать их аптекарям Буржа? — спросил Габриэль, рассчитывая на эффект неожиданности.

— Да, правда! Истинная правда! — с чувством ответил отец Марк и немного успокоился. — И это не просто заговоренные травки, мы будем действовать по науке! Мне помогает за ними следить наш Брюно. Он еще учится, но очень силен в ботанике. От его рук все растет. Хороший мальчик.

— Значит, предприятие Ирис все-таки составило бы вам конкуренцию, разве не так? — продолжал задавать вопросы Габриэль.

— Что? Ха-ха! Какую конкуренцию, ну какую? Помилуйте! Пьюх… Ирис была грубой и вульгарной девчонкой, она совсем не разбиралась в растениях. Ей только хотелось родительской любви, чтобы ее похвалили, чтобы сказали, что она все делает хорошо. Но ее родители — приличные люди, как они могли поддержать ее «морфинистический» прожект? Помилуйте! Еще этого не хватало! У них же репутация!

— Так почему вы позволяли ей рассказывать о своем прожекте обитателям болота, раз нотариус не поддерживал капризы дочери? — не унимался Ленуар. Ему казалось, что отец Марк все время что-то недоговаривает.

— Родители Ирис, мэтр Нурье и мадам, всегда проявляли большую щедрость к нашему приходу. Наша церковь рядом с болотом, она защищает умы его обитателей от пагубного влияния, понимаете? Приход Уильяма де Сент-Барб — один из старейших в Бурже, это оплот католической церкви, — ответил, чуть помедлив, отец Марк.

— Так, значит, и здесь замешаны деньги, — подытожил Габриэль.

— Деньги деньгам рознь, молодой человек! У нас ведь не Клондайк, где все без веры живут, а денег собирают много. У нас Бурж, здесь все работают и несут в церковь кровью и потом заработанные деньги. И я считаю, что нашим людям нужно помогать, чтобы они были здоровыми и продолжали жить как можно дольше, поддерживали, так сказать, наши традиции, проверенные веками, понимаете?

— Если бы Ирис засеяла поля опийными маками, то ваше предприятие по выращиванию медицинских трав быстро бы обанкротилось,

отец Марк, вот что я понимаю. А за такое можно и убить, правильно?

Тут отец Марк не выдержал, вышел из исповедальни и громко закричал:

— Люди, хватайте убийцу! Среди нас убийца! Он сбежал из полицейского участка! Это он убил дочь нотариуса! Арестуйте его!

Все закричали, засуетились, и Габриэль Ленуар выпрыгнул из исповедальни и припустил в сторону выхода. В этот момент нестройно загремел колокол церкви Сент-Бард. Воспользовавшись всеобщим замешательством, Габриэль ретировался, но, добежав до двери, понял, что дальше не пройдет. Перед ним во весь рост возвышался Жан Редон, председатель Союза жителей болота. Габриэля крепко схватили за руки, и он понял: эти церемониться не станут.

Ботаник

— Сажайте его ко мне в повозку! — прогремел Редон. — Я отвезу его к комиссару!

Несколько человек подхватили Ленуара, и он сам не понял, как оказался с завязанными руками в запряженной лошадьми телеге, в которой председатель Союза жителей болота обычно перевозил овощи и мясо.

— Давай, Каштан, трогай! — обратился к своему коню Редон, легонько хлестнул его по правому боку, и телега покатилась вдоль болота в сторону Буржа.

Однако через сотню метров ее снова охватил туман, и Редон повернул на соседнюю улицу в обратном направлении. Габриэль недоумевал, куда они едут, но обрадовался, когда понял, что Редон везет его не в полицейский участок, а в другое место.

— Мсье Редон, я не убивал Ирис! — сказал он. — Вы должны провести расследование. Я только переночевал в ее доме!

— Верю, мальчик, верю! — отозвался Редон и остановился у лодочного причала реки Евр. — Мы не дадим тебя повесить. Ирис убила старая карга

Мишо, у нее на участке как раз такие маки росли. Она ненормальная, совсем с ума сошла в последнее время. Померещилось, наверное, что-то, вот она Ирис и убила.

— Это могла сделать не только она, но и отец Марк, и Брюно, и даже вы… — ответил Габриэль.

Редон рассмеялся.

— Я в этот момент был с Брюно, этот ботаник разве что время убивает. Дрых, как пес без задних лап, у меня дома. До своего участка уже сил не хватало догрести.

Они пересели в лодку, Редон оттолкнулся от берега длинным шестом и поплыл.

— Сегодня ты переночуешь у Брюно.

— Развяжите мне руки.

— Успеем, мальчик, успеем. Сейчас главное спрятать тебя от чужих глаз.

Через двадцать минут они прибыли на место. Домик Брюно находился в глубине участка и больше походил на летнюю кухню, чем на жилое помещение. Все пространство до домика занимали парники.

Из одного из них вышел раскрасневшийся ботаник. В руках у него был большой кол, который он зачищал ножом, то и дело поправляя свои разбитые очки. Габриэль сглотнул: такой же острой

деревянной палкой кто-то заколол Ирис. Веревки у него на руках стали жать еще сильнее.

— А-а, вы уже здесь, — тихим простуженным голосом сказал Брюно. — Мсье Редон, ведите его ко мне, а сами можете отправляться спать. Уже смеркается.

— До завтра у тебя побудет, а наутро пусть уезжает в свой Париж, от греха подальше, — ответил председатель Союза жителей болота. — У тебя есть чем нашего Дон Жуана накормить? Да и чаем его своим травяным не забудь попотчевать. Габриэль небось продрог, пока мы сюда добирались. Я утром за ним вернусь.

Брюно ухмыльнулся и кивнул. Редон кивнул в ответ, сел в лодку и отчалил.

Габриэль посмотрел на Брюно и его палку, и его мускулы невольно напряглись.

— Пойдем, — сказал тот.

Они зашли в крошечный дом. Все полки в нем были уставлены склянками и горшками с различными растениями, а на единственном столе посреди комнаты собрались колбы разных размеров и форм, реторты, пипетки, микроскоп и кристаллизаторы. Брюно поставил в угол свою палку, и тут Габриэль увидел, что там стоял уже с десяток таких новеньких, с ободранной корой па-

лок. И у всех у них один из концов был заострен.

— А, это? Это я делаю заготовки для жителей нашего болота. У всех же частокол, а почва вечно проседает, знаете ли, не на холме живем и не в лесу. Палки частоколов расходятся в разные стороны, их часто нужно менять. Я мелкие делаю для деревянных ежей от выдр, иначе выдры все берега обдирают, да еще и на участки ко многим заглядывают.

— Таким же колом была убита Ирис, — заметил вслух Габриэль.

— Да, я видел, но таких колов на болоте, что лягушек. Они в каждом заборе. Я их делаю на продажу, чтобы подводить месячный баланс своих доходов. — Брюно пожал плечами, словно в этом ничего странного не было, а занимался он выпечкой булочек с миндалем.

— Развяжите мне руки, — попросил Габриэль.

— А месье Редон разрешил? Ну, тогда сейчас-сейчас… — Брюно засуетился в поисках ножа или ножниц, пока не вспомнил, что один острый нож, которым он снимал кору с палки, висел у него на поясе. Он разрезал веревки Габриэлю и начал готовить ужин: разогрел пару лепешек и суп, а потом заварил чай.

— Вы занимаетесь ботаникой? Зачем вам эта

химическая лаборатория? — спросил Габриэль.

— А ваше какое дело? — ответил Брюно, серьезно посмотрев на своего гостя, а потом рассмеялся: — Да шучу я, шучу! У каждого на болоте есть свой огород, а у меня травки разные, цветочки. Здесь им раздолье, а тех, кому холодно, я накрываю стеклом, чтобы создать благоприятные условия для их роста. А потом ставлю разные опыты, готовлю чай. Мой чай пользуется у многих большой популярностью, знаете ли. Дикий цикорий, или «кошачьи глаза», — для тонуса и очищения кишечника, чай на речной солодке — от ревматизма. Двадцать граммов на литр воды достаточно, чтобы снять приступ. Главное не больше, иначе вырвет. Колокольчики наперстянки успокаивают сердечный ритм. На болоте она плохо растет, предпочитает песчаные почвы, но на полях отца Марка вырастет без проблем. Там посуше.

— Вы их отцу Марку продаете?

— У меня многие покупают чай, и отцу Марку мои чаи тоже очень нравятся. А еще он часто ко мне захаживает на травки посмотреть, спрашивает, чем лучше засадить его поля, чтобы лекарства потом аптекарям продавать. Для этого я тут лабораторию и держу. У нас все по науке

будет. Ставлю опыты, записываю рецепты, и никаких заговоров. Все с божьей помощью.

Пока Брюно готовил и болтал, Габриэль растер свои запястья, чтобы разогреть озябшие руки, а потом спросил:

— Вы тоже верите, что убийца Ирис — старуха Мишо?

— Тут два варианта: Ирис убили либо вы, либо она. У Ирис участок примыкает к дому болотной ведьмы. Редон думает, что убийца — старуха Мишо… Она и вправду ненормальная. Ее многие здесь опасаются, и Ирис она не любила. Ирис — человек общества, она не могла выносить болотную тишину. Вечно устраивала здесь вечера, концерты, даже один раз карнавал затеяла. Сказала: «Пусть будет все, как в Венеции. У нас ведь тоже столько каналов!» Всех обрядила в костюмы и маски, раздала бумажные фонарики. Целая история тогда была. А Мишо места себе не находила из-за этого шума и гама. Ненавидела она Ирис. И Ирис всегда ее побаивалась.

Брюно поставил на краешек стола с колбами две тарелки с похлебкой, разломил первую лепешку и протянул своему гостю. Габриэль попробовал суп и с благодарностью закивал, чувствуя, как тепло разливается по его телу.

— А почему все боялись старуху Мишо? — спросил он. — Она мне сказала, что ее, наоборот, ценят за то, что она умеет лечить души.

Ботаник засмеялся и закашлялся.

— Конечно. Только тот, кто умеет лечить души, умеет и калечить души. Ведь способ воздействия на такие тонкие материи один и тот же. Сила действия равна силе противодействия, правильно?

— Она кому-то сломала жизнь?

— К ней приходили не только душу лечить, но и порчу наводить. Когда она была молодая, чтобы ребенка своего вырастить, брала деньги и за порчу. У нас на болоте до сих пор говорят, что от ее проклятья никому еще не удавалось спастись. Она тогда много денег заработала, чтобы сына в хорошую семинарию отправить учиться, — ответил Брюно и поковырялся в зубах ногтем.

— И получилось у нее? Сына в семинарию отправить получилось? — спросил Габриэль.

— Так сын ее не хотел учиться в семинарии, он хотел поступить в коммерческое училище, и работать, как вы, Габриэль, в банке или бухгалтерский учет вести в международном обществе. Как только она ему денег-то дала, он сразу уехал отсюда. Раньше участок Ирис принадлежал старухе Мишо, а в доме том как раз и жил ее сын.

Ирис, получается, у нее отобрала и землю, и воспоминания о сыне.

— А вы откуда знаете про порчу? Об этом же так просто не рассказывают. Все в тайне держат.

— Так и Мишо тоже тайно все делала. Только сын записывал все ее денежные операции. Говорю же, бухгалтером хотел стать. Упражнялся, знаете ли. Так вот, я когда у Мишо выкупил одну из ее книг рецептов о воздействии мяты на человека, там в самом конце оказалось несколько исписанных листов. Список клиентов болотной ведьмы, зарегистрированный ее сыном. Хотите взглянуть?

Брюно вытащил с верхней полки старую толстую тетрадь, которую он называл почему-то «книгой», и протянул ее Габриэлю.

— Вы же банкир, вам будет любопытно. А я пока свой чай заварю, успокоительный.

Габриэль открыл тетрадь. К страницам были приклеены разные виды мяты, с описаниями и рецептами, как за ней ухаживать и заваривать. А в конце другим, очень мелким почерком был выведен список. Габриэль провел по нему указательным пальцем: «Аптекарь Ангус — порча — 125 франков (Ф. К.) — потерял правую руку; Мясник Роже Н. — порча — 160 франков — от-

рубил себе пальцы (Н. Д.); Портниха Анастасия Курси — проклятье — 230 франков — умерла при родах (мадам К. С.); Нотариус — проклятье — 300 франков (мой Ж.) — …»

Странно, напротив нотариуса стояла самая большая сумма, а заказчик обозначен только «мой Ж». Своего сына старуха Мишо звала ведь не Жак, а Лягушонок. Кому же понадобилось проклинать нотариуса? И почему справа не написано, что с ним случилось?

— А вот и чай! — сказал Брюно. — Держите!

Ботаник протянул свой чай Габриэлю, и тот вздрогнул.

— Брюно, напомните, как фамилия вашего нотариуса?

— Нотариуса? А почему вы про него спрашиваете? Нотариус — это отец Ирис, Франсуа Нурье.

— Значит, выходит, что Ирис действительно убила старуха Мишо. Посмотрите, здесь написано, что она по чьей-то просьбе прокляла нотариуса. А если он больше всего в жизни любил дочь, то его проклятие — это смерть дочери, смерть Ирис.

Лицо Брюно исказилось, и он прошептал:

— Да вы пейте чай, господин Ленуар из Парижа, пейте… Он вас сразу успокоит. Что сейчас-то из-за этого волноваться…

Габриэль выпил несколько глотков, а потом вспомнил, что, сидя вокруг костра, они тоже пили какой-то очень ароматный чай, и заварил его тогда Брюно. Второе имя Брюно было Жерар. Старуха Мишо написала в списке «Мой Ж.»

— Брюно, вы и есть сын болотной ведьмы? — спросил Габриэль и почувствовал, как начинает кружиться у него голова. Все эти травы, колбы, духота и запах болота, перемешанный с запахом круто заваренного чая, который его успокаивает, очень быстро успокаивает… — Вот почему у вас тетрадь с ее записями. Вы их не покупали, вы просто забрали их у матери! И никакой вы не бухгалтер, а ботаник… Это вы нас в ту ночь напоили чаем, чтобы мы заснули и никто ничего не слышал!

Ботаник встал, не спеша взял в руки свой новенький кол и подошел к Габриэлю.

— Я вижу, что мой чай действительно сегодня удался на славу. В ту ночь я думал, что эффект будет быстрее, а вы успели за это время втереться в доверие к моей Ирис. Болотная ведьма действительно моя мать и записи тоже мои. Я мечтал стать бухгалтером, а не осесть вместе со всеми на этом болоте. Но выяснилось, что мои арифметические таланты и знание трав могут мне

принести здесь гораздо большую прибыль. Отец Марк очень щедр, и я зарабатываю больше, чем бухгалтер в мэрии Буржа.

Брюно замахнулся на Габриэля колом и прошипел:

— Ты убил ее, как бабочку, значит, тебе уготована такая же смерть. Я проткну тебя насквозь этим колом, и ты захлебнешься в своей крови. Мою мать обвинят в убийстве, но она уже сумасшедшая, поэтому вешать ее не будут. Я любил Ирис, а потом приехал ты, и все пошло не так. Все пошло не так, как я планировал. Она должна была пригласить к себе в дом меня, а не тебя. Убийца!

Руки Брюно дрожали, он кричал снова и снова, но никак не мог нанести удар. Между тем Габриэль попробовал встать, но голова очень кружилась, он пошатнулся и упал на пол.

— Скоро придет мсье Редон, Брюно! Брось эти глупости, я ее не убивал! И мать твоя не могла ее убить, у нее бы сил не хватило вытащить девушку на траву и проткнуть ей горло!

— Ты отобрал у меня все, глупец! И мсье Редон не придет! Я заплатил ему, чтобы он тебя сюда привез и чтобы я с тобой разобрался по-мужски.

— Но существует закон, ты не можешь вершить самосуд! И ведь я ее не убивал!

— На болоте свои законы, парижанин. Здесь все решаем мы сами.

При этом Брюно наконец набрался смелости и нанес свой первый удар. Бам! Кол вошел и застрял между половыми досками в сантиметре от горла Габриэля. Тот повернул голову, но каждое движение теперь давалось с большим трудом. Тело словно больше ему не принадлежало.

— Ты украл у меня Ирис! Самый главный цветок в моей жизни! — Брюно пытался выдернуть кол из половиц, но у него никак не получалось. Тогда Габриэль из последних сил сбил ботаника с ног и навалился на него всем весом своего тела. Брюно фыркал, пытался вывернуться, брыкался, но ничего не мог поделать. Наконец он заплакал от бессилия и отчаяния и сказал: — Ты победил, парижанин. Ты забрал ее у меня, а я не могу даже отомстить тебе за свою любовь!

— Может, я и украл у тебя Ирис, но я ее не убивал, Брюно. Зато теперь я знаю, что и ты ее не убивал.

— Тогда кто мог это сделать? Отец Марк не всегда ночует на болоте, и в ту ночь он тоже отправился к себе, в дом рядом с церковью Сент-Бард.

— Брюно, если это не мы, тогда остается только

один человек. Как ты сказал: ты попросил меня сюда привезти мсье Редона? И он всегда тебе идет навстречу? Даже сейчас, когда он знал, что ты попытаешься меня убить, он благородно, как настоящий председатель Союза жителей болота предложил тебе руку помощи, так? А почему, Брюно? Зачем ему это понадобилось? Твоя мать, болотная ведьма, написала «мой Ж.» — это она не про тебя, а про Жана Редона. Почему она назвала его «мой Ж.»? Они раньше встречались? Это он убил Ирис! Ваш председатель.

Брюно как-то в одну секунду обмяк, словно последние силы оставили его. Из глаз ботаника катились слезы, и все очки уже давно запотели, но он перестал всхлипывать и трястись. Еще с минуту он лежал как убитый. Габриэль понял, что на этот раз попал в самую точку и освободил своего горе-мстителя. Они оба сели и прислонились к шкафу. Затем Брюно встал и налил Габриэлю жидкости из розовой колбы.

— На вот, выпей, это поможет вызвать рвоту, и сон пройдет, — сказал он. — Они действительно когда-то любили друг друга, но вместе я никогда их не видел. Мать рассказывала мне в детстве, что ушла из монастыря, потому что ее соблазнил Король болота и подарил ей сына. Сколько бы

я ни упрашивал ее рассказать мне правду, она всегда молчала. Я думал, что это легенда, сказка, которую она придумала, чтобы оправдать то, что она стала болотной ведьмой. Но, видишь, получается, это я всю жизнь прожил в сказке, которую придумал сам для себя.

Габриэля вырвало, но запахи болота и трав никак не хотели оставлять его в покое.

— Скоро придет председатель, — сказал он растерянному Брюно. — Ну, ты сказал ему, что убьешь меня, значит, первое убийство, убийство Ирис он тоже на тебя спишет. Один и тот же почерк, ты разбираешься в травах, а болотная ведьма — твоя мать. На этом все будет кончено. Он не вернется сам, он вернется с полицией, как настоящий Король болота. Уходим отсюда! Мне нужно кое-что проверить в городе. Если получится, тогда мы оба выкарабкаемся из этой тины.

Габриэль прихватил тетрадь мадам Мишо и вместе с ботаником, пошатываясь, пошлепал по влажной, хлюпающей траве к лодке. Фонарей они с собой брать не стали. Брюно — дитя болота — знал все наизусть и без фонарей.

Не доплывая до причала реки Евр, они услышали шум копыт. Там уже собирались толпа зевак и полиция. Все, как говорил Габриэль. Брюно стис-

нул зубы и резко развернул лодку так, чтобы она въехала в камыши. Они замерли, прислушиваясь. Голоса становились все отчетливее. Парадом командовал Жан Редон.

— Пожалуйте, господин комиссар. Мы его поймали, бегуна вашего. Брюно его усыпил, и теперь никто не остановит правосудие. Вы видите, без меня вам здесь ничего не решить. Жан Редон поддерживает порядок на своем болоте.

Брюно вылез из лодки и по грудь погрузился в воду. Габриэль последовал его примеру. Они медленно продвигались через заросли камышей, пока не достигли берега. Выйдя на твердую землю, Габриэль снова почувствовал себя человеком. Он точно не дитя болота.

— За мной, — скомандовал Брюно, перебегая к зарослям ясеней и ив. — Пройдем через рощу, иначе по дороге нас скрутят. Куда тебе нужно?

— Мне нужно к нотариусу. Вернее, в его архивы.

— К мсье Нурье? Но он же…

— У нас остался нерешенным еще один вопрос: зачем Король болота решил проклясть нотариуса?

Старые архивы

От звона разбившегося стекла Брюно снова задрожал, но Габриэль решил не мешкать и перекинул ногу через раму большого окна.

В архиве было тихо и пыльно, пахло воском. Брюно закашлялся. На стене висела доска, на которой светилось золотыми буквами имя хозяина архива: «Нотариус Франсуа Нурье».

Старые бумаги были аккуратно разложены по шести огромным шкафам, и из каждой папки торчала закладка из красного атласа с цифрами и первыми буквами фамилий. К нотариусу обращался весь город — папок было море. Габриэль начал искать: «Реден», «Реджон», «Редон»…

— Брюно, кажется, я нашел!

Ботаник чихнул, открыл стеклянную дверь и вытащил толстую папку, в которой лежали документы на семью Редон. Габриэль посмотрел в конец, вытащил с десяток документов и вырезок из газет на имя Жан Редон и начал методично их просматривать.

— Мы здесь будем всю ночь искать иголку в стоге сена, — вздохнул Брюно.

— Нет, посмотри, я нашел статью, где дана

краткая биография мсье Редона. Здесь написано, что он вырос в семье адвоката и два раза участвовал в выборах мэра города Буржа, но оба раза не добирал голосов. Второй раз он был очень близок к победе, но сам Франсуа Нурье тоже баллотировался в том году на пост мэра и рассказал, что Редон совратил малолетнюю монахиню из Монастыря сестер милосердия. Вот здесь вырезка из газеты, где цитируют отца Ирис. Он заявил, что «Редону с такой подмоченной репутацией только в болоте утопиться, а не участвовать в выборах в мэры». На этом политическая карьера Редона закончилась, и он, видимо, тогда и попросил мадам Мишо проклясть нотариуса.

— А Ирис здесь при чем? — спросил озадаченный Брюно.

— Она бросила вызов Королю болота, когда начала скупать участки и угрожала засеять часть болота маками и установить свои порядки. Редон сколько правит на болоте?

— Сколько себя помню…

— Правильно, с твоего рождения, то есть после выборов, где ему посоветовали «утопиться в болоте», он пришел на болото и засеял свой участок желтыми цветочками. Помнишь, он говорил, что на его участке растут только сорняки, что он

заботится о благополучии остальных жителей болота, а не о своем собственном? Так вот, ты же ботаник, какие на его участке растут цветы?

— Болотные лилии, — тихо ответил Брюно.

— Правильно, потому что он — настоящий Король болота и выращивать может только цветы, которые стали символом королевской власти во Франции. Не маки и не ирисы, понимаешь? А болотные лилии!

Брюно смотрел в разбитое окно и вспоминал о том, как смеялась Ирис.

Затем они сели с Габриэлем на пол и собрали все документы вместе. Завтра предстояло совершить Первую болотную революцию и сместить короля Жана Редона.

Король болота

Мать всегда готовила ему горячее молоко по утрам и называла ангелочком.

— Выпей, мой ангел, ты для меня самый лучший! — приговаривала она, гладя своего двадцатипятилетнего Жана по голове.

— Мама…

— Нет, ты самый лучший, самый умный и благородный из всех! Тебя ждет великое будущее, мой ангел. Ты пойдешь в отца, только не в медицине, а на гражданской службе. Выборы уже завтра, и ты станешь мэром нашего города. Я всем буду рассказывать, какой мой сын молодец. Мне будет чем гордиться. Мой ангел, мой Жан, и вдруг мэр города! Все соседи увидят, какого сына я воспитала. Ты у меня один ребенок, поэтому тебе пришлось нелегко, но теперь с моей поддержкой ты достигнешь всего, чего пожелаешь. Бурж — маленький, но очень древний город. Стать мэром этого города дано не каждому. А тебя люди любят. Ты самый лучший, ты должен стать мэром!

— Мама, я хотел тебе кое-что рассказать… Я…

— Не сейчас мой милый, не сейчас! Мне еще нужно приготовить платье на твою инвеституру.

Как ты думаешь, темно-синий подойдет? Или лучше выбрать желтое платье, как цвет королевских лилий? Думаю, сочетаться будет замечательно.

— Мама…

— Нет, ты меня послушай! Утри сопли и иди собирайся. Завтра тебя ждут великие дела. Завтра я стану матерью мэра Буржа, и уже никто не сможет посмотреть на меня свысока.

Лия Виата
Мой тайный (не)доброжелатель

Глава 1

Весна — самое ответственное время для многих жителей Сент-Ривера. Выпускники школы готовятся к экзаменам, хозяева магазинов меняют ассортимент товаров на летний в преддверии приближающейся жары, а моя семья готовит наш любимый город к празднику в честь его основания. Для нас весна — это не просто очередное время года. Это сезон чести, профессионализма и гордости.

Бабушка дрожащей рукой накапала себе успокаивающее лекарство в кружку, приговаривая:

— Все пропало, мы пропали…

Мама стерла с оливкового цвета щеки одинокую слезу кружевным платочком и сильнее укуталась в разноцветный платок. Папа потер виски руками и положил с тихим шуршанием на стол документы. От серьезного взгляда его карих глаз младшие сестры вздрогнули.

— Мы не успеем, — как приговор произнес он.

Бабушка схватилась за сердце.

— Матушка!

Мама подскочила на ноги и кинулась к ней. Я сжала руки в кулаки и, решившись, встала со

старенького дивана в желтый цветочек.

— Я это сделаю, — твердо и уверенно заявила я.

— Алетрис, сядь, — спокойно, но властно распорядился отец.

— Я справлюсь, папа. Мне уже почти восемнадцать…

— Вот именно. Тебе почти восемнадцать, и у тебя на носу экзамены и поступление в университет. Ты же хочешь продолжить семейное дело и стать хорошим флористом, а не абы каким? — хмуро прервал меня он.

Я насупилась. Отец всегда знал, на что следует надавить. Флористом я мечтала стать с тех самых пор, как услышала это слово впервые. В обычное время я уже сдалась бы и поступила, как он просит, но сейчас семья оказалась в огромной беде, поэтому, собравшись с силами, я продолжила стоять на своем:

— Папочка, неужели ты думаешь, что на меня совсем уж нельзя положиться?

Мне пришлось состроить жалобную мордашку. Отец вздохнул и задумался. Ситуация в этот раз действительно была из ряда вон выходящая. Моя семья занималась цветами уже более двухсот лет. Нас всех даже звали на цветочный манер в честь этого дела. Бабушке в свое время дали

имя Марьям (каф марьям), мою маму, свою дочь, она назвала Райзан (роза), а мы, их внучки и дети, получили имена Алетрис, Лита (сад) и Белл (колокольчик). В общем, подвести династию флористов означало для нас немыслимый позор, а сейчас мы находились на грани этого.

Весна в Сент-Ривере всегда означала для жителей запах праздника и цветов, которыми мы украшали улицы по заказу мэрии. Заставить весь город цветами — задача не из легких. Нужно следить за рабочими, оранжереей, временем цветения, температурой и эстетикой. За свою жизнь я множество раз помогала родителям в подготовке, но ни разу не была в роли главного ответственного за несколько улиц лица. Вот надо же было заместителю отца ногу так не вовремя сломать!

— Хорошо. Возьми на себя улицу Магнолий и бульвар Ирисов.

— Хайдар! — негодующе воскликнула мама.

— Я принял решение, Райзан. Алетрис права. Нам необходима ее помощь. Я не смогу найти другого настолько компетентного помощника, разбирающегося в цветах, за такой короткий срок. Более того, Лите и Белл тоже придется нам помочь.

— Просто супер, прощай макияж… — начала ныть Лита.

Я снисходительно ей улыбнулась. Из нас всех Лите приходилось сложнее всего. Она умудрилась родиться склонным к аллергии ребенком, и, к сожалению, к ее тринадцати годам ничего не изменилось. Родители по возможности старались держать ее от цветов подальше, но это не всегда получалось. В лучшем случае у нее закладывало нос и немного слезились глаза. В худшем — она могла из-за нового растения угодить в больницу почти на месяц.

— А мне тоже дадут целую улицу украшать? — маленькая Белл захлопала своими огромными карими глазами.

— Конечно, цветочек, но позже, — мягко ответил ей папа.

Белл надула губы, но спорить не стала. В свои семь она была достаточно понимающим и добрым ребенком. Мы все души в ней не чаяли.

— Алетрис, иди сюда, милая, — попросила бабушка.

Я подошла к ней ближе и взяла ее за руку. Она убрала с лица прядь моих черных прямых волос, заставив меня поежиться от прикосновения к уху.

— Я согласна с Хайдаром. Ты справишься, только прошу, не переусердствуй, — серьезно сказала она.

— Бабушка, не переживай так сильно, а то могут начаться проблемы со здоровьем, — сказала я, погладила ее по руке и улыбнулась.

Лицо у нее стало еще строже.

— Пообещай мне не изводить себя, — вновь попыталась достучаться она.

Я положила руку на сердце и ответила:

— Клянусь, работа будет выполнена в лучшем виде. Положитесь на меня!

Бабушка тяжело вздохнула, а родители взволнованно переглянулись. Ну и пусть не верят. Я точно смогу окончить школу с отличием, подготовиться к выпускному балу и украсить доверенные улицы по высшему разряду. Всего-то надо немного сократить время на сон и еду…

Глава 2

— Алетрис Аббас, я вам не мешаю? — тихо, но с угрозой спросила учительница прямо около моего уха.

Я резко вздрогнула и открыла глаза.

— Я не сплю, миссис Хаборт, — протараторила я, потерянно осмотревшись.

— Тогда, может, скажете, чему равняется диаметр круга? — с ехидной улыбкой попыталась подловить меня она.

— Диаметр круга равняется двум его радиусам или длине окружности, деленной на число пи, — заученно ответила я.

Лицо у строгой седеющей математички стало совсем уж хищным. Ей очень нравилось самоутверждаться за счет учеников, но преподавала она отлично, поэтому мы ее недолюбливали, но ничего серьезнее мелких шалостей сделать не могли. К выпускному классу почти все и вовсе приобрели иммунитет к ее выпадам.

— Если вы еще претендуете на отличный аттестат, то советую вам слушать меня внимательнее, — прошипела она.

— Конечно, миссис Хаборт, — без колебаний

отозвалась я.

Учительница в ответ фыркнула и как коршун угнездилась на большом кресле за своим столом. Прозвенел звонок.

— Домашнее задание — страницы 143 и 144, — объявила математичка под шум собирающихся одноклассников.

Я запихнула учебник и тетрадь в сумку, широко зевнула и вышла из душного кабинета в прохладный коридор.

— Вот ведь ведьма. Там же около пятнадцати задач на каждой странице. К завтрашнему дню их все нереально сделать, — пробурчала моя лучшая подруга Эмми, поправляя копну своих рыжих волос.

— Можно подумать, ты станешь все их решать, — меланхолично заметила я и снова зевнула.

— Конечно, нет. С меня и пяти хватит. Я за тебя волнуюсь. Честно говоря, ты уже начинаешь походить на зомби, — обеспокоенно произнесла подруга.

— Я в порядке, — хмуро заявила я и резко затормозила, чуть не угодив в косяк.

— Ага, я вижу. — Эмми хмыкнула, но больше лезть ко мне не стала.

Дружбу с ней я ценила в первую очередь за то, что она никогда не пыталась меня в чем-то переспорить и всегда протягивала руку помощи в трудные времена.

— Дашь списать английский? — вдруг перевела Эмми тему.

— Дам бартером на сэндвич с курицей, — ответила я.

— Ты опять не завтракала?

— Скорее, не ужинала. Не помню, спала ли вообще сегодня.

Эмми послала мне мрачный взгляд.

— Ты от своей собственной ответственности умрешь! — произнесла она.

— Вполне может быть, но тогда я хотя бы буду уверена в том, что сделала все возможное для будущего, — меланхолично ответила я.

Мы вышли во двор к фонтану и латунным черным лавочкам. Я устало плюхнулась на ближайшую скамейку и подставила лицо еще не агрессивному солнцу.

— Ладно, сейчас сбегаю в столовую за взяткой. Ты меня здесь подождешь? — спросила Эмми.

— Угу, — отозвалась я, не желая даже рот открывать.

Подруга вздохнула и умчалась. Последняя неде-

ля вышла для меня нелегкой. Пришлось работать как никогда много, но я все успевала. Во всяком случае, пока…

Рядом раздалось хихиканье девушек. Я резко выпрямилась и открыла глаза. Ко мне приближался Ангел. Сердце на секунду замерло, а потом застучало, как барабан. Светловолосый парень из параллельного класса, с глубокими синими глазами и с мягкой улыбкой на лице, о чем-то разговаривал с тремя моими одноклассницами и неторопливо шел в мою сторону. Тут его взгляд столкнулся с моим, и его улыбка исчезла.

Сердце у меня кольнуло. Вот почему предмет всех моих девичьих мечтаний холоден исключительно со мной? Хотя, если честно, я догадывалась, что это из-за нашей первой неловкой встречи, которая произошла четыре года назад…

* * *

— Вот твоя булочка, дорогуша, — дружелюбно сказала пухленькая владелица кафе.

— Спасибо, Маргарет, — с улыбкой ответила я и взяла в руки горячий розовый пакет, пахнущий сливочным маслом.

В милом кафе, украшенном живыми растениями и прелестными скатертями, после окончания

уроков в школе всегда толпилось столько народу, что даже негде было хоть на секунду присесть. Предвидя это, Эмми со мной идти туда отказалась, но мне слишком хотелось съесть эту невероятно вкусную сдобу с повидлом, поэтому я пошла в гордом одиночестве.

На улице, когда я покинула кафе, уже успело стемнеть, а с неба посыпался хлопьями переливающийся в свете фонарей снег. Мороз укусил меня за голые щеки, и я насупилась. Никогда не любила холода. Булочка в руках грела меня и просилась в рот, но я прекрасно осознавала, что съесть ее в перчатках не получится, а без них все пальцы отморожу. Пришлось запихнуть ее в карман куртки и поспешить домой.

Я свернула с улицы Шафран на улицу Георгинов и услышала тихое жалобное мяуканье. Оно заставило меня остановиться и прислушаться. Звук повторился. Я осмотрелась и заметила высокую елку, затаившуюся в переулке. Нетронутый снег заскрипел под моими ногами, когда я дошла до ствола дерева и посмотрела наверх. Там, среди иголок, на ветке уместился незнакомый мне светловолосый мальчишка примерно моего возраста. Мне пришлось поднапрячь память, чтобы вспомнить о том, что недавно в наш город

переехала мать-одиночка с ребенком.

— Эй, ты чего там делаешь? — спросила я.

Мальчик вздрогнул, чуть не упал вниз, а потом нахохлился и ответил, стуча зубами:

— Не т-твое дело.

Из-за пазухи у него показалась мохнатая голова серого котенка. Я нахмурилась и уперла руки в бока.

— Ты залез туда снимать кота, а теперь спуститься сам не можешь?

Мальчишка вспыхнул от смущения, и его щеки стали пунцовыми.

— Это не твое дело! — крикнул он.

Я осмотрелась кругом и поняла, что рядом нет ни одного прохожего. Подошла к ближайшему дому, постучала в дверь, но никто не ответил. В соседних домах тоже свет не горел. Вытащила из кармана телефон и поняла, что он разряжен. До кафе отсюда минут двадцать идти по скользкой дороге. Что, если мальчик совсем замерзнет, не сможет держаться, свалится и что-нибудь себе сломает? Видимо, придется составить ему компанию до прихода помощи. Устало вздохнув, я вернулась к елке, схватилась за нижнюю ветку и громко сказала:

— Я сейчас заберусь к тебе.

— Что? Нет. Не надо.

Не послушав его, в несколько подтягиваний я добралась до его ветки. Он прижался еще ближе к стволу. Все его тело тряслось от холода. Сколько ж он здесь просидел?

— Меня зовут Алетрис. Можно просто Трис. А тебя как звать? — дружелюбно уточнила я.

Мальчик насупился и так долго молчал, что я уже подумала, что он мне не ответит.

— Ангелис, — в итоге буркнул он.

— А кратко как? Ангел? — со смешком уточнила я.

Он рывком выпрямился.

— Только попробуй меня так еще хоть раз назвать, и я за себя ручаться не буду! — рявкнул мальчик, стряхнув на нас немного снега.

— Хорошо, Ангелис, не буду тебя так звать, — подняла я руки в знак капитуляции.

Он расслабился, а я начала осторожно его рассматривать. Снизу это оказалось не видно, но сейчас вблизи я четко осознала, что мальчик очень красив собой. Мне о такой внешности можно было только мечтать. Природа наградила меня оливковой кожей, карими глазами и черными волосами. В ночи, конечно, не только улыбку было видно, но я все равно выделялась среди основной

массы светлокожих жителей Сент-Ривера. Меня, впрочем, моя внешность всегда устраивала. Да, я не супермодель, но и далеко не уродина. Просто немного не такая, как все, и горжусь этим.

В животе у Ангела заурчало. Я вытащила из кармана успевшую остыть булочку и протянула ему.

— На вот. Она со школьного обеда осталась, так как не очень их люблю. Подруга говорит — вполне съедобная сдоба, — легко соврала я, чтобы не ставить его в еще более неловкое положение.

— Спасибо, — мягко ответил он и взял у меня булочку, ради которой я простояла в очереди почти полчаса.

Налетел ветер, приоткрыв нашу ветку свету фонаря, и я смогла рассмотреть милую улыбку на лице Ангела во всей красе. Мое сердце пропустило удар. Стало как-то жарко. Я попыталась отодвинуться, но чуть не упала. Ангел резко подался вперед и схватил меня за локоть.

— Осторожнее! — взволнованно предупредил он.

Несколько снежинок упали ему на ресницы, украсив их своим узором. У меня перехватило дыхание. Он посмотрел мне в глаза и тоже замер. Нас окутала вечерняя тишина спокойного

городка.

— Дети, у вас там все хорошо? Вы зачем туда залезли? — раздался звонкий голос.

Я вздрогнула и вновь обрела способность дышать. К дереву тихо подошла девушка с каштановой косой. Она смотрела на нас с огромным любопытством и недоумением.

— Мисс Стилсон, мы тут застряли. Помогите, пожалуйста, — сказала я, вмиг приободрившись от присутствия взрослого.

— Подождите еще минутку. — Новенькая в полицейском участке кивнула и очень быстро вскарабкалась вверх.

Она осмотрела нас и остановила взгляд на Ангеле.

— Хватай меня за шею, — строго распорядилась она.

Мальчик спорить не стал. Он обхватил шею девушки ледяными руками, и она его спустила. Я облегченно выдохнула и тоже начала спускаться, вот только ноги у меня от долгого сидения на холодной ветке замерзли и подкосились. Полицейская успела схватить меня за шиворот за секунду до встречи моего носа со льдом.

— Я же сказала, что надо подождать. Зачем вы вообще туда залезли? Это опасно, — начала она

нас отчитывать.

Котенок за пазухой у Ангела мяукнул. Мисс Стилсон посмотрела на серый комок шерсти и закатила глаза.

— Ну, теперь все понятно. Любовь к животным — это хорошо, но больше этому серому обманщику не верьте. Я его три раза в первую неделю патрулей здесь снимала, пока вдруг не увидела, что он и сам прекрасно справляется со спуском.

Ангел замялся, и даже я почувствовала себя недотепой, которую обманула существо в десять раз меньше. Котенок выбрался на снег, демонстративно задрал хвост и ушел. Вот ведь наглец!

— Вас отвезти по домам? — спросила полицейская.

— Нет, я недалеко живу, — сразу сказал ей Ангел, а потом посмотрел на меня. — Не смей никому об этой елке рассказать, иначе…

Он покраснел, замялся, не нашел, что еще добавить, и убежал. Я улыбнулась. Ангел показался мне безумно милым. Именно тогда наши отношения и оказались в той точке отсчета, когда я влюбилась, а он начал считать меня странной.

* * *

— Привет, Ангелис, — сказала я, когда он подошел ко мне ближе и чуть притормозил.

Стайка девушек обернулась ко мне с напряжением на лицах. Ангел начал рассматривать носки своих кроссовок.

— Привет, Трис, — холодно произнес он и ускорил шаг.

Девушки поспешили за ним. Сердце у меня болезненно сжалось. Все это время я пыталась подружиться с ним, но добилась только сухих приветствий. Это печалило. Я сжала руки в кулаки и приказала самой себе взбодриться. Мне обязательно надо попросить его стать моим партнером на цветочном балу. Пусть уж лучше он мне в лицо откажет, чтобы в университете я могла спокойно начать отношения с кем-то другим.

По спине у меня вдруг пробежал холодок. Я резко обернулась, осмотрела деревья с набухшими почками и заметила тень у забора. За мной сейчас кто-то наблюдал? Зачем? Внутри все сжалось, а весенний ветерок показался пронизывающе холодным. Широко шагая, я ушла обратно в безопасный шумный класс от накатившего на меня очень нехорошего предчувствия.

Глава 3

Шел конец третьей недели подготовки, и я уже была готова принять тот факт, что у меня началась паранойя. По непонятной мне причине после случая в саду я начала постоянно чувствовать на себе чей-то взгляд. Это жутко нервировало. Спать у меня и так выходило через раз, а с этим наблюдателем и вовсе порой посетить мир Морфея не получалось. Мне начало казаться, что еще немного — и я смогу заснуть стоя.

Лита рядом звучно чихнула, заставив меня встрепенуться и выплыть из полудремы.

— Трис, можно я домой пойду, а то у меня нос скоро отвалится? — попросила сестра и прижала платок к носу плотнее, пытаясь не запачкать свою модную черную кофточку соплями.

— Да, думаю, я с остальным сама справлюсь. Спасибо, — ответила я.

Сестра кивнула и ураганом выскочила из оранжереи на улицу. Я с сочувствием вздохнула. Лита пила таблетки от аллергии весной постоянно, и они обычно снимали почти все симптомы, кроме сопливости, что в целом, по словам врачей, опасности для нее не несло.

Мой взгляд опустился на список в руках. Буквы на секунду расплылись. Пришлось несколько раз моргнуть, чтобы сфокусировать взгляд.

— Все семь магнолий, которые нужно высадить, расставили на третьем гектаре рядом с петуниями. Три из них засохли. Необходимо сделать дозаказ. Лунки на улице вырыты и выложены керамзитом. Почвенная смесь и удобрения тоже готовы. Завтра после школы надо смочить корни биостимулятором, сделать глиняную болтушку и высадить часть саженцев, — прочитала я то, что успела записать, и нахмурилась. — Вроде ничего не забыла… Что там с ирисами?

О них записей я пока не делала. Прижав к себе блокнот, я осторожно вышла из теплицы, закрыла за собой дверь и ввела на цифровой панели температуру и влажность, подходящие для растений. Осторожно заглянула в четвертую теплицу с очень прихотливыми розами, убедилась, что все в порядке, и вышла. Первую и вторую, где росли шафран и орхидеи, решила не посещать. Я широко зевнула и пошла направо мимо теплиц с лотосами, лилиями, бромелиями, георгинами, ликорисами, подсолнухами, тюльпанами, нарциссами и ландышами к ирисам. Они, как назло, расположились в самом конце огромной

стеклянной оранжереи.

Ирисов в этом году предстояло высадить много, так как прошлый состав на улице отжил свое. Я сосредоточилась и начала их считать. Сбилась ровно шесть раз, но все-таки смогла убедиться в том, что они все на месте. Хорошо, что мы высаживаем только самые простые сибирские синие ирисы. За ними легко следить, и они довольно живучие. Их сладковатый запах вскружил мне голову. Я присела на ящик рядом с удобрениями, сделала в блокнот запись и убрала его в карман.

На сегодня все закончила. Завтра помимо прочего будет репетиция выпускного цветочного вальса, а я даже не знаю, с кем буду танцевать. Ангела пригласить мне не хватило духа, и я сильно сомневалась, что вообще смогу это сделать. Может, кого-то другого попросить меня сопровождать?

Глаза начали закрываться сами собой, и я уснула. Разбудил меня дикий грохот в коридоре. Я подпрыгнула и потерянно осмотрелась, не сразу поняв, где нахожусь. Вокруг царила почти непроглядная темнота. Сердце у меня подскочило к горлу и застыло где-то у язычка. Дрожащими руками я вытащила телефон из кармана.

— Как, уже полночь? — с изумлением выдох-

нула я и заметила несколько пропущенных от Литы.

Только я нажала на кнопку вызова, как телефон приказал долго жить. Он тоскливо пиликнул, показал, что разряжен, и выключился. Мне стало совсем уж не по себе. Лита и Белл должны уже дома десятый сон видеть, родители уехали вчера вечером, чтобы проконтролировать привоз новой партии роз, а бабушка обычно засыпала очень рано. Я в последнее время часто возвращалась из оранжереи поздно, поэтому искать меня бросятся разве что утром. Тогда кто сейчас находится в темном коридоре оранжереи?

Шум повторился. Волосы у меня на затылке встали дыбом. Единственный выход лежал через коридор, представлявшийся сейчас до невозможности жутким. Можно, конечно, выбраться через окно, но тогда нарушится микроклимат и драгоценные растения пострадают. Такому я никак не могу позволить случиться. Мы и так с трудом успеваем ко Дню города все подготовить.

Рядом с дверью я увидела тяжелую металлическую лейку и сразу схватила ее. Так себе оружие, но лучше, чем ничего. Рядом с ящиком, на котором я уснула, обнаружился слабенький фонарик. Я взяла его, подошла к двери и прижалась к

ней ухом, но ничего не услышала. Ноги у меня задрожали, как у новорожденного олененка. Захотелось спрятаться и до утра просидеть среди ирисов, но что, если вторженец испортит цветы?

Я осторожно приоткрыла дверь и выглянула в длинный темный коридор. Когда я шла по нему сюда, за окном еще светило ласковое весеннее солнышко, приветливо освещавшее пространство, а сейчас все вокруг больше напомнило мне зарисовку из фильмов ужасов. Мама часто ругала отца за то, что он установил выключатели только со стороны первых теплиц. Теперь я могла в полной мере ее понять. Идти с дальних теплиц к выходу в полной темноте — развлечение не из приятных. Фонарик почти ничего толком не освещал, но я вцепилась в него, как утопающий в спасательный круг.

Ноги отказывались идти вперед, а на глаза набежали слезы от страха. Да, я трусиха, но ничего не могу с этим поделать еще с самого детства. Меня даже маленькое видео с выскакивающими из темноты людьми могло напугать до икоты. Так что уж говорить про эту ситуацию?

Какое-то время ничего не происходило. Я отчаянно прислушивалась, но вокруг царила тишина. Пришлось глубоко вдохнуть и пойти вперед.

— Ты справишься, Трис. Это всего лишь коридор в знакомой тебе оранжерее. Ты по нему ходила миллион раз! — попыталась я успокоить сама себя вслух. — Все будет…

Слева что-то качнулось. Я истошно закричала и кинула в тот угол лейку. Она столкнулась с ножкой упавшей ранее на пол стремянки, звякнула и откатилась в сторону. Ноги перестали меня держать, я споткнулась и врезалась прямо в дверь одной из теплиц, выронив фонарик. Мой единственный источник света прокатился пару метров и остановился.

Секундой позже до меня начал доходить смысл произошедшего. Кто-то из доставщиков, видимо, плохо закрепил лестницу, и она свалилась на пол, разбудив меня. Никакого злодея здесь нет и никогда не было. Я сама себе его придумала и дико испугалась. На меня напал приступ истеричного смеха.

— Трис, ты дура! — побранила я саму себя.

Ощутив огромное облегчение, я встала на ноги, подвесила обратно стремянку, поставила лейку, взяла фонарик и шустро дошла до подсобки за своими вещами. Рюкзак обнаружился на столе. Я положила в него блокнот и заметила на столе сложенный пополам лист бумаги. Лита, что ли,

его забыла? Я взяла лист в руки, развернула и замерла от ужаса.

Кто-то торопливо и неразборчиво написал на нем: «Советую тебе быть осторожнее, цветочек».

Я резко сорвалась с места и выбежала из оранжереи. Дыхание у меня сбилось уже после первого поворота. Ноги снова затряслись, но я не остановилась ни на секунду. Ночная тишина сейчас показалась мне устрашающей и неестественной. В темноте переулков мне мерещились цепкие руки, клыки и когти неведомого преследователя. Сердце заходилось, как у маленькой пойманной в клетку птички.

Впереди показалась знакомая дверь родного дома. Я споткнулась о бордюр и упала прямо лицом вниз. Из носа хлынула кровь, а сзади послышался шум чьих-то ног. Адреналин быстро привел меня в чувство. Не ощущая боли, я забежала в дом и заперлась. Меня окутал звук тикающих часов и храпа бабушки, а до носа донесся запах любимых духов мамы и давно остывшей курицы.

Я осталась жива. Адреналин схлынул. Все тело у меня затряслось, и к крови на лице примешались соленые капли слез, остановить которые у меня получилось только спустя час.

Глава 4

Заснуть я так и не смогла, поэтому всю ночь готовилась к предстоящим экзаменам, вздрагивая от каждого шороха за окном. Сердце все еще заходилось в бешеном припадке от всякой мелочи, а ладони предательски потели. Зачем кому-то понадобилось мне угрожать? Врагов у меня никогда как таковых не было. Да, я не всем нравилась в школе и меня даже порой дразнили заучкой, но никто не пытался меня задирать по-настоящему. Может, это какая-то дурацкая шутка от одноклассников?

Я отложила учебник в сторону и дотянулась до полностью заряженного телефона. Время едва доползло до половины седьмого. Рановато, конечно, но мне необходимо узнать ответ немедленно. Если уж кто и был в нашей параллели извечным заводилой, то только предмет воздыханий моей подруги, о котором она знала все. Я быстро нашла контакт Эмми и нажала на кнопку вызова. Она ответила только после третьего звонка.

— Алло? — сонно произнесла она.

— Это совершенно не смешно, — зло проворчала я, на секунду выпустив все раздражение

прошедшей ночи на нее.

— Конечно, не смешно. Ты время видела? Я готова любить тебя только после девяти утра, — недовольно ответила подруга, но не отключилась.

Я сделала два глубоких вдоха, чтобы успокоиться.

— Полегчало? Теперь объясни нормально, почему ты мне трубку в такую рань обрываешь, — попросила Эмми, перед которой мне вмиг стало ужасно стыдно.

— Прости… — чуть ли не плача проныла я.

Голос Эмми стал вдруг серьезным:

— Трис? Что случилось? Ты в порядке? Где ты? Мне прийти к тебе?

По щекам у меня опять побежали слезы. Я упрямо стерла их рукавом кофты и постаралась взять под контроль голос.

— Я в порядке, но тут такое дело… Кажется, кто-то меня преследует. Он даже оставил мне записку с угрозой. Я не знаю, что мне делать, — быстро затараторила я.

— А теперь скажи все еще раз помедленнее и более вдумчиво, а то я вообще ничего не разобрала из твоих причитаний, — проворчала она.

Я сделала еще два глубоких вдоха и рассказала ей о вчерашнем вечере.

— Трис, я, наверное, все же приду к тебе и заставлю поспать, — после моего монолога произнесла подруга.

Я насупилась.

— Мне это не привиделось, клянусь тебе!

Эмми что-то неразборчиво промычала, а потом осторожно уточнила:

— Но здоровый сон все же не помешает, верно?

Во мне снова всколыхнулась злость. Подруга вздохнула, даже через телефон уловив мой ставший свирепым настрой.

— Хорошо, моя милая жертва маньяка, я тебе могу гарантировать, что Зак вчера был на тренировке по футболу, а после нее сразу пошел домой со своей бандой. Сомневаюсь, что он вообще знает, где ваши теплицы стоят, — ответила она.

Сердце у меня опустилось. Если это не дело рук Зака, то ситуация куда хуже, чем казалась на первый взгляд.

— Надо идти в полицию, — похоронным тоном объявила я.

— Знаешь, что первым делом они у тебя попросят? Доказательств! — отозвалась Эмми.

— Верно, поэтому я сейчас съезжу в оранжерею за запиской. Встретимся в школе. — Я сбросила вызов, схватила рюкзак, быстро кинула туда

учебник по географии и телефон, а потом сбежала вниз по лестнице в гостиную.

Бабушка еще храпела, Лита и Белл раньше половины восьмого никогда не вставали, что было мне на руку. Я быстро написала им записку, что уже уехала в школу, и повесила ее на холодильник. Мне очень не хотелось волновать их, но если наблюдатель вновь загонит меня в угол, то придется выносить ситуацию на семейный совет. Нашел же он время! У нас и так проблем выше крыши сейчас.

Я вышла на улицу Георгинов и прищурилась от яркого солнышка. Погода сегодня порадовала чистым синим небом. На ближайшей березе зачирикали воробьи, а до носа донесся запах очнувшихся после зимы красных, розовых, желтых и белых георгинов. В этом году украшать эту улицу было не нужно. Все цветы отлично пережили не очень холодную зиму и доставляли удовольствие всем вокруг.

Я вскочила на красный велосипед Литы и поехала на улицу Магнолий. Едва завернув, зорким глазом оценила состояние деревьев. Они уже полностью покрылись пока еще закрытыми розовыми цветами. Я удовлетворенно улыбнулась. На этой улице всегда все шло как по часам.

— Доброе утро, Алетрис. Ты рано, — раздался дружелюбный голос справа.

Я от неожиданности так резко ударила по тормозам, что чуть не вылетела через переднюю раму на асфальт.

— Осторожнее! — воскликнула мисс Стилсон и заспешила помочь мне.

Она всегда была ранней птичкой, любившей бегать по утрам, о чем я, конечно, забыла.

— Спасибо, я в порядке. — Пришлось выдавить из себя неловкую улыбку.

Мисс Стилсон недоверчиво вскинула брови. Я же начала судорожно размышлять, стоит мне сказать ей о преследователе или нет. Прошло уже четыре года с тех пор, как она сняла нас с елки зимой. За это время мисс Стилсон заработала себе превосходную репутацию в участке. Ходили даже слухи, что глава следственного отдела собирается передать ей свою должность в скором времени.

— Я могу чем-нибудь помочь тебе? — проницательно уточнила полицейская.

Я прикусила губу, а потом покачала головой. Эмми определенно права. Если я хочу кого-то обвинить в преследовании, — мне нужны доказательства.

Мисс Стилсон мой вид не убедил. Она сложила

руки на груди и выжидающе на меня уставилась.

— Ты от скуки с утра пораньше решила допрос ребенку устроить? — послышался насмешливый голос.

Я повернулась вправо и заметила черноволосого мистера Хейзела в шортах и тонкой футболке, не очень соответствующих утренней погоде конца первого весеннего месяца в Сент-Ривере. В руках он держал ведро и несколько тряпок.

— А ты, видимо, решил в машине дыру от каждодневного мытья сделать? Советую взять что-то поагрессивнее воды, чтобы так уж долго не мучиться, — даже не взглянув на него, отозвалась девушка.

Между ними возникла такая плотная недоброжелательная атмосфера, что мне захотелось попятиться. Об этой парочке, появившейся в городе в один год, у нас все знали и постоянно их обсуждали. Многие нашли очень интересными вечные препирательства следовательницы и адвоката. Я в число этих зрителей не входила лишь по одной довольно печальной причине. Мистер Хейзел был давно и безответно влюблен в мисс Стилсон, но она об этом даже не догадывалась. Все это очень сильно напоминало мне мое

безысходное положение с Ангелом, с той лишь разницей, что я собиралась покончить с этой безответной любовью после выпускного. Рано или поздно приходится идти дальше. Интересно, как скоро это дойдет и до мистера Хейзела?

— Дорогая Пенни, иногда я завидую людям, которые тебя не знают, — прищурив свои глаза цвета зеленой листвы, отозвался он.

— Никогда. Не. Называй. Меня. Пенни! — прошипела она и, наконец, посмотрела на него впервые за разговор. — И вообще, Итан, сделай мне одолжение и избавь меня от своей компании хотя бы на сегодня. Завтра поговорим в суде.

Сказав это и, видимо, уже начисто обо мне забыв, мисс Стилсон включила музыку на плеере в наушниках и побежала дальше к повороту на улицу Бромелий. Мистер Хейзел проводил ее долгим, задумчивым взглядом. Мне вдруг стало его очень жаль.

— Может, вам стоит сменить тактику поведения? — спросила я.

Мистер Хейзел повернулся ко мне и печально улыбнулся.

— Не надо переживать за меня, малышка. Я уже к такому вполне привык. Да и это куда лучше, чем ее прошлое холодное игнорирование, — от-

ветил он.

Перед глазами у меня встало отрешенное лицо Ангела.

— Не могу с вами не согласиться, — мрачно отозвалась я.

— А… Так мы с тобой в одной лодке? Надеюсь, он такой же обворожительный красавчик, как и я, раз сумел пленить тебя? — хитро уточнил мистер Хейзел с ухмылкой на лице.

Я критично осмотрела его беспорядок на голове и едва заметную щетину.

— Нет, он покрасивее будет, — честно призналась я.

Он в ответ неожиданно рассмеялся.

— Ты, погляжу, сильно влипла. Приходи ко мне через пару лет. Выпьем чего-нибудь крепкого и пожалуемся на судьбу. — Адвокат шутливо отдал мне честь и повернулся лицом к своему красному «Роллс-Ройсу».

Я кинула на него еще один сочувствующий взгляд и продолжила путь на улицу Петуний. Прибыв на место, бросила велосипед прямо у крыльца теплиц и заспешила внутрь. Телефон в кармане завибрировал. Написала Лита:

«Ты забрала мой велик???»

Быстро набрала ей ответ:

«Прости. Он был мне очень нужен. В школе отдам!»

Телефон отправился обратно в джинсы, невзирая на негодование младшей сестры. Я забежала внутрь подсобки и посмотрела на стол. Там не лежало ни одного белого листочка. Может, упал? Я встала на колени и проверила все углы, но записка с угрозой будто сквозь землю провалилась. Неужели Эмми права, и у меня от недосыпа уже галлюцинации начались?

Поежившись, я вспомнила испытанный мною ужас вчерашней ночи. Нет, мне это точно не привиделось. Второй встречи с преследователем я могу и не пережить. Просто умру от страха, и дело с концом.

Мой взгляд упал на часы. Занятия начнутся уже через полчаса. Идти в полицию у меня катастрофически нет времени. Надо было все же рассказать о своих подозрениях мисс Стилсон, но теперь уже поздно. Решено, закончу все дела на сегодня и, если снова почувствую на себе чей-то взгляд, пойду в участок и напишу заявление на этого загадочного наблюдателя.

Глава 5

Первая часть дня прошла спокойно настолько, что мне удалось даже поспать с открытыми глазами на уроке истории. Коренастый мистер Марсель предпочитал вести занятия, уткнувшись в книгу, поэтому ничего не заметил. Со звонком мое сонное наваждение спало, я широко зевнула и пошла в актовый зал на репетицию цветочного вальса. По традиции единственной школы Сент-Ривера этот танец исполнялся на площади в парке в день основания города с самых древних времен. Честь танцевать выпадала самым старшим ученикам, то есть выпускникам. Раньше выпускной и День города были двумя отдельными мероприятиями, но когда я пошла в школу, их объединили. Теперь вальс относился именно к выпуску из школы, хоть и учиться после него предстояло еще почти два месяца до экзаменов.

Цветочный бал меня всегда завораживал. Именно на площади в парке у пруда собирали вместе все цветы, девушки наряжались в роскошные пышные платья и вместе со статными кавалерами кружились в вальсе в свете софитов под падающими лепестками.

Сейчас же, когда до моего собственного бала осталось совсем мало времени, я не чувствовала ничего. Вся моя энергия уходила на то, чтобы просто не заснуть.

Эмми подхватила меня под локоть и ловко увела от столкновения с косяком.

— Спасибо, — произнесла я.

Подруга в ответ нахмурилась.

— Тебе явно нужно поспать, — процедила она.

— В следующей жизни высплюсь. — Я пожала плечами и осмотрелась.

Большой актовый зал со стеклянной крышей залило солнцем, подсветив пыльную сцену. Кто-то приоткрыл окно, и внутрь иногда заглядывал прохладный ветерок, едва остужавший почти сорок собравшихся здесь человек. Мои глаза сразу отыскали в толпе светловолосую макушку Ангела. Он стоял рядом со стайкой моих одноклассниц, которые не отставали от него ни на шаг уже почти месяц. Я насупилась, что не укрылось от взгляда Эмми.

— Ты вроде собиралась попросить его стать твоим партнером на выпускном балу, — сказала подруга.

— Да, но у меня не хватило на это времени из-за подготовки ко Дню города, — пролепетала

я и замялась.

— Времени? Будь честна хотя бы с собой и признай, что тебе не хватило смелости. — Эмми фыркнула.

— Да, я струсила, — сразу призналась я.

Эмми пару раз хлопнула меня ладонью по спине.

— Не переживай. Раз уж у вас за четыре года ничего не получилось, так, может, он просто не твоя судьба? Оглядись вокруг — хороших мальчиков тут просто вагон. Думаю, не все здесь уже успели найти себе пару для вальса, — сказала подруга в попытке меня приободрить.

Я выдавила из себя слабую улыбку и решила, что она права. Ангелу я в любом случае планировала признаться, но вот от совместного танца придется, видимо, отказаться.

Эмми заметила Зака, быстро попрощалась и заспешила к своей цели. Она его окучивала уже больше трех месяцев. У Зака просто не осталось ни единого способа спастись от ее обаяния, поэтому на днях он сдался, и они начали встречаться.

У стены я заметила худощавого Гарри. Он славился у нас знатной неуклюжестью и замкнутостью, поэтому его никто из девушек себе в пару не взял. Впрочем, Гарри был весьма дружелюб-

ным и милым парнем. Я решила, что он вполне себе сойдет за кавалера и медленно пошла к нему.

— Осторожно! — раздался вдруг выкрик.

Я только и успела, что обернуться, как на меня фонтаном полилась сладкая газировка. Сон словно рукой сняло.

— Ты чего творишь? — гневно спросила я у Донны, рассматривая испорченную белую футболку.

— Прости, Трис. Я тебя не заметила, — с наглой улыбкой ответила она.

Две ее подружки захихикали. Донна поправила свои золотистые кудри и приструнила своих подпевал одним лишь взглядом. Раз эта троица сейчас здесь, то… Я повернула голову и встретилась взглядом с удивленным взором Ангела. Мои щеки залил румянец от смущения.

— Эй, Трис, твои родители вместо цветов теперь и мокрых кур выращивают или это твоя импровизация для танцев? — сложив руки рупором, чтобы звучать громче, уточнил Зак, за что получил тычок локтем в ребра от злой Эмми.

Зал взорвался от хохота. Дыхание у меня перехватило, а к глазам подступили слезы. Я опустила голову, чтобы не видеть реакции Ангела. Если он тоже начнет надо мной смеяться, то я точно не

выдержу и разревусь прям здесь. Почему все это должно происходить именно на его глазах?

Смех одноклассников начал давить, словно уменьшая меня в размерах. Я почувствовала себя очень жалкой. Ноги наконец смогли оторваться от сладкого пола, и я вылетела в коридор, чуть не свалив с ног молодую учительницу музыки.

— Алетрис, что-то случилось? — взволнованно окликнула меня мисс Коул, заметив мое состояние.

Я остановилась и зло воскликнула:

— Ничего. Я не буду участвовать в выпускном вальсе, поэтому оставьте меня все в покое!

В зале вдруг опять стало тихо. Не знаю, такой ли реакции ожидал Зак на свою шутку, но у меня уже закончились силы терпеть. Кажется, я ухватила кусок больше, чем могла прожевать, и нервы начали сдавать.

Не дождавшись ответа учительницы, я ринулась вниз по лестнице, потом выбежала в сад, преодолела его и остановилась, только когда вернулась в класс истории. По щекам покатились предательские слезы.

— Хватит уже плакать! — отчаянно сказала я самой себе.

Слезы от этого мгновенно не высохли, но полу-

чилось хоть немного, но собрать мысли в кучу. Я села за свою парту и положила голову на руки. Телефон в кармане завибрировал. Пришло СМС от Эмми: «Где ты?» Нехотя набрала ей ответ: «В классе истории. Приходить не нужно — хочу побыть одна». Немного подумав, добавила: «Зака тоже не убивай, а то тебе не с кем будет на бал идти». Эмми отозвалась коротким: «Ок».

Все же мне нужен отдых. Раз уж теперь отказалась от танцев, то у меня появилось время поспать. Уставшие от слез и недосыпа глаза закрылись сами собой, и я быстро провалилась в глубокий сон.

Глава 6

Меня разбудил чей-то пристальный взгляд. Я почувствовала его даже через сон. Стараясь себя не выдать, постаралась дышать глубоко и ровно, но волосы на затылке все равно встали дыбом. Судорожно попыталась вспомнить, куда положила телефон, но голова не соображала.

Кто-то легким движением убрал прядь волос с моего лица. У меня внутри все сжалось от страха. Спала я, по ощущениям, недолго, значит, репетиция закончиться еще не успела. Мы в классе с этим человеком совершенно одни. Как он сюда вошел и что собирается со мной делать? Отчаянно захотелось убежать, но ноги опять перестали слушаться. Глаза защипало, и кровь застыла в жилах.

«Не смей плакать, иначе он поймет, что ты не спишь!» — приказала я самой себе.

Посмотреть на своего преследователя мне не хватало смелости. Рядом с моей головой что-то зашуршало. Пришлось приложить все усилия, чтобы не вздрогнуть. Он нож и веревку из пакета вытаскивает? Слух, казалось, обострился в несколько раз. На пару секунд, которые пока-

зались мне вечностью, опустилась звенящая тишина. Сердце у меня забилось громче отбойного молотка.

Незнакомец что-то положил на стол перед моим лицом, а потом вышел из класса. Я пролежала с закрытыми глазами еще минут пять, пока не осознала, что дышу через раз, и воздуха в легких уже не хватает. Повинуясь рефлексу, глубоко вдохнула и открыла глаза. Пустой класс предстал перед глазами таким же тихим и спокойным, как и всегда. На подоконник сел воробей и что-то настойчиво чирикнул. Бешеный стук сердца стал потихоньку замедляться, чего нельзя было сказать о дрожи в руках. Безмятежный вид класса натолкнул меня на мысль — не приснилось ли мне чужое присутствие?

Я осторожно опустила взгляд на парту перед собой и застыла. На ней лежала булочка с повидлом в нежной розовой упаковке из кафе Маргарет и сложенная записка. У меня внутри все сжалось в тугой комок. Чуть дыша, я взяла лист бумаги и развернула его. Уже знакомый корявый почерк вызвал холодный пот:

«Отдыхай. Я со всем разберусь».

«Разберется с чем?!» — с ужасом подумала я.

Звонок телефона заставил меня так сильно

подпрыгнуть, что я чуть со стула не свалилась. Судорожно вытащила его из кармана и уставилась на экран. Звонил папа.

— Привет. Вы уже вернулись домой? — немного нервно сказала я в трубку.

— Алетрис, у меня плохие новости, — проигнорировав мой вопрос, произнес отец.

Мне стало совсем уж не по себе.

— Что случилось? Что-то с мамой, бабушкой или сестрами? — испуганно пропищала я.

— Нет, у меня не настолько плохие вести. Мы благополучно вернулись домой, дошли до оранжереи и… — Папа на секунду замолчал, но я уже все поняла.

— Что случилось с цветами? — холодно и опустошенно уточнила я.

Папа тяжело вздохнул.

— Кто-то сломал систему терморегуляции. Все розы завяли. Я не знаю, как мы будем проводить в этом году День города.

Неожиданно для себя я горько усмехнулась. Страх вдруг пропал, уступив место поднимающейся из груди злости. Этот человек может ходить за мной по пятам, пугать и издеваться, но портить семейное дело я ему ни за что не позволю!

— Не волнуйся. Он за это ответит, — произнесла я.

— Кто ответит? — недоуменно переспросил папа, но я ничего ему не ответила. — Алетрис?

— Никто. Увидимся дома. — Сбросив вызов, я сжала с силой в руке записку, встала и ринулась прочь из школы к бульвару Ирисов.

Полицейский участок Сент-Ривера представлял собой простенькую серую коробку с витиеватой надписью и флагом Тесвиерии рядом. Стараясь долго не размышлять, я зашла внутрь и в несколько больших шагов добралась до стойки регистрации. Невысокая красивая блондинка за ней удивленно окинула меня взглядом. Я ответила ей тем же. Полицейские города не жаловали форму и надевали ее исключительно по праздникам, поэтому признать в них служителей закона удавалось с трудом. Эта милая девушка точно здесь работает?

— Привет. Мы, кажется, еще ни разу не встречались. Я — Лора Миллис. Работаю в следственном отделе, — дружелюбно произнесла блондинка и широко улыбнулась. — Ты к кому пришла?

— Я за помощью пришла. Меня преследуют уже несколько недель, — ответила я.

— Навязчивый поклонник, что ли? — со смехом

уточнил высокий светловолосый мистер Кирстен, появившись у меня за спиной.

Я вздрогнула и резко к нему обернулась.

— Ну-ка, не пугай мне ребенка, — побранила его мисс Миллис. — Парни иногда бывают слишком уж твердолобыми.

— Это не поклонник! Мне и моей семье угрожают, — отчаянно воскликнула я и протянула мистеру Кирстену записку. — Сами взгляните.

Он развернул ее, прочитал, поднял одну бровь и передал бумажку мисс Миллис.

— Это не очень похоже на угрозу, — задумчиво сказала она.

— Кто-то после этой записки сломал дорогую систему терморегуляции в нашей оранжерее, — со злостью добавила я.

Полицейские переглянулись. Я стала нетерпеливо топать ногой.

— Допустим, тебя действительно кто-то преследует. Зачем? — серьезно спросил мистер Кирстен.

— Если бы я знала, то не пришла бы сюда. Мне уже надоело бояться. Я жить нормально не могу. Пожалуйста, помогите.

Мои нервы сдали, и по щекам опять заскользили слезы. Мисс Миллис вскочила на ноги, вышла

из-за стойки и обняла меня.

— Милая, как тебя зовут? — мягко спросила она.

— Алетрис, — выдавила я из себя между всхлипами.

— Послушай меня, Алетрис, мы поможем. Все будет хорошо. Давай я принесу тебе чашечку кофе, а ты сходишь умыться. Хорошо? — продолжила она говорить со мной как с ребенком.

Мне не осталось ничего другого, кроме как кивнуть. Холодная вода в скромной серой уборной немного привела меня в чувство. Поток слез остановился. Я вернулась в приемную и уселась на лавочку рядом с суховатым фикусом. На автопилоте взяла в руки один из его листов и осмотрела.

— Вы бы его обрызгали водой, иначе погибнет, — сказала я.

Мистер Кирстен поднял одну бровь и посмотрел на несчастное растение так, будто впервые его увидел здесь. Я вздохнула, встала и уточнила:

— Где у вас пульверизатор?

Полицейский ловким движением вытащил его из-за стойки регистрации и передал мне. Я открутила крышку, чуть не задохнулась от запаха тухлой воды и кинула на него недовольный

взгляд. Он в ответ лишь пожал плечами. Я вновь скрылась в туалете, отмыла емкость, вернулась и осторожно опрыскала фикус. Привычное занятие меня окончательно успокоило.

Вернулась мисс Миллис с чашкой капучино, которую тут же вр учила мне. Я сделала несколько глотков и ощутила приятное тепло. Телефон в кармане завибрировал. Я вытащила его и нахмурилась.

— Рабочие привезли саженцы магнолий для посадки на улицу. Мне нужно быть там, — произнесла я и с надеждой посмотрела на полицейских.

— Отлично. Шон присмотрит за тобой до конца дня, и если преследователь покажется, то сразу его поймает, — энергично заявила мисс Миллис.

— Но, Лора, моя смена закончится через десять минут…

Она прижала палец к его губам и встала на цыпочки, чтобы хоть немного сравняться с ним в росте.

— Ты предлагаешь хрупкой маленькой даме ловить подозрительного мужчину? Что, если он окажется настоящим маньяком? — Мисс Миллис надула губки и захлопала ресницами.

— Нечестно использовать свою красоту в каче-

стве аргумента, — проворчал мистер Кирстен.

— Я орудую тем, чем природа наградила, — со смехом ответила мисс Миллис. — И моя смена тоже уже почти закончилась, а когда дежурный придет — неизвестно.

Он в ответ пробурчал что-то и повернулся ко мне лицом.

— Пошли, несчастье. Я буду постоянно держать тебя в поле зрения, пока дома не окажешься.

— Спасибо. — На глаза у меня снова набежали слезы, но теперь уже от благодарности.

— Ради бога, только не реви. Я не выношу женских слез! — Он поднял руки вверх в знак капитуляции.

Я быстро стерла влагу с глаз рукавом и уверенно кивнула, впервые за последние дни почувствовав себя в полной безопасности.

Глава 7

Я еще раз критично осмотрела магнолии, отошла на пару шагов, задумчиво прикусила губу, а потом утвердительно кивнула.

— Да. Все хорошо. Завтра утром надо будет высадить ирисы. Буду ждать вас у пересечения с улицей Шафран ровно в семь утра, — произнесла я, и нанятые рабочие начали собираться по домам.

Высадка затянулась из-за моего опоздания. Часы на телефоне показывали почти половину двенадцатого. Папа успел позвонить мне трижды, и каждый раз я заверяла его, что все у меня хорошо. Мистер Кирстен в черной «Тойоте» в конце улицы внушал мне спокойствие и уверенность, а мисс Миллис написала о том, что в школу сегодня никто из посторонних не входил.

— До завтра, Трис, — попрощался последний из наемных парней и сел в машину.

Я помахала ему рукой, подняла рюкзак с земли и побрела домой. Ночь выдалась чарующей. Светила большая, почти идеально круглая луна, запах цветов опьянял, и только стрекот сверчков нарушал тишину. Глубоко вдохнула свежий слад-

коватый воздух и улыбнулась сама себе. Пусть у меня все валится из рук, да и сама ситуация далеко не из самых приятных, но момент сейчас очень хорош. Грех не насладиться.

Иллюзию разрушил шелест в кустах белых георгинов. Я резко затормозила и всмотрелась в темноту. Мурашки вмиг поднялись от ступней к затылку. Я крепче схватилась за лямку сумки и нервно сглотнула.

— Я… я знаю, что ты там. Выходи! — словно мышь, пропищала я.

Тишина вдруг стала тревожной. Сердце заколотилось в груди. Может, мне показалось?

В кустах вновь зашуршало, и на свет появилась темная длинная фигура. Я завизжала и бросилась вниз по улице.

— Стой! — Я услышала окрик, но даже и не подумала подчиниться.

Ноги понесли меня еще быстрее. От страха я не заметила валун на дороге, споткнулась и прокатилась вперед по склону. Колени пронзила острая боль. Сзади послышался топот приближающихся ног. Я кое-как встала и попыталась спрятаться в ближайшем переулке. Может, он меня не найдет?

Сжавшись в комок у мусорных баков, я замерла

в самой неудобной позе на свете. Руки и ноги у меня затряслись, а к глазам снова подступили слезы. Чужие шаги замедлились. Мой преследователь остановился около поворота. Я услышала его тяжелое дыхание и осознала, как чувствует себя загнанный волком кролик. Мне совершенно некуда больше бежать. Где же мистер Кирстен? Он обещал присмотреть за мной. Я попыталась вытащить телефон, но он выскользнул из рук и потерялся где-то в темноте.

У прохода в переулок появилась темная фигура и сразу меня заметила. Я резко дернулась и попыталась отползти от преследователя.

— Стой. Не подходи. Не убивай! — заверещала я, вдруг обнаружив в себе силы кричать.

— Трис? — так же испуганно и взволнованно произнесла фигура и вышла на свет фонаря.

Мои глаза широко распахнулись, когда я смогла рассмотреть смущенного Ангела.

— У меня пластыри есть. Давай я подойду и помогу тебе колени обработать, а то они выглядят не очень хорошо? — с большой неловкостью в голосе спросил он.

На секунду я замерла, а потом резко подорвалась на ноги, совсем перестав чувствовать боль. Мой разум затопила ярость.

— Ты считаешь, что преследовать людей — это смешно? Придурок. Идиот! Да я чуть от страха не умерла. Причем уже во второй раз за месяц!

Ангел поднял руки вверх, и мы вдруг поменялись ролями хищника и жертвы. Я распалялась с каждой секундой все больше, а он под моим взглядом все сильнее краснел.

— Я знаю, что виноват, но выслушай меня, прежде чем судить… — пролепетал он.

Мне захотелось швырнуть в него чем-то тяжелым. Он даже не отрицал того, что преследовал меня и постоянно угрожал!

— Конечно, выслушаем, но в участке, — сказал запыхавшийся мистер Кирстен, схватившись за угол дома. — Ну вы и быстрые, ребята. Я за кофе отлучился всего на пять минут, а вас и след простыл.

— Мы поедем в участок? — переспросил Ангел.

Мистер Кирстен серьезно кивнул.

— Надеюсь, без моей помощи пойдешь? — Полицейский мрачно посмотрел на Ангела.

— Пойду сам. Только матери не пишите. Она в командировке и приехать все равно в участок не сможет. — Он спокойно сложил руки в карманы и поплелся из переулка к улице Магнолий, где осталась стоять одинокая черная «Тойота».

— Мне нужна помощь, — признала я, вновь ощутив боль и подкашивающиеся колени. — Сама не дойду.

Мистер Кирстен быстро оценил ситуацию, подошел и взял меня на руки, как принцессу, заставив смутиться.

— Потерпишь немного, ладненько? — со смехом спросил он.

— Угу, — промычала я и постаралась смотреть на что угодно, кроме его накачанной груди и рук.

Ангела полицейский усадил на заднее сиденье, а меня на переднее. До участка мы доехали молча. Там нас у стойки регистрации уже ждал хмурый глава следственного отдела Нестор Чериез. Видимо, он и был сегодняшним ночным дежурным.

— Вот поэтому я и не люблю ночные смены. У кого-то что-нибудь обязательно случается, — проворчал он, едва завидев нашу процессию.

— Да я и сам сегодня планировал посмотреть футбол за кружечкой хмельного, а не бегать за подростками по всему Сент-Риверу, — хмыкнул мистер Кирстен и усадил меня на стул.

Ангел приземлился рядом и хмуро уставился на мужчин перед нами.

— Вы бы хоть аптечку принесли, — сказал он.

Мистер Чериез критически осмотрел мои колени и кивнул.

— Сходи-ка за ней, Шон, а то у малышки могут шрамы остаться, — произнес он, заставив меня нахмуриться и открыть рот. — Не надо спорить. Я в три раза старше тебя, поэтому «малышка».

Пришлось заставить себя закрыть рот обратно.

— Вот и что ты устроил? Зачем решил девочку преследовать? Глянь, как ее перепугал, — мягко, но строго спросил следователь.

Ангел, на мое удивление, потупил взгляд, покраснел и принял вид нашкодившего котенка.

— Не хотел я ее пугать, — выдавил он из себя.

На меня опять напал приступ злости.

— Не хотел, значит? Да я думала, меня убьют сейчас! Это ж надо было додуматься ходить за мной, да еще и угрожать. Это Зак тебя надоумил? — гневно высказалась я.

Ангел от таких слов вздрогнул, резко выпрямился и посмотрел прямо мне в глаза.

— Угрозы? Ты о чем вообще? — спросил он.

Я дотянулась до рюкзака, вытащила оттуда записку и всучила ему в качестве неопровержимого доказательства. Ангел же продолжил лишь невинно хлопать глазами.

Дверь в участок открылась, и внутрь залетели

мои взволнованные родители. Мистер Кирстен наверняка связался с ними, пока мы ехали в участок.

— Трис, ты как, милая? — спросила мама, подбегая ко мне.

— Что он тебе сделал? — рявкнул отец, нависнув над Ангелом.

— Я в порядке, — сказала я в попытке их успокоить.

Никто мне, естественно, не поверил. Папа попытался схватить Ангела за ворот толстовки, но был остановлен следователем.

— Попрошу вас не наседать на молодых людей и дать мне разобраться в ситуации, — непреклонно произнес мистер Чериез.

Отец что-то недовольно буркнул, но отошел на шаг назад.

— Тебя же Ангелис зовут, верно? — мягко обратился к парню следователь.

Ангел мрачно кивнул. Вернулся мистер Кирстен с аптечкой, которую сразу отобрала у него мама и начала обрабатывать мне колени. Я смутилась, почувствовав себя маленьким ребенком.

— Скажи-ка мне, парень, ты угрожал Алетрис? — продолжил допрос мистер Чериез.

— Нет, — твердо и уверенно отозвался Ангел.

У меня от такой наглости дыхание сперло.

— Позволишь посмотреть на записку? — попросил следователь.

Ангел молча протянул ее ему. Мистер Чериез быстро прочел написанное и уточнил:

— Ты оставлял ей еще записки?

— Да. Написал: «Советую тебе быть осторожнее».

Следователь нахмурился.

— И все? — уточнил он.

Ангел стал таким красным, что его можно было бы спутать в тусклом свете с томатом.

— Я написал: «Советую тебе быть осторожнее, цветочек», — с трудом выдавил он из себя.

— Цветочек? Ах ты ж, наглец! — взревел отец и кинулся к нему.

Его перехватил мистер Кирстен.

— Если вы сейчас же не успокоитесь, то будете ждать дочь и жену на парковке, — строго произнес мистер Чериез.

Отец негодующе фыркнул, но сделал шаг назад.

— Я больше ничего ей не писал, клянусь, — добавил Ангел.

Следователь кивнул и перевел взгляд на меня.

— Алетрис, почему ты решила, что это угрозы?

— Что? — недоуменно переспросила я, растерявшись от такого вопроса.

— Подумай хорошенько, действительно ли Ангелис угрожал тебе, — спокойно попросил мистер Чериез.

Я нахмурилась, сначала решив стоять на своем, а потом задумалась. Пожелания Ангела выглядели довольно двусмысленными. Я посмотрела на поникшего парня, и мне стало очень стыдно от того, что я обвинила его во всем, даже не выслушав.

— Ты правда мне не угрожал? — робко уточнила я.

— Никогда, — сразу ответил он.

— Тогда с чем ты собирался разобраться? — спросила я.

— С Заком и Донной. Они сильно перегнули палку. Мы поговорили, и они пообещали оставить тебя в покое, — произнес Ангел.

Теперь уже мне захотелось превратиться в букашку и забиться куда-нибудь подальше.

— А зачем преследовал? — мама внимательно посмотрела прямо на него.

Ангел нервно запустил руку в волосы.

— Алетрис в последнее время плохо выглядела. Буквально спала на ходу и, по словам Эмми,

возвращалась домой поздно. Я переживал… — Он смущенно замолчал.

— Поэтому решил присмотреть за мной издалека, — закончила я за него. — Почему же ты просто не сказал мне прямо, что хочешь помочь?

Ангел насупился.

— Не заставляй меня говорить это вслух, — вдруг холодно процедил он, встал и посмотрел мне в глаза. — Я извиняюсь за то, что напугал. Мне, правда, жаль, но если ты продолжишь изводить себя, то я буду продолжать ходить за тобой. Поняла меня?

У меня пропал дар речи. Что ответить на такое заявление, я так и не нашла.

— Ты как смеешь так с моей дочерью разговаривать? — гневно пробасил отец, снова начав наступать на Ангела.

Мистер Кирстен спокойно перегородил ему путь и ухмыльнулся.

— У вас случаем родственных связей с Пенелопой Стилсон нет? А то догадливость в подобных делах у вас просто идентичная, — сказал он, сбив всех с толку.

На секунду повисла тишина. Моя голова опустела, и я окончательно запуталась во всем происходящем.

— Если это все, то можно мне домой? Мама за меня не шибко волнуется обычно, но под утро лучше все же не возвращаться, — прервал паузу Ангел.

— Ответь на последний вопрос, мальчишка. Это ты сломал систему терморегуляции в оранжерее? — прищурившись, спросил папа.

Ангел удивленно на него посмотрел, а потом четко ответил:

— Нет.

— Как нет, если она после твоего визита сломалась? Знаешь, сколько у нас теперь из-за этого проблем образовалось? — снова сорвался на крик отец.

Ангел испуганно вздрогнул, а я вспомнила о том, как, испугавшись лестницы, упала прямо на дверь одной из теплиц, и побледнела.

— Папочка, — тихо позвала я его, чувствуя, что глаза у меня вновь начало щипать от накативших слез.

— Что, милая? Тебе еще страшно? — вмиг смягчился он.

Я замотала головой, а потом закрыла руками лицо, чтобы не видеть разочарования родителей, и на одном дыхании выпалила:

— Это я сломала систему терморегуляции.

Глава 8

Сказать, что я чувствовала себе глупейшим существом во вселенной, означало ничего не сказать. С посещения участка прошел уже почти месяц. Родители меня внимательно выслушали и от дел семьи отстранили. Ангел с того злополучного дня перестал посещать школу. Мне не осталось ничего другого, кроме как учиться и ощущать свою полную бесполезность и беспомощность.

— Если ты сейчас же не перестанешь хандрить, то я тебя стукну! — с угрозой воскликнула Эмми.

Я тяжело вздохнула и посмотрела на нее. Подруга выглядела раздраженной, но вместе с тем и взволнованной.

— Тогда уж лучше просто сразу убей, чтобы не мучилась, — меланхолично отозвалась я.

— Если ты так волнуешься из-за Ангелиса, то просто сходи к нему домой, — сказала Эмми, заставив меня споткнуться и чуть не угодить в недавно высаженные тюльпаны у школы.

— Я? К нему? — тупо переспросила я.

— Да. А что в этом такого? Если хочешь знать мое мнение, то он тоже виноват в том, что все так

сложилось. Додумался же за тобой ходить и эти стремные записки дрожащей рукой писать, — ответила Эмми.

— Ну, не знаю… Что, если ему теперь будет противно со мной общаться? Я же его обвинила перед полицией в порче нашего имущества и преследованиях, — про-ныла я.

Эмми фыркнула, хитро на меня посмотрела и добавила:

— Брось. Он тебе там чуть ли не в любви признался при родителях, так что поговорит с тобой как миленький.

На меня накатило такое смущение, что стало очень жарко даже в летнем сарафане. В последние дни погода очень радовала теплом и безоблачным насыщенно-голубым небом, в которое я и уставилась, чтобы собраться с мыслями.

— Он не сказал этого прямо. Может, я просто приняла желаемое за действительное, — в итоге пролепетала я.

— Вот поэтому ты должна сходить к нему, нормально с ним поговорить и пригласить его стать твоим партнером на выпускном балу. До него всего-то пара дней осталась! — упрямо заявила подруга.

Я почувствовала, что теперь у меня и уши

вспыхнули. Мисс Коул все-таки уговорила меня ходить на репетиции, поэтому танец я выучила, хоть партнера так и не нашла.

Эмми перегородила мне путь, и мы остановились на развилке с улицей Шафран.

— Прекрати прятать голову в песок, будто страус, и сходи к нему домой, — грозно сказала она и указала рукой направо.

Я нервно сглотнула. Милое розовое кафе Маргарет сбоку вдруг показалось мне домом злой ведьмы.

— Живо, — добавила Эмми.

— Ладно. Я пойду, но если не вернусь, пообещай в честь меня назвать улицу, — мрачно сказала я.

— Не драматизируй. Увидимся на балу в воскресенье. — Эмми закатила глаза, развернулась и побежала дальше по улице Георгинов.

Я же медленно зашагала по улице Шафран к улице Бромелий. Погода резко перестала меня радовать. Птицы на деревьях вдруг начали щебетать как-то очень издевательски, а разноцветные дома потускнели. Сердце стало стучать медленнее и громче. Когда я остановилась у милого домика с синей крышей, то с меня уже несколько потов сошло. Может, лучше завтра сходить к нему?

— Привет. Ты Алетрис? — вдруг сказал дружелюбный голос сбоку.

Я вздрогнула, резко повернулась и замерла. На меня с улыбкой смотрела невысокая женщина-блондинка неземной красоты, в которой я сразу узнала мать Ангела.

— Да, я Алетрис…

— Очень приятно наконец увидеть тебя вживую. Мой ангелочек очень много про тебя рассказывал. Ой, чего мы все еще у ворот стоим? Проходи, я сейчас принесу прохладного лимонада, или лучше предложить тебе поужинать? Ты, кажется, только со школы идешь, — затараторила женщина, под локоть затащив меня в дом.

Я потерянно посмотрела на коричневые диваны, шторки в горошек и множество фотографий ребенка в рамочках.

— Это мой мальчик. Милый, правда? — с улыбкой сказала она.

Я в ответ что-то неразборчиво промычала, но она меня даже и не пыталась слушать.

— Ангелис! — громогласно позвала женщина. — Иди сюда быстрее. Помощь нужна.

По лестнице раздались ленивые шаги, и появилась светловолосая макушка.

— Привет, мам. Что нужно сделать…

Ангел замер от удивления на последней ступеньке, едва меня завидев. Мой взгляд опустился с его лица на обнаженный торс. Ангел вдруг осознал, что стоит передо мной наполовину раздетым, вспыхнул от смущения и бросился назад в комнату. Наверху громко хлопнула дверь.

— Ты не переживай. Он очень стеснительный мальчик. Садись давай. — Женщина принудительно усадила меня на диван.

Я начала нервно теребить в пальцах подол сарафана. Что, если Ангел больше так и не спустится? Мои опасения оказались напрасными. Он сбежал вниз по лестнице ровно через минуту.

— Мам, надо предупреждать о том, что у нас гости! — гневно воскликнул Ангел, проходя в гостиную уже одетым в футболку.

— А может, просто надо ходить в приличном виде всегда? — хитро уточнила его мать. — Ты уже ел? Посидишь с нами? Или, может, мне лучше оставить вас наедине?

Ангел вновь смутился и растерянно почесал затылок. Если уж и быть смелой, то лучше сейчас, чем никогда. Я резко встала на ноги.

— Да, я хотела бы поговорить с Ангелисом наедине, — быстро сказала я.

Повисла пауза. Ангел решил усиленно рассмат-

ривать занавески, чтобы не смотреть на меня. Глаза у женщины заблестели от понимания. Она широко улыбнулась.

— Да-да, конечно. Идите тогда наверх. Я принесу лимонад ровно через семь минут и шестнадцать секунд. — Она подмигнула мне и скрылась на кухне.

Мы замерли друг напротив друга. Я осознала, что сейчас сказала, и резко захотела сквозь землю провалиться. Ангел откашлялся.

— Пошли, а то она не шутила. Правда через семь минут придет, — произнес он и указал на лестницу.

Я кивнула ему и поднялась на второй этаж. Ангел обогнал меня и открыл первую дверь, приглашая в свою комнату. Я вошла и с любопытством осмотрелась. Его комната оказалась довольно типичной — синие обои, плохо заправленная кровать, несколько плакатов с футболистами, книжный шкаф с учебниками и стол с компьютером. Я подошла к кровати с намерением сесть.

— Лучше на стул! — резко воскликнул Ангел, выдвинув мне его из-под стола.

Я послушно села и задумалась. Что я собиралась ему сказать?

— Прости, — одновременно сказали мы и по-

смотрели друг другу в глаза.

— Позволь мне первой сказать, — попросила я.

— Нет, думаю, сначала мне надо объясниться, — возразил он.

— Это не ты обвинил меня в порче имущества и преследованиях. — Я упрямо покачала головой.

— Но я действительно тебя преследовал, да еще и дважды чуть ли не до смерти напугал. Мне очень жаль. Я этого не хотел. Просто… переживал за твое самочувствие, — сказал он, заставив мое сердце дрогнуть.

— Мне тоже очень жаль, что я довела эту ситуацию до полицейского участка. Прости за то, что я такая трусиха, и не избегай меня, пожалуйста, — пролепетала я.

— Я бы никогда не стал избегать тебя. Тем более из-за подобного! — горячо воскликнул он и смутился от собственных слов.

— Но ты же перестал посещать школу…

— Ну, мама как услышала, что я натворил, решила так меня наказать. Она знает, как я ненавижу репетиторов, поэтому заставила к ним ходить вместо школы. Должен признать, толку от них получил больше, чем от обучения в нашем шумном классе. Возможно, смогу нормально сдать экзамен и поступить на агронома в столи-

цу, — признался он.

— На агронома? Ты же вроде хотел стать программистом. — Я с удивлением посмотрела на него.

— Да, хотел, но передумал, — смущенно произнес он.

— Почему? — продолжила докапываться я.

Ангел тяжело вздохнул.

— Ты действительно хочешь, чтобы я сказал это вслух? Ладно… Трис, ты мне очень давно нравишься, поэтому я не хочу расставаться с тобой на время обучения, — сказал он.

Весь воздух вдруг исчез из моих легких, сердце остановилось, а дар речи пропал. Я никак не могла поверить в реальность происходящего, хоть и лелеяла в последнее время мысли о взаимности своих чувств.

— Я знаю, что не нравлюсь тебе, поэтому не утруждай себя ответом, — добавил Ангел, посмотрев себе под ноги. — Обещаю тебе больше не надоедать. Еще раз прости за все.

Я резко подорвалась на ноги и преодолела разделяющее нас расстояние.

— Ангелис, посмотри на меня, — мягко попросила я.

Он осторожно поднял взгляд своих синих глаз

на мое лицо, чем напомнил мне пушистого котенка.

— С чего ты взял, что не нравишься мне?

— Я говорил не про дружескую симпатию, а о чувствах между парнем и девушкой, — нервно уточнил он.

Настала моя очередь тяжело вздохнуть.

— Теперь ты вынуждаешь сказать меня это вслух. Ангелис, ты тоже очень давно мне нравишься совсем уж не по-дружески, — призналась я.

На его лице застыло удивление, которое начало медленно сменяться пониманием.

— Тогда, может, ты согласишься пойти со мной на цветочный бал? — спросил он.

— Да, конечно, пойду! — горячо отозвалась я.

Ангел улыбнулся, а потом вдруг нахмурился. Я почувствовала на своей щеке его дыхание и неожиданно осознала, что мы стоим очень близко друг к другу. В горле у меня вмиг пересохло, и я нервно сглотнула. Взгляд у Ангела стал задумчивым. Он склонил голову еще ближе ко мне. Неужели сейчас поцелует?

Дверь за его спиной резко открылась, заставив нас отпрыгнуть друг от друга.

— Я принесла лимонад. Что-то вы какие- то

совсем красные. Может, принести еще и мороженого? — дружелюбно уточнила мать Ангела.

Он в ответ пробурчал что-то утвердительное. Я схватила со стола тетрадку и начала ею обмахиваться в попытке скрыть улыбку. Оказывается, моя жизнь не так уж плоха! Я пойду на бал с самым классным парнем в школе, потом мы поступим в один университет, поженимся, заведем детей и будем управлять семейным делом… Стоп. А родители меня вообще на бал-то отпустят? Я очень сильно их подвела с организацией Дня города.

Телефон в кармане завибрировал. Я вытащила его и увидела двадцать пропущенных звонков и пятьдесят СМС. В моей душе все перевернулось.

Я открыла последнее сообщение от Литы и чуть не выронила телефон: «Беги на улицу Роз. Друзья отца привезли цветы. Красивому Дню города быть! И захвати с собой, кого сможешь. Нам нужно высадить более ста саженцев за два дня…»

Глава 9

— Мне срочно нужно уйти, — произнесла я, торопливо начиная продвигаться к двери.

— Что-то случилось? — взволнованно спросил Ангел.

— Нет. Вернее, да, но не нечто плохое. — На секунду я замерла, а потом повернулась к нему лицом: — Если ты не занят, то, может, поможешь?

Я перевела взгляд на маму Ангела и добавила:

— Нам бы сейчас любая помощь пригодилась…

— Конечно. Что надо сделать? — бодро отозвался Ангел.

— Надо высадить сто саженцев за два дня. Рабочих родители распустили еще на прошлой неделе. Даже не знаю, приедет ли кто еще к нам на помощь, — ответила я.

Ангел задумчиво посмотрел на мать.

— Я копаться в земле не люблю, но помочь, думаю, смогу. Из-за работы в банке у меня появилось много связей в Сент-Ривере. Вы идите, а я сделаю пару звонков, — сказала она и вышла из комнаты.

Мы поспешили вниз. Ангел быстро выкатил из

гаража синий велосипед. Я удивленно на него посмотрела.

— Что? Мы спешим, а права на вождение машины я еще не получил, так что могу предложить только багажник этого старичка, — смущенно пробормотал он.

— Спасибо, — я широко ему улыбнулась и устроилась сзади, обхватив его за торс и заметив, что уши у него от этого вспыхнули.

Я тоже смутилась и постаралась не смотреть на его очень даже широкую для подростка спину. Доехали мы быстро, но я успела за это время одной рукой написать просьбу о помощи всей своей телефонной книге.

Около шлагбаума нас встретила маленькая Белл с высоким хвостиком на голове. Она улыбнулась нам, сверкнув недостающим передним зубом, и помахала рукой. Мы остановились рядом с ней. Белл схватила меня за руку и потащила вперед.

— Давай быстрее, иначе не успеем! — сказала сестра и посмотрела на Ангела: — Он тоже помогать будет? А Эмми придет?

— Его зовут Ангелис. Он приехал помочь, а насчет Эмми ничего не знаю. Она готовится к балу и все еще мне не ответила, — произнесла я.

Белл кивнула, вспомнила, что не поздоровалась, и спешно поприветствовала Ангела. Из будки у шлагбаума вышел сторож, внимательно посмотрел на нас, а затем пропустил.

Завернув за угол, я обомлела от количества роз разных расцветок и сортов. Родители, бабушка и Лита уже были на месте — полностью грязные и не очень счастливые.

— Наконец-то! — сказала Лита с покрасневшими от аллергии глазами. — Я не могу уже больше.

— Спасибо, сестренка. Иди отдыхать, — ласково произнесла я, беря из общей кучи перчатки.

— Отдых мне только снится. Буду вам ящики пода… Апчхи, — отозвалась Лита.

— Нет уж. Иди домой, иначе после высадки нам всем дружно придется ехать в больницу, — непреклонно сказал папа, повернулся к нам с Ангелом лицом и нахмурился. — А он чего здесь забыл?

— Лита сказала, чтобы я привела на помощь кого могу. Между нами обид нет. Оба хороши оказались. Лучше работу распредели. — Я с уверенностью посмотрела на него.

Папа поднял одну бровь, но возражать не стал.

— Опыт в посадке есть? — уточнил он у Ангела.

— Только теоретический. Я собираюсь поступать на агронома, — быстро отозвался он.

Папа кивнул.

— Начинайте высадку с противоположной стороны улицы, — распорядился он и посмотрел на Литу. — А ты живо домой!

Я кивнула, передала Ангелу инвентарь, и мы ушли работать под недовольное бурчание Литы. Солнце припекало нещадно, и пот вскоре начал скатываться по лицу, мешая обзору. Сладкий запах роз довольно быстро приелся, а от бесконечного лая ротвейлера из двора неподалеку разболелась голова. За четыре с половиной часа до заката мы успели высадить едва ли одну пятую от необходимого объема, а устали так, будто совершили настоящий подвиг. Больше никто к нам так и не присоединился. Эмми даже на сообщение не ответила.

После захода солнца отец отвел в сторону Ангела, и они о чем-то разговаривали минут десять. Я наблюдала за ними с беспокойством, но, как оказалось, напрасно. Их диалог закончился рукопожатием и улыбками, значит, папа все же проявил благоразумие и извинился за свою эмоциональную вспышку в участке.

Ангел пообещал прийти завтра помогать, и

на этом мы попрощались. Дома за ужином у нас царила мрачная тишина. Все обессиленно ковыряли рагу вилками в тарелках. Когда оно почти закончилось, я откашлялась и отложила прибор в сторону.

— Пап, я хотела спросить… Если мы завтра успеем все высадить, то можно мне будет пойти в воскресенье на цветочный бал? — осторожно спросила я.

Родители с недоумением переглянулись.

— А в чем ты, дорогая, идти-то туда собралась? — уточнила бабушка.

Я напряглась и задумалась. Ни одного порядочного платья у меня в гардеробе не было, так как надежду на посещение бала я давно растеряла.

— Не знаю. Придумаю что-нибудь, — пролепетала я.

Мама тяжело вздохнула, встала и вышла из кухни. Мне стало неловко. Я внутренне сжалась, но решила не сдаваться.

— Я знаю, что очень сильно вас всех подвела и, наверное, не заслуживаю подобных развлечений, но я очень сильно хочу туда пойти. Выпускной бал бывает лишь раз в жизни и…

— Стоп! — резко прервал меня папа, заставив вздрогнуть и посмотреть на него.

Взгляд его карих глаз показался мне чересчур суровым. Я сглотнула и приготовилась к худшему.

— Алетрис, с чего ты вообще взяла, что подвела нас? — вдруг спросил он.

Я растерянно захлопала глазами и пояснила:

— У меня не вышло без проблем закончить подготовку на улице Магнолий и бульваре Ирисов, а еще я втянула вас в ссору, поспорила с учительницей и сломала систему терморегуляции.

Опустилась густая тишина. Я сжала руки в кулаки и опустила взгляд в пол.

— Ну ты и дура, — вдруг сказала сестра.

— Лита, чтоб я больше подобных слов от тебя никогда не слышал! — рявкнул папа.

К моим глазам подступили слезы.

— Я и без тебя знаю, что являюсь безответственной, трусливой дурой, — проворчала я.

— Не могу больше этого слушать. Ты глянь, до чего ребенка довел. Вот не стыдно тебе? — грозно произнесла бабушка, посмотрев на папу, которому резко стало не по себе.

Бабушка встала, подошла ко мне и взяла за руку.

— Алетрис, ты виновата только в том, что не сдержала данное мне слово и не позаботилась

о своем физическом и психическом здоровье так, как я того хотела. Климатическая система в оранжерее уже пару месяцев как умирала потихоньку, а наш главный и единственный мужчина в доме не смог ее вовремя починить. Это всецело его вина.

— Но, мам… — попытался возразить отец.

— Не мамкай и не перебивай меня. Я еще не закончила, — грозно побранила его бабушка и снова повернулась ко мне. — Мы все видели, как тебе тяжело, и знали о том, что так будет. Ты слишком ответственная для того, чтобы работать спустя рукава. Не стоило вообще изначально тебя так нагружать. Еще этот мальчишка…

— Ангел всего лишь за меня волновался, а я его не так поняла, — быстро возразила я, подняв голову.

Взгляд у бабушки стал суровым, и мне захотелось сквозь землю провалиться.

— Значит, его ты защищаешь, а себя нет? Расставляй приоритеты правильно и научись распределять время и силы. Ты умная, добрая, красивая и очень ответственная девушка. Пусть этот случай будет тебе уроком на будущее, — сказала бабушка.

Я посмотрела на нее и поняла, что она совсем

на меня не злится. Отец и сестры подбадривающе мне улыбнулись. Никто из них даже не думал винить меня хоть в чем-то. С моих плеч свалился огромный груз, а по щекам покатились слезы.

— Сестренка, не плачь. Если тебе еще будет так же сложно, то обязательно скажи нам. Все вместе мы справимся. Мы же семья, — сказала Белл, подойдя и погладив меня по плечу.

— Спасибо, — выдавила из себя я и расплакалась еще сильнее.

— Я опоздала с сюрпризом? — спросила мама, стоя в дверях с коробкой в руках.

— Нет, ты как раз вовремя. Алетрис, возьми. Там лежит твой подарок на выпускной, — сказал папа.

Я вытерла слезы рукой со щек, встала, взяла в руки увесистую коричневую коробку, открыла ее и вытащила из нее желтое бальное платье, украшенное белыми цветами алетриса.

— Пришлось пару ночей над ним посидеть, но теперь на балу ты будешь самой красивой, — сказала мама.

У меня пропал дар речи, а слезы размыли все перед глазами. Я поставила коробку на стул и по очереди крепко обняла свою семью. Все же они у меня самые лучшие!

Заснуть после такого ужина получилось с трудом, а утром меня ждал еще один сюрприз. Около шлагбаума на улице Роз собрался почти весь Сент-Ривер во главе с матерью Ангела и Эмми, чтобы нам помочь. Присутствие полицейских успокоило охранников улицы, а Маргарет угостила всех булочками и лимонадом. Мы даже и не заметили, как управились с такой, казалось бы, огромной работой.

Следующий же мой день начался еще до рассвета. Мама, бабушка и Лита помогли мне с прической и макияжем. Платье село как влитое, и когда я посмотрела на себя в зеркало, увидела невероятную красавицу.

Зашедший за мной Ангел даже потерял дар речи. Впрочем, я тоже долго не могла собраться с мыслями и около минуты молча рассматривала его статную фигуру в сером костюме с бабочкой.

— Ты отлично выглядишь, — первой отвисла я.

— Ты тоже очень красивая, — смущенно произнес он и подставил мне локоть.

— Пойду в машину, — проворчал папа и скрылся за дверью.

— Скажи честно, он тебе угрожал, пока ты меня здесь ждал? — тихо спросила я у Ангела.

Он в ответ фыркнул, улыбнулся и сказал:

— Совсем чуть-чуть. Кажется, он чувствует себя виноватым из-за того, что хотел побить меня в участке, поэтому какое-то время будет выбирать выражения.

Я рассмеялась и согласилась с ним. Папа отвез нас в парк, где уже собрались почти все выпускники, и я попыталась высмотреть Эмми. Большинство девушек сбились в разноцветную стайку и так сильно надушились, что вполне могли бы сойти за очередную цветочную клумбу. Подруга в синем платье нашлась в уголке. Она страстно целовалась с Заком, поэтому я закатила глаза и решила им не мешать.

— Всем внимание. Танец начнется через пару минут. Разбейтесь на пары, — скомандовала мисс Коул.

Мы с Ангелом встали перед растрепанными, но довольными Эмми и Заком. Раздались аплодисменты. Сердце у меня подпрыгнуло от волнения. Ангел заметил это и крепче сжал мою руку.

— Не бойся и доверься мне. Все будет хорошо, — сказал он.

Я улыбнулась ему и впервые в жизни пустила ситуацию на самотек, о чем так и не пожалела даже спустя пять лет. Впереди меня ждали прекрасный вечер, первый поцелуй от велико-

лепного будущего мужа и целое море падающих сверху лепестков в свете софитов.